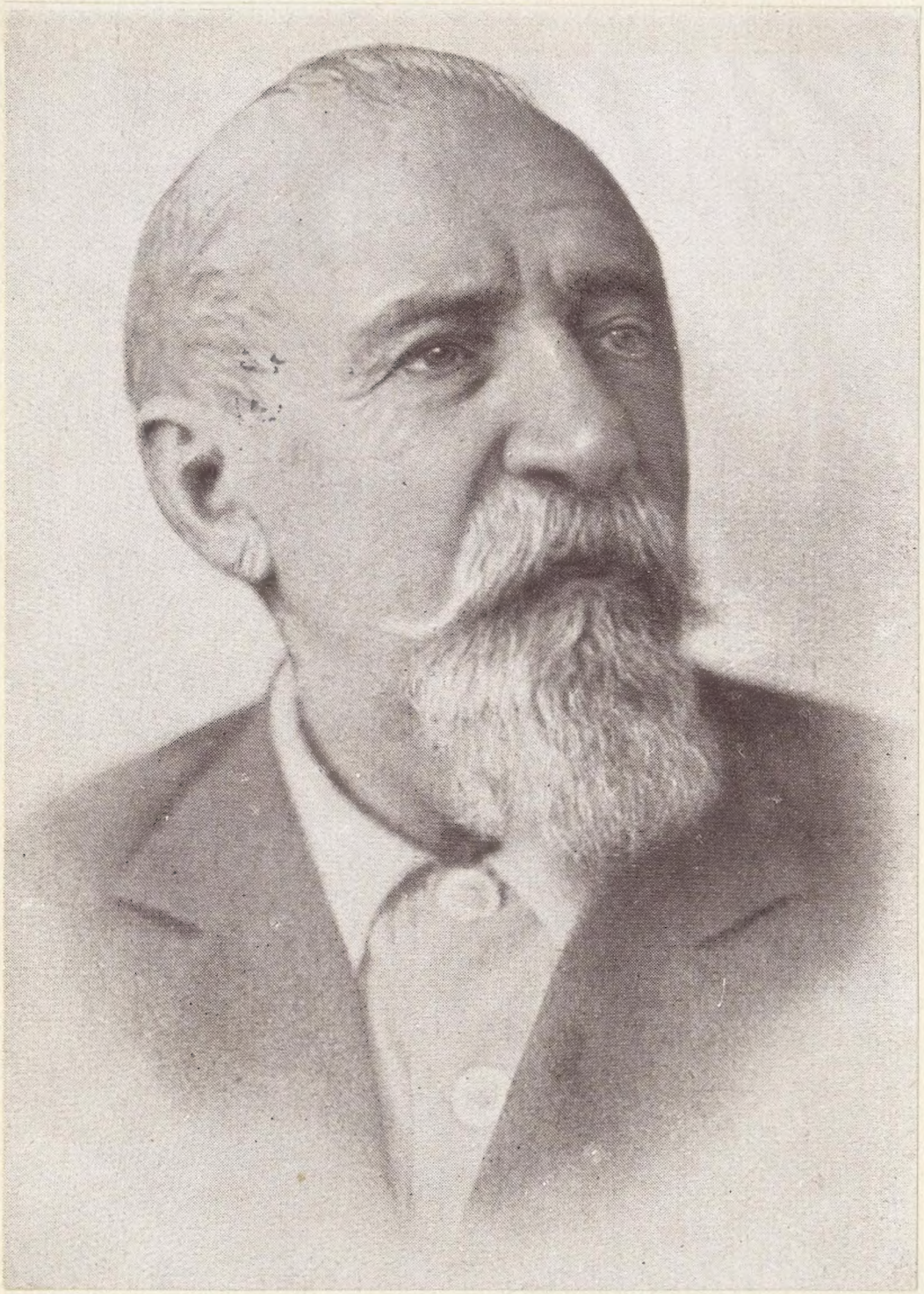
Лб42
93

С. Алексеев

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

1946

1542/93



С. Я. АЛЛИЛУЕВ. 1941 г.

1542/93

A

С. АЛЛИЛУЕВ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

ОГИЗ
Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1946

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

858450V

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания товарища Аллилуева — положительный фактор в нашей историко-партийной литературе. Эти воспоминания, или, выражаясь высоким слогом, мемуары, резко отличаются от аналогичного вида произведений буржуазных «общественных деятелей». И надо прямо сказать: отличаются в лучшую сторону. Хотя автор и редко выходит из сферы событий, участником которых он являлся, но вся его жизнь, умонастроение и переживания столь наполнены идеалами рабочего класса, что книга невольно приобретает глубокий социальный смысл.

Повествовательный характер изложения облегчает чтение воспоминаний, хотя они написаны скупо и даже суховато. Но самое главное — это то, что они захватывают читателя своим интересным содержанием. Причём, вникая в эти воспоминания, читатель непременно будет думать в указанном направлении, стремясь мысленно дополнить автора как в обобщении описываемых событий, так и в художественной разрисовке исторических факторов борьбы российского пролетариата. А это я считаю одним из больших достоинств мемуаров товарища Аллилуева.

Взять, например, картину вероломного, преднамеренного убийства Кецховели в Метехском замке, которое описывает автор. Картина эта полна драматизма. Но пролетарские революционеры, видя дикую расправу царских сатрапов над своим пленником, делают всё, — как бойцы в сражении, — чтобы нане-

сти врагу ещё больший удар и тем самым достойно почтить память своего товарища, отдавшего жизнь в борьбе за рабочее дело.

Воспоминания товарища Аллилуева охватывают многочисленные события партийной жизни и революционной борьбы главным образом в Закавказье, в частности, в Тифлисе и Баку. Но в них, в этих воспоминаниях, нет ничего областнического, парцелярно-локального, оторванного от общей освободительной борьбы российского пролетариата. Поэтому они столь же интересны для ленинградца, как и для тбилисца.

Правда, грузинские меньшевики затратили немало усилий, чтобы с самого начала изолировать революционное движение тифлисских рабочих и направить его в узкое и мелкое русло оппортунизма под знаменем буржуазного национализма. Но, как известно, все эти попытки потерпели полный крах. Направляемая товарищем Сталиным и его ближайшими соратниками революционная борьба тифлисских рабочих и рабочих всего Закавказья уже в те годы развернулась как неразрывная составная часть общероссийской революционной борьбы. И если меньшевики только «представительствовали» на поверхности тогдашней «общественности», поднимаясь, как пена в половодье, то революционные марксисты, руководимые товарищем Сталиным, делали настоящую историю победоносной революции рабочих и крестьян.

Воспоминания товарища Аллилуева не только знакомят читателя с историей революционного движения в Закавказье, но вместе с тем они облегчают глубокое понимание истории большевизма в целом. Достаточно сказать, что в Тифлисе были такие махровые меньшевики, как Ной Жордания, Рамишвили, Церетели и другие. Борьба с ними товарища Сталина, который возглавлял большевиков Закавказья, была не менее ожесточенной, чем борьба в Питере. Эта борьба формировала и закаляла ленинско-сталинские кадры большевистской партии. Товарищ Аллилуев почти непрерывно находился в самом пекле этой борьбы, отстаивая большевистскую линию среди рабочих масс. Вот почему его простое и вместе с тем правдивое описание всего того, что он видел, слышал

и делал в те годы, приобретает огромный общественный интерес.

Признаюсь, я читал эти воспоминания с большим наслаждением и получил такое удовлетворение, какого у меня, пожалуй, никогда не было при чтении мемуаров разных «знаменитостей» прошлого. Думаю, что и на других читателей они произведут сильное впечатление.

В частности, наши колхозники достаточно ясно увидят, откуда появились, как формировались и закалялись большевики. На конкретном примере самого автора воспоминаний они увидят, как крестьянская беднота выталкивалась из деревни, лишаясь земли и хозяйства, как из крестьянской бедноты выходили большевики, прошедшие суровую школу борьбы на капиталистических фабриках и заводах.

Наши рабочие найдут здесь историю своего класса, славную историю его борьбы, преисполненную революционным романтизмом.

Широкие массы советской интеллигенции, студенты и вообще люди, которые изучают марксизм-ленинизм, почерпнут отсюда много ярких иллюстраций к основным теоретическим положениям «Краткого курса истории ВКП(б)». Профессура и преподаватели истории партии, надеюсь, будут пользоваться этим богатым и ценным источником. Для пропагандистов книга товарища Аллилуева станет существенным пособием.

Одним словом, выход в свет воспоминаний товарища Аллилуева надо от души приветствовать и пожелать, чтобы нашлись талантливые подражатели его примеру.

Сергея Яковлевича Аллилуева, вероятно, мало знает наша молодёжь. А человек он очень интересный. В своих воспоминаниях товарищ Аллилуев называет себя бунтарём. И действительно, я знаю его как бунтаря, но только в лучшем понимании этого слова. Бунтарство его всегда носило характер революционно-пролетарского действия, направленного на защиту угнетённых.

Сергей Яковлевич является, — как и все те люди его поколения, которые до конца остались честными

большевиками, — практическим строителем коммунистической партии. Всю свою неиссякаемую энергию он отдавал и отдаёт великому делу партии Ленина — Сталина, сиречь делу рабочего класса и всех трудящихся, борясь и работая всегда с присущей ему импульсивностью и настойчивостью.

От души желаю товарищу Аллилуеву поскорее закончить свои воспоминания и сделать тем самым ещё одно большое дело для партии, для рабочего класса, для всего советского народа.

М. КАЛИНИН

P. S. Когда я писал это предисловие, Сергей Яковлевич был ещё жив и намеревался, несмотря на свой преклонный возраст и слабое здоровье, закончить эти воспоминания, чтобы тем самым сделать ещё одно большое дело для партии, для рабочего класса, для всего советского народа, которому он служил верою и правдою. Ныне его уже нет с нами. Сергей Яковлевич умер, но память о нём, как о благородном сыне партии Ленина — Сталина и пламенном патриоте нашей социалистической Родины, всегда будеть жить в сердцах большевиков и всего народа.

М. КАЛИНИН

ОТ АВТОРА

Настоящая книга, над которой я работал в течение нескольких лет, является частью моих воспоминаний (оригинал хранится в ИМЭЛ).

Мое сердечное спасибо И. Сталину, проявившему интерес к моим начинаниям на новом для меня, еще не испытанном поприще, и тем вдохновившему меня на эту работу.

Поддержал мое начинание и А. М. Горький, который был моим первым читателем. В письме от 23/IX—31 г. он писал мне: «что касается рукописи «Воспоминаний», повторяю: они крайне интересны. Очень советую Вам продолжать писать...» М. Горький.

Горячую признательность я выражаю М. И. Калинину, тепло встретившему мои воспоминания, а также А. А. Жданову, проявившему внимание к этой работе.

В подготовке книги к печати принимали участие: Музей Революции Союза ССР и ИМЭЛ.

Впервые воспоминания были опубликованы в журнале «Октябрь» в № 1—2 за 1942 г.

Благодарю всех товарищей, оказавших разностороннюю помощь в моей работе (Д. А. Пузанова, А. П. Закомолдина и др.).

С. АЛЛИЛУЕВ

В. И. ЛЕНИН.
1900-е годы.

И. В. СТАЛИН.
1900-е годы.

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отец умирал, но нас, детей, к нему не пускали.

— Холера — прилипчивая болезнь, — печально говорила соседка, приютившая нас. Она рассказывала, как отец судорожно метался по кровати, корчился, хрипел. Он был без сознания. Лишь к концу третьего дня болезни он пришёл в себя и тихо сказал:

— Дети! Где мои дети?

В тот же вечер отец умер. Его тело, уложенное в наспех сколоченный гроб, отвезли на кладбище. Мать моя молча бросила в могилу горсть земли и тихо, до обиды спокойно, произнесла:

— Вот и остались мы без отца.

Она не плакала. Но вот могила засыпана, пора уходить домой. Мать прижала к себе детей, обхватила руками.

— Сиротинушки... — всё так же тихо произнесла она. — И на кого ты нас оставил?! — вдруг громко протянула она и зарыдала. Заплакали и дети. И так, всхлипывая, шли мы тогда по селу — мать и пятеро ребят. Старшему было девять лет, младшему — два года...

Отец мой, Яков Трофимович Аллилуев и мать

Марфа Прокофьевна, родились крепостными. Оба принадлежали к дворовым помещика Трежесковского, — отец ездил кучером, мать находилась при барском доме, горничной. В дворовых, при барском доме, были все родичи отца и матери.

После освобождения от крепостной зависимости родители поселились в селе Раменье, Воронежской губернии, в Новохопёрском уезде. Как безземельный, отец нанялся кучером к доверенному откупщика.

Я родился в 1866 году. Семье нашей жилось нелегко, а после смерти отца стало ещё труднее. Мать ходила на подённую работу, обшивала односельчанок, но прокормить семью одна не могла. Старшего брата забрал дядя, я подолгу гостил в соседней деревне у тётки, сестры матери. Последнего из детей, двухгодовалого Павла, взял на воспитание бездетный сапожник из нашего села, вскоре уехавший куда-то в Сибирь. С тех пор мы о брате ничего не слышали, и только в 1925 году, через полвека после разлуки, удалось мне с братом вновь встретиться.

Оглядываясь назад, в далёкое прошлое, я вижу родное село, избу, корову Краснуху с белым пятном на спине. Помню, как горько оплакивали мы Краснуху, когда мать, доведённая нищетой до отчаяния, продала её.

Перед глазами всплывает сельская улица. Посредине села, прочно упираясь в землю, стояла церковь. А дальше, за базарной площадью, в низине, застыл большой и сумрачный пруд, окаймлённый вётлами. В знойные летние дни мы, ребятишки, бросались в мутную, покрытую зеленью воду, оглашая звонкими криками воздух. Частенько после купанья, проголодавшись, мы небольшой слаженой стайкой производили опустошительные набеги на сады и огороды. Особой любовью пользовались у нас сады, примы-

кавшие к нашему двору и принадлежавшие священнику, отцу Капитону и хромому дьячку Елисею. В садах было хорошо. Стояла по-особому торжественная тишина. Лишь ветерок, пробегая по вершинам деревьев, лениво шевелил тяжёлые ветви. Но как бы лирически ни настраивали чудесные картины садов, деревья трясли мы энергично и безжалостно.

Однажды пришёл я домой радостный и возбуждённый. Мать была уже дома. Увидев мои карманы, наполненные яблоками, она подошла ко мне и дрожащим от гнева голосом спросила:

— Где ты взял яблоки?

Я пытался соврать, сказал, что мне их дали.

Мать, не сводя с меня глаз, повторила:

— Где ты взял яблоки?

Я понял, что скрывать дальше нельзя. Я признался, что лазил в чужой сад. Мать, не говоря больше ни слова, зажала мою голову между ног, стянула с меня штаны и усердно отстегала берёзовым веником. Я мужественно перенёс наказание, но с той поры стал испытывать отвращение к берёзе.

Часто бродили мы по окрестным лесам, собирая всевозможные ягоды. Я знал все извилистые тропинки, скрытые в зарослях малинника. В конце лета, когда в лесах поспевали дикие яблоки, груши, орехи, мы пропадали там с утра и до захода солнца. Но неумолимо надвигалась осень. Небо покрывалось тяжёлыми, хмурыми тучами. Непрерывно шли дожди, шумел ветер. Становилось холодно.

Осенью тысяча восемьсот семьдесят четвёртого года, восьми лет, вместе со всеми пошёл я в школу. Здесь было весело и шумно. Во время перемен мы играли, бегали, прыгали друг через друга. Хорошо было в школе!

Но радости моей скоро пришёл конец. Как-то

вызвали мою мать в школу и предложили внести деньги за учение. Как не коренной житель села я не имел права учиться бесплатно. Мать растерянно развела руками.

— Нет денег, — сказала она.

— Без денег учить не можем.

Ровно через месяц меня перестали учить.

— Почему в школу не ходишь? — удивлённо спрашивали меня товарищи.

Я молчал, понуро отходил в сторону. Меня душили горькие слёзы обиды. Я страдал от стыда и не хотел сознаться в том, что меня исключили из школы за неуплату денег.

— Чубук! — пренебрежительно говорили ребята.

Когда ударили первые морозы, мать упросила дьячка Елисея учить меня грамоте. Учил Елисей по псалтырю и больше всего заботился о том, чтобы я никогда не лазил в чужие сады и питал почтение к старшим.

Зима была для меня самым трудным временем. На моих еще не окрепших плечах лежало тяжёлое бремя — за учёбу я должен был помогать Елисею по хозяйству и, кроме того, запасаться топливом для нашей избы. Ещё с осени ежедневно отправлялся я в лес, собирал сухой валежник и вязанку за вязанкой таскал домой.

Изредка и зимой выпадали счастливые дни. Это были дни первых заморозков, когда пруд покрывался слоем льда. Я носился по гладкой, прозрачной броне пруда, вызывая зависть у своих сверстников. Одетые в овчинную одежду и валяную тёплую обувь, они стояли на берегу, боясь двинуться на тонкий ещё лед. Но пример был заразителен, не поборов соблазна, один за другим они — сначала робко, затем все смелее — спускались с берега. Тонкий лёд не

выдерживал тяжести, начинал зловеще трещать, вызывая общий страх. Тогда я командовал:

— Ложись!

Я опускался на лёд и медленно полз к берегу, увлекая за собой ребят.

Весной мать нанялась на работу в имение помещицы Трежесковской, в четырёх верстах от нашего села. Туда же она забрала меня и братишку. Вскоре из Москвы приехали дети помещицы. Её старшая дочь Юлия изъявила желание заниматься с ребятами, не посещавшими школу. Таких набралось человек десять. Собирались мы в помещичьем саду, в беседке, укрытой густой зеленью.

Нашу учительницу часто навещал её жених помещик Деев. Это был красивый молодой человек. Он окидывал взглядом беседку, удивлённо пожимал плечами и постоянно задавал один и тот же вопрос:

— Долго вы будете обучать их?

— Погуляйте в саду, — отвечала учительница.

Деев терпеливо ожидал.

В июле, в один из воскресных дней, госпожа Трежесковская с дочерью отправилась в церковь к обедне. Во время службы Юлия заметила, что на неё пристально смотрит молодая деревенская женщина с большими чёрными глазами. Юлия заинтересовалась ею и узнала, что она солдатка и зовут её Малашей.

Однажды Юлия встретилась с солдаткой. Малаша поведала ей своё горе: вскоре после ухода мужа в солдаты у них пала лошадь. А тут приближалась весна, нужно было готовиться к пахоте. Свекровь надумала сходить к помещику Дееву попросить у него помощи. Деев, выслушав слёзную просьбу старухи, обещал помочь. Потом, будто вспомнив о чём-то, сказал:

— Да, вот что. В начале мая приезжает ко мне мать. Ей нужна горничная. Ты пришли-ка невестку, а уж землю я подниму.

Старуха поблагодарила барина за милость и ушла.

Через несколько дней конюх Деева привел на крестьянский двор мерина. Деверь Малаши, Захар, приняв лошадь, растерянно обратился к Малаше:

— Уж ты того, послужи барину. Ты видишь, какого мерина он прислал нам — прямо ветер!

Свекровь сокрушённо напутствовала:

— Чует моё сердце, что не убережёшь себя. Да делать нечего, голод стучит к нам!..

На красавицу Малашу Деев давно обратил внимание, и солдатке пришлось в конце концов уступить домогательствам хозяина.

Юлия выслушала рассказ Малаши и ничего не сказала. Прошло некоторое время, и по имению Трежесковской разнеслась весть: Юлия покончила жизнь самоубийством.

Так внезапно, и на этот раз печально, закончились мои занятия с третьим по счёту педагогом.

Вскоре после этой грустной истории с нами, детьми батраков помещицы, произошёл комический случай. Как всегда, в усадьбе заготовляли всевозможные варенья и ягодные наливки. В большом амбарном помещении мылась и выпаривалась посуда, из огромных, в плетёнках, бутылей прямо на двор вытряхивалась ягода от прошлогодних наливок. Когда работницы ушли обедать, мы набросились на ягоды, как воробьи на просо. К нам не замедлили присоединиться домашние животные и птица. Вернувшись с обеда, работницы были поражены необычным зрелищем. У амбара валялись в разных позах дети и что-то бессвязно бормотали. По всему двору бродили, падая и подымаясь, гуси, утки, куры. Ста-

М. И. КАЛИНИН.
1900-е годы.

К. Е. ВОРОШИЛОВ. 1907 г.

рый бородатый козёл неестественно прыгал; молодой медвежонок, посаженный на цепь, то скулил, то яростно рычал и рвался, пытаясь приблизиться к ягодам. Все были «навеселе».

Работницы спешно принялись скрывать следы своей оплошности. Награждая каждого увесистым пинком, они вывели нас на задний двор, за конюшню. Туда же загнали козла и часть опьяневшей птицы.

Осенью мы с матерью вернулись в свое село. Здесь обучать меня взялся местный грамотей, землемер-самоучка, — уже четвёртый по счёту учитель. Но вскоре началась русско-турецкая война, и землемер, как запасной солдат, был мобилизован в действующую армию и отправлен на фронт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Летом тысяча восемьсот семьдесят восьмого года мать отвезла меня на Дон, в станицу Урюпино — ныне город Урюпинск, Сталинградской области. Она определила меня мальчиком в магазин галантерейных товаров купца Гремячевского.

Мой приезд в станицу совпал с окончанием русско-турецкой войны. У донских казаков существовал обычай: возвращаясь из военного похода, каждый из них считал своим долгом привозить родным и друзьям подарки. Мужчинам — отрез материи на мундир или заготовки на сапоги, женщинам — обувь, платье, богатую шаль, полушалок или нарядный платок.

Местные купцы, прослышав об окончании войны, задолго до возвращения казаков готовились к бойкой и прибыльной торговле.

Мой хозяин не имел особых шансов на бойкую торговлю, — галантерея не привлекала внимания ка-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

заков. Соседи-купцы добродушно шутили над Гремячевским, советуя приобрести побольше разноцветных дамских панталон.

— Хорошо пойдёт этот товар! — говорили они.

Но Гремячевскому было не до шуток. Войдя както утром в магазин, он окинул взглядом полки, заставленные дамскими шляпами, перчатками, лентами, кружевами, пуговицами, гребнями, заколками, и сказал:

— Так, брат, мы с тобой не наторгуем! Надо новые товары завезти. Верно, Серёжка?

— Верно, — подтвердил я. — Нужны новые товары!

Вскоре хозяин уехал в Москву. Там он закупил иконы, кресты, металлические хоругви. Купец не прогадал: казаки в складчину покупали божественные товары и как дар преподносили местной церкви.

У Гремячевского я прослужил три года. Время тянулось медленно и однообразно. Каждый день повторялось одно и то же: я выполнял мелкие работы по хозяйству, зазывал покупателей, слушал сплетни да пересуды хозяйской родни.

Жизнь была нестерпимо скучная. Как избавиться мне от магазина, от скупой и сварливой хозяйки, от этой серой и однообразной жизни? Уйти? Но куда? Что я умею делать? Как проживу? Мысли, одна страшнее другой, без конца проносились в голове.

Жить бы мне у купца Гремячевского долго-долго, если бы не поскандалил я с хозяйкой. А вышло это так. Однажды рано утром, когда на дворе было ещё совсем темно, хозяйка разбудила меня.

— Воды принеси, — сказала она, — самовар раздуй, помои вынеси, дров наколи!

— Всё?

— Пока всё, — ответила она, — когда сделаешь, скажи. Работы хватит!

— Это я знаю, — одеваясь, сказал я. — У вас всегда работы хватит.

— Что? — вдруг, багровея, спросила хозяйка. — Что ты сказал?

— Что слышите.

— Ах ты, сукин сын! — воскликнула хозяйка и схватила меня за волосы. — Ты с кем же разговариваешь?

Но я вырвался из её рук, оттолкнув её в сторону. Хозяйка была возмущена, она долго зло бранилась.

От купца Гремячевского пришлось уйти. Сложив свои нехитрые вещи в узелок, я отправился в Борисоглебск, куда незадолго до этого переехала моя мать с сестрёнкой и братом. Они перебрались сюда после того, как пламя пожара слизнуло нашу избу.

В Борисоглебске жизнь текла ровно и неторопливо. Днём торговали магазины, лениво дымили паровые мельницы и маслобойный завод, изредка со станции доносились гудки паровозов. По вечерам, когда зажигались редкие огни, на главной улице начиналось гулянье. Сотни людей медленно двигались по мостовой, шурша подошвами. А над улицей, над гуляющими, сгущаясь, клубилась пыль.

Мать моя служила прислугой у местного доктора. Я же, по протекции доктора, поступил подручным приказчика в магазин бакалейных товаров.

В магазине я пробыл недолго. Однажды в базарный день хозяин, присмотревшись к моей работе, всплеснул руками:

— Ты что, разорить меня хочешь?

— Почему? — непонимающе спросил я.

— Почему, почему!.. — зло сказал хозяин. — Если стоят весы, так, по-твоему, надо отвешивать товары точно?

— А как же?

Хозяин пожал плечами.

— Или ты притворяешься, или тебя учеником ещё держать надо. — Потом хозяин оглянулся и, убедившись, что его никто из посторонних не слышит, зашептал: — На пуд фунт не довесь, на фунт — золотник. Неужто тебя этому прежний хозяин не обучал?

— Я обманывать никого не буду! — решительно заявил я.

— Да разве это обман? — удивился хозяин. — Так испокон веков ведётся. И тебе нечего артачиться! Понял?..

Приказчик, не умеющий обманывать покупателей, обвешивать и обсчитывать их, хозяину не нужен. Я это сразу понял и ждал со дня на день увольнения.

И день этот наступил. Как-то вечером, после ужина, хозяин перекрестил лоб и сказал мне:

— У нас с тобой разные характеры. Не сойдёмся, видать. Покинь магазин.

— Ладно, покину...

— Покинешь? — недоверчиво переспросил он.

— А что же делать? Покину!

Хозяин, видимо обрадованный тем, что я спокойно принял весть об увольнении, с чувством сказал:

— Люблю честных людей, сильно люблю!

Коммерсант из меня не вышел. Надо было искать другую работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мне повезло. В мае тысяча восемьсот восемьдесят второго года я поступил в борисоглебские мастерские Юго-Восточной железной дороги. Меня направили учеником слесаря в паровозоремонтный цех.

В первые шесть месяцев я получал по десять ко-

пеек за рабочий день. А начинался он с шести часов утра и кончался в шесть с половиной часов вечера.

Зимой в мастерских было очень холодно: чугунные печи, стоявшие там, тепла почти не давали, зато всё время дымили.

В обеденный перерыв изнурённые рабочие садились вокруг печей и, давясь дымом, закусывали. Были они в тяжёлой одежде, пропитанной маслом и грязью. Неохотно перебрасываясь между собой словами, рабочие съедали свои завтраки и, призываемые гудком, вновь становились к станкам. К концу дня рабочие изнемогали от усталости. Когда долгожданный гудок возвещал конец смены, люди торопливо складывали инструмент и, не умываясь, брели домой. И так каждый день.

Ученикам было совсем туго. Работали мы также по двенадцати с половиной часов, получали же около трёх рублей в месяц. А угол и еда стоили семь рублей. Мать и сестра выкраивали из своего скудного заработка эту разницу — четыре рубля — и давали мне. Через два года я стал получать пятьдесят копеек в день.

Через пять лет, в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году, окончился срок моего ученичества. К этому времени я уже зарабатывал рубль в день. Жить стало легче!

Но Борисоглебск с его базарной площадью, вечно покрытой густым слоем пыли, с его тихим и скучным житьём, мне надоел. Я решил поискать счастья в другом месте, побывать в крупных городах, посмотреть на новых людей. Дождавшись весны, я предпринял путешествие по земле русской.

Первый город, в котором я остановился, был Елец. По внешнему виду и благоустройству он ничем

не отличался от Борисоглебска. В нём были такие же узкие улички с небольшими домиками, наполовину вросшими в землю, такая же пыльная площадь. Жизнь здесь шла так же размеренно. Поработав полтора месяца в местных железнодорожных мастерских, я направился дальше — в Москву.

В Москве у меня не было ни одного знакомого. Несколько дней я бродил по людным и шумным улицам, одинокий и растерянный. На третий день вечером я познакомился с каким-то человеком, оказавшимся рабочим. Я спросил его, не знает ли он, где можно найти работу. Не отвечая на мой вопрос, он в свою очередь спросил:

— Ты откуда приехал?

Я сказал, что из Ельца.

— Из Ельца? — повторил он. — Что, плохо там?

— Плохо. В мастерских плата копеечная, а день длинный.

— Тут ещё хуже! — сокрушённо произнёс рабочий. — Работы нет, а уж если найдёшь — не обрадуешься. Здесь жилы тянут похлеще, чем в твоём Ельце.

Что оставалось мне делать? Я походил ещё денёк по Москве, полюбовался ею и поехал в Ковров, где у меня были товарищи. Оттуда рукой подать до Нижнего-Новгорода.

В Нижний-Новгород я приехал в разгар всероссийской ярмарки, о которой много слышал ещё в то время, когда служил в магазине мальчиком. Местные торговцы часто говорили об этом великом русском торжище, о виденных ими там чудесах и диковинах. Рассказывали о купеческих кутежах с цыганами, о бесшабашных попойках. Наши русские толстосумы Кит Китычи не только занимались на ярмарке всевозможными жульническими махинациями,

но и отводили там «душу» в беспросыпном пьянстве и разврате.

Я бродил по ярмарке среди разношёрстной, разноязычной толпы, глазевшей на товары, разложенные повсюду — на разукрашенных лотках, за стёклами магазинов. Кругом было шумно, пестрели яркие платья женщин. Из трактиров и прочих увеселительных мест неслось разухабистое пение. Я чувствовал себя в этой сутолоке совершенно смятым, морально подавленным.

— Хорошо там, где нас нет! — вдруг отчётливо донеслось до меня. Я оглянулся и увидел двух пожилых мужчин. Оказалось, что они приехали в Нижний искать работу. Но работы не было. Один из них предлагал ехать дальше, на юг, а другой возражал.

— Там что, другая страна, что ли? — спрашивал рабочий с длинными, жёлтыми от табачного дыма, усами. — Куда ни пойдёшь — все Расея. Она велика, Расея, да трудно нашему брату... Поедем домой! — решительно заключил он.

Разговор этот, понятно, меня не обрадовал. В тот же день я сел на пароход и направился в Уфу, где, по моим расчётам, находились главные мастерские Самаро-Златоустовской железной дороги — в то время начало магистрали новостроящегося великого сибирского пути.

В Казани я пересел на другой пароход, шедший по Каме и Белой до Уфы. Я стоял на палубе и смотрел на грузчиков, заканчивавших погрузку парохода. Внизу, на пристани, метались люди. Одни доставали билеты, другие закупали продукты на дорогу. Прошёл, шепеляво напевая какую-то грустную песенку, слепой старик с босоногим мальчиком-поводырём. У билетной кассы, протянув левую руку, сидела молодая женщина с ребёнком. Женщина была в лох-

мотьях. Придерживая правой рукой ребёнка, она непрерывно повторяла:

— Подайте христа-ради!

Мимо неё проходили люди — мужчины и женщины, взрослые и дети, и никто не подавал ей. Нищих было так много, что никто не обращал на них внимания.

— Куда путь держишь? — вдруг раздался чей-то голос. Я оглянулся. Рядом со мной, облокотившись на перила, стояли три человека.

— В Уфу, — обрадованный возможностью познакомиться с людьми, отвечал я.

— Уфимский, или так, впервые едешь? — спросил один из них, высокий человек, с дряблым лицом.

— Впервые. Хочу поискать счастья в уфимских мастерских.

— Та-ак, — протянул высокий человек. — И мы — люди рабочие. Едем в Златоуст. — Потом, подумав, живо добавил: — Позволь, а какие же мастерские ты ищешь в Уфе-то?

— Как какие? Главные, Самаро-Златоустовской дороги.

Высокий человек засмеялся.

— Так ведь не в Уфу тебе ехать, — сочувственно сказал он. — В Кинель. Мастерские-то в Кинели.

Я стоял, ошарашенный этой неожиданной вестью.

— Что же теперь делать? — растерянно спросил я.

— Садись на волжский пароход, доезжай до Самары, а там — Кинель рядом! — посоветовали мне новые знакомые.

Продав с их помощью за полцены билет до Уфы, я сел на тот же пароход, на котором ехал из Нижнего. Как только пароход отошёл, я познакомился с молодым человеком, конторщиком управления Самаро-Златоустовской железной дороги. Разговорились.

М. Г. Цхакая

Услышав о том, как меня отговорили ехать в Уфу, он рассмеялся:

— Мастерские находятся в Уфе, а не в Кинели.

«Зачем же они обманули меня?» — подумал я. Вспомнив, с какой готовностью они взяли у меня билет до Уфы, я понял, в чём дело. Чтобы избавиться от лишнего конкурента и выручить парня, не имевшего денег на дорогу, они направили меня в другую сторону, выманив тем самым за гроши билет.

Повидимому, мне суждено было путешествовать. Пароход шёл полным ходом, величественно разрезая волну. По берегам, спускаясь к самой воде, стояли, тесно прижавшись друг к другу, деревья. Мы ходили с новым знакомым по палубе и любовались чудесной русской рекой.

— Красиво! — не отрывая взора от ровной глади воды, произнёс конторщик.

— Красиво! — подтвердил я.

Помолчали. Потом конторщик тихо сказал:

— Слышь, друг. Ты помочь мне можешь?

— Если в силах буду, помогу. Отчего не помочь!

— Я еду из отпуска, понимаешь, издержался в пути. Дай до Самары три рубля — есть хочется.

Я дал. Конторщик сразу же накупил себе продуктов и, попрежнему любуясь видом Волги, аппетитно ел.

Когда мы прибыли в Самару, конторщик пригласил меня остановиться у его родных. Я с большим удовольствием и радостью принял приглашение, потому что мои средства подходили к концу.

Утром я отправился по Самаре в поисках работы. Мои попытки не увенчались успехом. Надо было двигаться дальше, на восток, в Уфу. Мой новый знакомый достал мне проездной бесплатный билет, и я после трёх дней пребывания у моего гостеприимного попутчика выехал из Самары.

В Уфу я приехал, как помнится, в конце июля. Был праздничный день. Оставив на хранение багаж у станционного сторожа, я отправился знакомиться с городом. Уфа была очень невзрачна. Я шёл по улицам, застроенным с обеих сторон одноэтажными деревянными домами, и вышел на базарную площадь. Здесь расположились торговые ряды и трактиры. Всюду одинаково!

Я купил себе хлеба и печёнки и зашёл в первый попавшийся трактир. Трактир был полон людьми всех возрастов и профессий. Эта обездоленная масса, собравшаяся из разных мест России, искала работы на сибирском пути. Но свободных рук было больше, чем надо. Не имея работы, люди продавали всё, что было возможно, чтобы хоть на время утолить голод. Многие были раздеты и разуты. Свои давно не мытые тела они прикрывали жалким, грязным рубищем.

Я устроился у буфета за маленьким столиком, потребовал себе чаю и стал закусывать. Ко мне подошёл один из посетителей трактира и попросил табаку на папиросу. Я предложил ему выпить чаю и закусить. Оказалось, что он тоже рабочий-слесарь, приехал, как и многие другие, попытать своё счастье на новой дороге, но в течение месяца не может получить работы.

Утром я отправился к проходным воротам. Там стояла толпа безработных, ожидая начальника мастерских. Я осмотрелся. Кругом были усталые, с измождёнными лицами люди. Но вот появился начальник мастерских. Толпа заволновалась. Начальник беспомощно развёл руками.

— Работы нет, — сказал он. — Напрасно ходите сюда!

Я стоял в стороне и, когда начальник, кончив беседу, медленно стал отходить от безработных, догнал

его. Он с неудовольствием и досадой остановился. Я, торопясь, рассказал ему о своём затруднительном положении, попросив дать мне хотя бы временную работу, чтобы иметь средства вернуться обратно на родину. Начальник, хмуро выслушав меня, потребовал справку с места прежней работы. Он бегло пробежал бумажку и, возвращая её, предложил:

— Приходи завтра в контору. Оформим в паровозный цех.

Радости моей не было границ.

В ноябре наступило время призыва. Я выехал в Новохопёрск и там предстал перед призывной комиссией. Меня осмотрели и забраковали по состоянию здоровья.

Я вернулся в борисоглебские мастерские. Много городов объехал я, много мест исходил. Передо мною расстилалась огромная, беспредельная страна. Повсюду я видел нищету, страдание, горе. Тяжело жилось трудящемуся человеку!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Летом тысяча восемьсот девяностого года я познакомился с рабочим-слесарем Москвичёвым. Это был пожилой человек с жёсткими густыми бровями, нависшими над глазами, умными и живыми. Москвичёв бывал на Кавказе и часто рассказывал мне об этом благодатном и тёплом крае. Однажды он неожиданно предложил:

— Поедем в Тифлис! Поедем, а?!

— В Тифлис? Что там делать?

— Поедем! Работу найдём! — уверенно сказал Москвичёв.

Мысль о поездке в Тифлис меня увлекла. Днём

и ночью я бредил Кавказом. Я уже мысленно путешествовал по нему, взбирался на горы, вдыхал ароматный воздух кавказских садов.

Жил я в это время вместе со старушкой-матерью. Услыхав о предполагаемой поездке, она стала усиленно отговаривать меня. Мать была уверена, что Кавказ — это дикий край, населённый отъявленными головорезами. Помню, как она меня, взрослого двадцатичетырёхлетнего парня, пугала горцами... Я смеялся, говорил матери, что всё это вздор, чья-то выдумка. Она обиженно пожала плечами и сказала:

— Вся земля об этом знает, а ты будто и не слыхал!

Действительно, царское правительство поддерживало в народе эти нелепые россказни о Кавказе, чтобы тем самым оправдать свою жестокую и кровавую политику, проводившуюся там.

Меня тянуло на Кавказ, как перелётных птиц тянет на юг, к солнцу, к ярким, по-особому хорошим цветам.

Да и спутник мой, Москвичёв, торопил. Ему тоже хотелось скорее вернуться на юг. Он страдал запоем и потому боялся тронуться в путь один.

В августе мы, наконец, выехали во Владикавказ. В пути Москвичёв запил. Во Владикавказе мне пришлось задержаться на несколько дней до полного отрезвления Москвичёва, и, как только он пришёл в себя, мы пустились в путешествие по Военно-Грузинской дороге до Тифлиса.

Природа Кавказа произвела на меня незабываемое впечатление. Вдоль дороги тянулись величественные, сверкающие под солнцем снежными вершинами, горы. Нагромождённые в хаотическом беспорядке, они были местами покрыты густой щетиной лесов и вечнозелёной растительностью. В глубоких

ущельях, меж отвесных гранитных утёсов, стремительно и с шумом мчались горные реки. Живая, незабываемая картина!

В Тифлис мы прибыли на шестой день. Здесь мы разыскали Осинникова — нашего общего знакомого по борисоглебским мастерским. Он помог нам найти квартиру, дал заимообразно немного денег и пожелал счастья.

Москвичёв вскоре поступил слесарем в ремонтнопаровозный цех железнодорожных мастерских, я — в токарный цех.

Мне дали пробу — заделать раковины у вновь отлитого и обработанного паровозного цилиндра. Во время работы ко мне подошёл мастер токарного цеха Карл Христианович Блюмберг — высокий, плотный старик, с густой, во всю его широкую грудь, бородой. Он постоял некоторое время возле меня и вдруг стал браниться. Ему показалось, что я разделал слишком большие гнёзда внутри цилиндра. Потрясая своей широкой бородой, он кричал:

— Сапожник! Тебе сапоги латать надо, а не в цехе работать! Смотри, что ты наделал, — испортил внутреннюю часть цилиндра!..

Я вспылил.

— Сапожник не я, а тот, кто отливал цилиндр!

В самом деле, цилиндр был отлит отвратительно. Он походил на решето, сплошь заполненное отверстиями.

Мастер уставился на меня своими серыми глазами и многозначительно произнёс:

— Так...

Затем круто повернулся и ушёл, дымя сигарой, которую почти никогда не выпускал изо рта.

Едва мастер скрылся из виду, ко мне подошли двое рабочих — Шалыгин и Жабин. Они пожурили

меня за горячность и сообщили, что бракованый цилиндр отливал бригадир Плотов, близкий приятель и протеже Блюмберга. Шалыгин и Жабин в заключение сказали, что я напрасно стараюсь и трачу время, всё равно мне придётся уйти, потому что Блюмберг не потерпит такой дерзости. Перспектива остаться без работы мне не улыбалась, да и профессиональная гордость не позволяла бросить начатое дело.

Через два дня принимать цилиндр пришёл помощник мастера токарного цеха Эргард и помощник мастера паровозного цеха Пшидборский. Они нашли, что дефекты нового цилиндра, после заделки раковин, не так существенны, и цилиндр приняли. Вскоре явился и Блюмберг, более других заинтересованный в признании пригодности цилиндра, отлитого его другом. Узнав, что цилиндр принят, он обрадовался не менее меня. Не выпуская изо рта сигары, он похлопал меня по плечу и добродушно сказал:

— Ну, хорошо, молодец, а грубить мастеру не полагается.

Гнев сменился на милость, и я остался работать в тифлисских железнодорожных мастерских.

Токарный цех находился в старом, низком и тесном помещении. По всему цеху были тесно расставлены станки, приводившиеся в движение общим трансмиссионным валом при помощи ремней и шкивов. Вдоль всех стен стояли верстаки. Здесь работали слесари.

Цех никогда не отапливался. Зимой в нём было холодно, повсюду гуляли сквозняки. Освещался цех висячими керосиновыми лампами; ветер врывался в помещение, и лампы всегда коптили. У каждого станка также находилась керосиновая коптилка с трубчатой горелкой. Копоть наполняла цех удушливым смрадом.

Рабочий день здесь продолжался десять с половиной часов. Но, как правило, два-три часа приходилось работать сверхурочно — в мастерские шли заказы со всей Закавказской дороги. После двенадцати — четырнадцати часов работы домой, бывало, возвращаешься разбитый, вялый. Итти куда-нибудь нехватало сил, — не успеешь лечь в постель, как уже слышишь гудок, зовущий в мастерские.

Особенно тяжело было осенью. В поселке Дидубе, в котором жило большинство рабочих, не было ни мощёных улиц, ни тротуаров, ни освещения. По вечерам посёлок погружался в непроницаемую темноту. На работу брели мы по непролазной грязи, попадая то и дело в ямы и глубокие лужи.

В мастерских заняты были главным образом люди пришлые. Среди рабочих было мало грузин. Часть рабочих состояла из осевших солдат, отслуживших срок в войсках местных гарнизонов. Мастерами были преимущественно иностранцы.

В работе прошло около двух лет. Весной тысяча восемьсот девяносто второго года у меня произошёл очередной конфликт с мастером Блюмбергом. Вышло это так. В прежнее время на каждом предприятии имелось несколько рабочих, выполнявших функции ябедников-шпионов. Мастера всячески поощряли таких людей, приближали к себе, принуждая их доносить о всех недовольствах правилами внутреннего распорядка, строгостью цехового начальства и так далее. Люди с подлой рабьей душой имелись, конечно, и в тифлисских мастерских.

Как-то после получки, сидя с товарищами в духане за бутылкой вина, я о чём-то возбуждённо заговорил. Один из товарищей обратил внимание на то, что столяр вагонного цеха Стрекалов, сидевший за соседним столом, с напряжённым вниманием прислуши-

вается к нашему разговору. Товарищ, понизив голос, сказал, что он его знает как фискала и соглядатая мастера вагонного цеха Неймана и что его надо опасаться. Через несколько минут Стрекалов встал из-за стола, прошёл к буфету и, возвращаясь обратно, остановился у нашего стола. Я спросил, что ему нужно. Усмехаясь, Стрекалов ответил, что хочет послушать умные речи. Оскорбительной была его подлая улыбка, и я дал ему пощёчину. Он оторопел, растерялся, потом спросил:

— За что ты ударил меня?

— Сам знаешь, за что дают пощёчину!

Стрекалов сконфуженно повернулся и выбежал из духана.

На другой день меня вызвал в свою конторку Блюмберг. Он набросился на меня, стал кричать, что я, грубиян, побил рабочего вагонного цеха. Здесь же находился и мастер Нейман. Когда Блюмберг немного утихомирился, я выразил удивление, что Нейман взялся за неблагодарную роль расследователя скандалов, возникающих в духане между выпившими людьми.

Нейман побагровел. А Блюмберг, вызвав табельщика, сказал, указывая на меня:

— Запишите этому грубияну штраф три рубля!

Посоветовавшись с товарищами, я штраф не принял и взял расчёт. Вскоре я выехал в Батум.

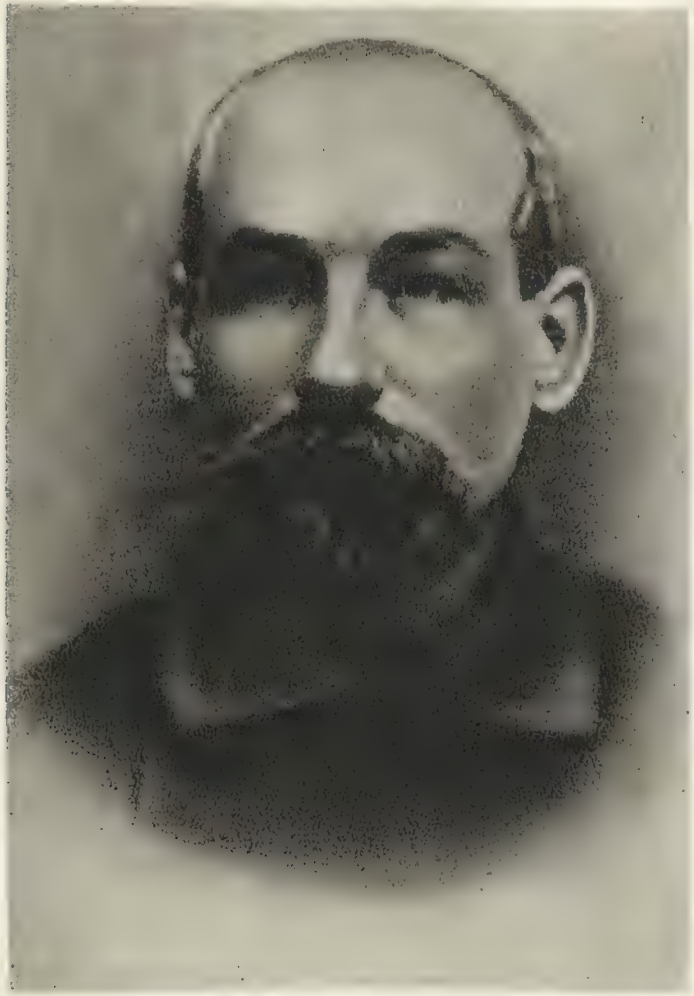
Батум — очень красивый город. С одной стороны его обступают горы, с другой видно море с его беспредельными просторами. Порою море приходит в волнение, — оно бушует, грозно рычит, вздымая свои могучие волны, с сокрушительной силой набегающие на берег. Они ударяются о прибрежные скалы, дробясь и разлетаясь мельчайшими брызгами. Шипя и пенясь, волны, обессиленные и раздроблённые, убегают обратно, в пучины морские.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ. 1904 г.

М. ГОРЬКИЙ.

Саша Цулукидзе.

Ладо Кецховели.



В. К. Курнатовский.

И. Франчески.

В Батуме я поступил слесарем в механический цех завода Ротшильда, изготовлявшего жестяные банки для керосина и деревянные ящики для упаковки банок.

Однажды в одном из цехов забастовала бригада слесарей по наладке и ремонту станков. Один из рабочих, Продонов, изменил своим товарищам и вышел на работу. Но один Продонов не мог справиться со всеми станками. Тогда мастер Май пришёл в наш цех и стал уговаривать рабочих пойти работать вместе с Продоновым. Заменить бастующих никто не согласился. Увидев меня, Май обрадовался.

— Ты что, новичок?

— Да.

— Хорошо, — мастер вплотную придвинулся ко мне. — Ты понимаешь, плохой народ пошёл: нужно работать, а они, видишь ли, бастуют. Плохо делают.

Я молчал, продолжая своё дело.

— Пойдём ко мне в цех. Там тебе работа есть, — предложил Май и взял меня за руку.

Я отвёл его руку и, пытаясь казаться спокойным, сказал:

— Не могу и не хочу быть сообщником Продонова.

— Сообщником? — взвизгнул мастер. — Сообщником не хочешь быть? Продонов — умный человек, культурный — у него голова, большая голова на плечах.

— Ну, пусть он и работает у вас.

Мастер вдруг остыл и, глядя на меня в упор, сокрушённо и сочувственно заговорил:

— Ах, молодой человек, как жаль тебя! С таким характером ты угодишь в Петропавловку.

Я в то время совершенно не был искушён в политике, и слова мастера меня смутили.

— Смотри же... — многозначительно добавил Май.

— Мне и смотреть нечего. В Петропавловку сажают преступников, а я не преступник.

— Ну, знаешь, сделать преступником можно каждого, — сказал Май и ушёл.

В Батуме начались непрерывные дожди, и у меня появились приступы злокачественной малярии. Отношения мои с мастерами обострились, болезнь изматывала, настроение было подавленное, и я, никому ничего не сказав, оставил Батум.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В начале ноября я уже вновь работал в тифлисских железнодорожных мастерских. Пока я был в Батуме, в токарный цех поступило несколько новых рабочих, прибывших из центральной России. Один из них, Фёдор Майоров, был человеком развитым, он много читал, следил за рабочим движением в Западной Европе. Майоров познакомил меня с Фёдором Афанасьевым. Механик Афанасьев был активным участником начинавшегося революционного движения. Все свои силы он отдавал пробуждению сознания и организации рабочего люда. Этот человек носил в себе неисчерпаемый запас энергии.

На вид Фёдору Афанасьеву можно было дать лет тридцать, хотя было ему значительно меньше. Большой, сутуловатый человек с бледным лицом и горящими глазами, он казался сухим и неприветливым. Но едва он заговаривал, как от всей его немного сумрачной фигуры, от его слов веяло мягкостью и теплом.

С Фёдором Афанасьевым мы быстро сошлись, я приходил к нему запросто, как к товарищу, и до ночи

слушал его рассказы. Здесь, в комнате Афанасьева, впервые в мою голову закрались сомнения в правильности существовавшего на земле порядка. Просто, убедительно развивал свои мысли Афанасьев. Русский рабочий живёт плохо. Эту жизнь надо улучшить. Но как? Хозяин, капиталист, добровольно не согласится поступиться хотя бы копейкой из своих прибылей. Значит, надо силой заставить его. Но один рабочий ничего не сделает. Его скрутит приказчик, его побьёт полицейский, суд его посадит в тюрьму. Что же остаётся делать? Объединиться и дружно всем вместе бороться против капиталистов. Сначала надо разбить царя, войска и полицейских, поддерживающих капиталистов. Справившись с царём, то есть с самодержавием, мы сможем уничтожить и капиталистов.

Близкий со многими прогрессивными интеллигентами Тифлиса — Калюжным, Даниловичем, Кара-Мурзой, Давидовским и другими, — Афанасьев через них доставал книги и брошюры политико-просветительного характера. Когда к Афанасьеву заходили близкие ему товарищи, он показывал им эти книги, читал вслух, давал читать на дом. Впоследствии, после ареста Афанасьева, товарищам удалось сохранить книги, и они передали их в библиотеку, организованную железнодорожниками.

Знакомство с Фёдором Афанасьевым и его друзьями начало пробуждать у меня интерес к общественной жизни. Я потянулся к книге, стал прислушиваться к спорам и сам начал принимать в них участие. Это было время, когда в Тифлисе, как и по всей стране, начиналась острая борьба между народниками и марксистами.

В тысяча восемьсот девяносто втором году в токарном цехе возник первый кружок. Его создал Фёдор

Майоров. В кружок, помню, входили: Майоров, Жданов, Рогачёв, Ленге и я. Фёдор Афанасьев снабжал нас книгами.

Однажды на собрании кружка, — помню, читалась тогда брошюрка Свидерского «Труд и капитал», — в комнату вошёл Афанасьев и с ним незнакомый мне, высокий, слегка сутулящийся молодой человек. Оба они присели к столу и вместе с нами стали слушать лектора, — к слову сказать, читавшего довольно вяло, многие из присутствующих явно дремали. Вдруг неожиданно — лектор ещё не закончил чтения — вошедший с Афанасьевым молодой человек, негромко, сильно напирая на «о», заговорил:

— Это очень хорошо, товарищи, что вот вы слушаете о том, что такое прибавочная стоимость. Но надо всё это делать как-то поживее, не так отвлечённо. Прочитанное следует увязывать с вашими личными наблюдениями. Вот, например, эту прибавочную стоимость вы ощущаете ведь на собственных спинах!..

Слова молодого человека оживили собрание, присутствующие подняли головы, прислушиваясь к его словам. А незнакомец продолжал развивать свою мысль дальше:

— Ещё лучше, товарищи, — говорил он, — если вы будете записывать то, что вас особенно взволнует или возмутит на работе. Пишите на злобу дня, записывайте факты, а записанное передайте одному, другому товарищу, — пусть прочтут. Такие коротенькие записки-обращения можно даже переписать в нескольких экземплярах, раздать товарищам... Этими листовками можно достигнуть многого.

Мы все с напряжённым вниманием слушали говорившего, понимали, одобряли его мысль. Меня этот молодой человек заинтересовал.

— Кто это? — улучил я минуту задать вопрос Афанасьеву.

— Потом расскажу, — шепнул он.

Через несколько дней, в воскресенье, я зашёл к Афанасьеву — поговорить, порыться в его библиотеке. Гляжу, а у него сидит тот самый молодой человек, который так поразил меня своей смелой, дельной речью на собрании кружка. Федя Афанасьев тут же представил мне незнакомца, как своего хорошего друга.

— Алексей Пешков, — назвал он его и добавил, — работает у нас в железнодорожных мастерских, в конторе малярного цеха.

Я долго просидел тогда у Афанасьева, слушая рассказы молодого Пешкова о его странствиях. Он рассказывал, как пешком пришёл в Тифлис. Мы поделились впечатлениями о поразивших нас обоих красотах Грузии.

Занятия в кружке меня увлекали. Передо мною открывался широкий и просторный мир. Читая новые, ранее не известные мне книги, слушая беседы и рассказы Афанасьева и Майорова, я учился лучше и зорче вглядываться в жизнь, вдумываться в события, происходившие в цехе, в мастерских, связывать какое-нибудь маленькое, казалось бы, личное дело, с общим делом своего класса.

Поворот в сознании, ломка старых привычек и представлений произошли у меня, понятно, не сразу. Постепенно, день за днём, под впечатлением книг и бесед с товарищами, под непосредственным впечатлением суровой жизненной школы, у меня стали появляться мысли о необходимости борьбы с существующими порядками. Из одиночки-бунтаря, не способного подчинить свои действия определённой идее, я вырастал в сознательного участника общей борьбы рабочего класса.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наступила южная весна. Заиграло солнце. Повсюду слышался весёлый гомон птиц. Бурно и шумно несла свои воды Кура, пересекающая Тифлис. Вокруг появился ярко-зелёный покров травы. Хорошо весной на Кавказе! Людей потянуло подышать чистым и прозрачным воздухом благоухающих гор.

В апреле мы, члены кружка, решили вырваться из смрадной атмосферы цеха. Сговорились, что каждый из нас пригласит с собой по одному товарищу. Составилась группа в десять человек. В ближайший воскресный день мы выехали поездом до станции Авчалы, за несколько километров от Тифлиса.

Мы взяли с собой продукты, кое-кто по бутылке вина. Один товарищ, как бы случайно, захватил пару книжек о рабочем движении в Западной Европе.

Расположились мы на небольшой поляне, окружённой молодыми деревьями. Горный воздух был напоён чудесным ароматом трав и цветов.

Фёдор Майоров вынул из кармана книжку и начал про себя читать. Кто-то предложил читать вслух. Чтение заинтересовало всех. Затем Майоров заговорил о рабочем движении в европейских странах, о первомайском празднике. Незаметно в беседу втянулись все. Каждый стал приводить примеры бесправного положения рабочих, тяжёлых, каторжных условий труда. Потом речь зашла о мастерских, о порядке в отдельных цехах, о произволе мастеров.

Помню, Иван Рогачёв рассказал о том, что бригадир обойного отделения Котельников, при благосклонном попустительстве мастера вагонного цеха Неймана, открыто, у всех на глазах, расхищает ценные материалы: парусину, клеёнку, ковровую обивку, дорожки.

— Все об этом знают, — сказал Рогачёв, — и бригадир знает и мастер цеха. Но молчат. У самих совесть нечиста. А вот за рабочими следят со всей строгостью.

У меня появилась мысль описать эти воровские проделки и сделать карикатуры на Котельникова и Неймана. Моё предложение всем понравилось. Уже через несколько дней по мастерским от рабочего к рабочему переходил небольшой журнальчик, изображавший воров и их покровителей. Так мы выразили свой протест против ненавистного нам начальства.

В том же году осенью наш кружок претворил в жизнь пожелание Алексея Пешкова — выпустил прокламацию-листовку, написанную от руки и оттиснутую на примитивном гектографе в нескольких десятках экземпляров. Помню, с каким волнением сочиняли мы первую прокламацию. Писал её Фёдор Майоров; он прочёл нам её, изменил по нашим указаниям некоторые слова и торжествующе сказал:

— Ну, теперь можно печатать!

Кто-то переписал прокламацию, потом сделали первый оттиск.

— Замечательно! — радостно произнёс Фёдор Майоров, обводя всех нас взглядом. — Смотрите, как получается.

Эта листовка, наивная по содержанию, произвела на нас огромное впечатление.

Рано утром, когда рабочие направлялись в мастерские, они увидели расклеенные на стенках листовки. А назавтра, поздно ночью, к Майорову и ко мне явились жандармы.

Это было моё первое знакомство с жандармами.

Обыск побудил нас к ещё большей конспирации. В мастерских возникло несколько новых кружков.

Чем больше становилось кружков и кружковцев, тем сильнее возрастала наша осторожность. Прежде чем кого-либо вовлечь в кружок, мы тщательно выясняли, что собой представляет человек, прощупывали его со всех сторон и лишь после этого приглашали на занятия.

Мы сами были ещё недостаточно подготовлены, — подчас вопросы рабочих ставили нас втупик, — но наши беседы начинали пользоваться большой популярностью, особенно среди грузинской молодёжи, получившей с первой половины девяностых годов больший доступ в мастерские.

Так в труде шло время. В тысяча восемьсот девяносто третьем году я женился; в июле следующего года уже родился сын Павел, а ещё через два года родилась дочь Анна.

Жена моя, Ольга Евгеньевна, с первых дней замужества примкнула к революционному движению. Постоянно выполняя поручения подпольной организации, она на всём протяжении моего революционного пути всегда оставалась моим верным спутником и помощником.

Я обжился в Тифлисе. С каждым днём моя собственная судьба всё теснее переплеталась с судьбой огромного рабочего коллектива мастерских, моя жизнь становилась частицей его жизни.

Всё глубже входил я в революционную деятельность. Мы с Майоровым вступили в марксистский кружок, созданный Фёдором Афанасьевым. Кружок объединял машинистов и их помощников паровозного депо Тифлис. Кроме нас двоих, в кружке занимались: Строганов, Маругин, Идзиковский, Скородумов, Иванов и Малиновский. Мы регулярно собирались и читали «Капитал» Маркса.

Как-то, во время занятий, товарищи предложили

мне перейти из мастерских на работу в какое-либо депо. Видя моё удивление, кто-то из товарищей сказал:

— Не удивляйся, Сергей. В Тифлисе достаточно нашего народа, а на дороге никого нет. Придётся всерьёз браться за работу.

В то время мы узнали о существовании в Тифлисе марксистской социал-демократической организации «Месаме-даси». Рабочие-грузины рассказывали нам о марксистских статьях, появлявшихся в грузинской газете «Квали» («Борозда») и принадлежавших членам «Месаме-даси». Чем занималась эта организация, какова была её сущность, какие цели она преследовала — мы толком не знали. Имея о «Месаме-даси» довольно смутное представление, мы, рабочие-кружковцы, тем не менее надеялись, что она, встав прочно на ноги, серьёзно возьмётся за работу на предприятиях города.

— Ты поезжай на дорогу, — напутствовали меня товарищи, — а здесь, брат, покажут себя образованные марксисты.

«Почему не поехать? Поеду!» — решил я и начал готовиться к отъезду. В июне девяносто шестого года, в душный до одурения день, я получил назначение на должность помощника машиниста в депо станции Михайлово, ныне Хашури.

Станция Михайлово представляла собой небольшой железнодорожный узел. Отсюда, кроме главного пути Закавказской железной дороги, шли две ветки: одна к курорту Боржом, другая в Сурам — древний город с полуразрушенной крепостью.

Минеральные воды Боржома, а также лесные материалы вывозились в Россию и за границу. Для успешных разработок лесных богатств была построена узкоколейная железная дорога от Боржома

до местечка Бакуриани. Боржомо-Бакурианская ветка, протяжением около сорока вёрст, перерезала горно-климатическую лечебную полосу для лёгочных и нервнобольных. Один за другим возникали тогда санатории.

А в Михайлове, в стороне от санаториев и курортов, на зыбком болоте, находился рабочий посёлок, вечно окутанный туманом. В посёлке тучами носились малярийные комары. Скрыться от них не было никакой возможности. Все жители болели малярией. Не избежали этой участи и мы, — вся моя семья заболела. Сильно страдал от малярии и третий мой ребёнок, Фёдор, родившийся в Михайлове.

В депо я проработал более двух лет. Мне пришлось ездить на двухтрубных четырёхцилиндровых паровозах системы Ферли с двумя самостоятельно вращающимися тележками. Эти паровозы специально обслуживали горный участок Сурамского перевала с крутыми подъёмами и закруглениями.

Несколько раз я пытался организовать в депо кружок, но мне это не удавалось. Зато часто я беседовал с рабочими, читал им книги, а иногда газеты.

Весной девяносто девятого года, окончательно обессиленный малярией, я на время уехал в Екатеринослав. Там, в подпольном кружке состоялось мое знакомство с молодым слесарем Григорием Ивановичем Петровским.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вскоре после переезда в Тифлис я познакомился с рабочими-грузинами Георгием Телия и Вано Стуруа. От них я подробно узнал о жизни и деятельности «Месаме-даси». Они рассказали, что внутри этой организации происходит борьба, что против руково-

дителя «Месаме-даси» Ноя Жордания выступают молодые члены организации. Основной состав «Месаме-даси» — Ной Жордания, Игнатий Ниношвили, Исидор Рамишвили, Карло Чхеидзе, Пётр Гелейшвили и другие отстаивают мирную, легальную пропаганду марксизма, союз рабочих с либеральной буржуазией, единство грузин-рабочих с грузинами-буржуа и воспевают прогрессивность капитализма. Другая часть «Месаме-даси» — значительно меньшая по составу и более молодая по возрасту, — наоборот, говорит о необходимости иметь, наряду с легальными, нелегальные революционные газеты, поднимать рабочий класс против самодержавия и против капиталистов, считает, что рабочий класс должен быть руководителем революционной борьбы и что ни о каком единстве грузин-рабочих с грузинами-буржуа не может быть речи.

В те далёкие годы имя Ноя Жордания было хорошо известно представителям рабочего класса. Понятно, что рабочим, слабо разбиравшимся в марксизме, выступления против Ноя Жордания и его взглядов казались необычайно смелыми и дерзкими. Помню, с каким жгучим интересом и любопытством расспрашивал я об именах смельчаков, рискнувших поднять свой голос против Жордания, Рамишвили, Чхеидзе. Мне назвали три имени — Александра Цулукидзе, Владимира Кецховели и Иосифа Джугашвили. Так я впервые услышал о трёх друзьях-товарищах, положивших начало революционной марксистской социал-демократии в Закавказье.

Иосиф Джугашвили, или, как его называли рабочие, Сосо начал руководить кружком в железнодорожных мастерских незадолго до моего возвращения из Михайлова в Тифлис.

Кружковцы — Георгий Телия, Прокофий Долидзе,

Георгий Лелашвили и другие — были очень довольны своим пропагандистом. Беседы он вёл на популярном и понятном для них языке. Он постоянно рассказывал о значении организации сил рабочего класса, о стачечной борьбе, терпеливо разъяснял все трудные вопросы.

Однажды, во время беседы, Сосо весьма нелестно отозвался о Ное Жордания. Никто в то время не позволял себе вслух высказывать такое резко отрицательное мнение о руководителях «Месаме-даси». На другой день один из кружковцев сообщил организатору кружка о выступлении Сосо. Но многие кружковцы, несмотря на популярность Жордания, встали горой за своего пропагандиста. Постепенно рабочие свыклись с резкими критическими выступлениями пропагандиста против того или иного лидера большинства «Месаме-даси». Так разногласия, раздиравшие тифлисскую социал-демократическую организацию, были перенесены в кружки, в мастерские на обсуждение рабочих.

Мне очень хотелось встретить трёх молодых революционеров, послушать их, побеседовать с ними. К этому времени я был снова переведён из депо в железнодорожные мастерские в качестве слесаря токарного цеха.

По-иному выглядела теперь революционная работа в мастерских. Кружки уже не являлись разрозненными единицами; они составляли часть социал-демократической организации, работали по единому плану. Во главе кружков стояли Иосиф Джугашвили, Сильвестр Джибладзе, Миха Цхакая, Александр Цулукидзе, Владимир Кецховели, Михо Бочоридзе. Не разбираясь во всех деталях споров и борьбы, происходивших внутри «Месаме-даси», многие рабочие мастерских инстинктивно чувствовали, что правы

молодые революционеры, что права меньшая, молодая часть «Месаме-даси».

Шли дни, и я мало-помалу становился активным членом организации. Я познакомился с высланными из России революционными социал-демократами — Иваном Лузиным, Ипполитом Франчески, Владимиром Родзевичем, Клавдией Коган, Анной Красновой, — встречался с ними, постоянно беседовал. У них я впервые всерьёз познакомился с учением Маркса и Энгельса как с теорией революционной партии.

Встречался я и с высланными в Тифлис русскими рабочими питерцами, москвичами, туляками. Некоторые из них — Татаринов, Салищев, Кириллов, Звулон Литвин — жили вместе в квартире-коммуне тоже ссыльного туляка Ивана Назарова и его жены, Дуни Назаровой. У Назарова я застал однажды не знакомого мне невысокого человека, лет двадцати пяти, с приятным лицом, с глазами, умно и лукаво смотревшими из-под густых бровей.

— Калинин, — назвал он себя, протягивая мне руку.

О питерском рабочем Михаиле Ивановиче Калинине, сосланном в Тифлис за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», я слыхал от Лузина и Франчески. Калинин начал работать в железнодорожных мастерских в том же токарном цехе, где работал я. Из квартиры Назарова он вскоре переехал к рабочему Семёнову, у которого оставался до высылки из Тифлиса. Раньше чем попасть на Кавказ, Михаил Иванович около десяти месяцев просидел в тюрьме. В тюремной камере он много читал, вёл большую переписку, следил за жизнью фабрик и заводов Петербурга. Передавали, что его переписка доставила немало хлопот жан-

дарму, специально приставленному проверять его корреспонденцию. Полуграмотный жандарм, с трудом вникавший в смысл писем, подолгу возился с ними и, наконец, не выдержал.

— Ты поменьше писал бы, — сказал он, — а то я умучился, читавши твои письма...

— Ну, какое дело, — ответил Калинин, — ты читай поменьше письма, тогда легче будет, не утруждай себя напрасно.

Участие в кружках Калинина, Франчески, Родзевича заметно оживило подпольную революционную работу. Они умели вести беседу на самые животрепещущие темы; не ограничиваясь чтением политической литературы, затрагивали разнообразные вопросы — семьи, домашнего быта и т. д.

Я с Михаилом Ивановичем Калининым сблизился с первых наших встреч. Эта близость сохранилась и по сей день. Он часто бывал у меня. Его простота и радушие завоевали ему любовь всей моей семьи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Снова весна. Окрестные горы покрылись мягкой шелковистой травой, на деревьях распустились почки. Природа ликовала.

В середине апреля нас, кружковцев, оповестили о предстоящем в следующее воскресенье первомайском митинге. Судя по тому, как тщательно и конспиративно готовилась маёвка, видно было, что организует её опытный, знающий руководитель. В самом деле, маёвка — не кружок. Если в кружке занималось десять человек, то на маёвку предполагалось вывести несколько сот рабочих. Дело большое, новое и необычайно сложное. Несмотря на массовый харак-

тер подготовки, никто из начальства мастерских ничего не заметил.

Сосо Джугашвили, ставший во главе всей подготовительной работы, поручил группе рабочих выбрать место для маёвки. Когда место было выбрано, он проверил его и одобрил. Одному из товарищей, художнику-самоучке, он предложил изготовить красное знамя. На знамени были нарисованы портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса, написаны лозунги на русском, грузинском и армянском языках.

В субботу, накануне маёвки, нам сказали, чтобы ночью или рано утром мы направились группами по два-три человека за Нахаловку, в горы, в сторону монастыря Святого Антония, где нас встретят товарищи, знающие место маёвки.

Я шёл на митинг с двумя товарищами. Выйдя за город, в горы, мы встретили пикетчика. Он взглянул на нас и тихо спросил:

— Пароль?

Мы сказали пароль.

Пикетчик указал нам тропы, вившиеся в горах. Было ещё темно. Изредка тут и там мелькали огоньки — у пикетчиков, как и у богомольцев, обычно в такую рань направлявшихся в монастырь, были фонари. Мы вышли к Солёному озеру, расположенному в двенадцати верстах от Тифлиса.

Здесь, у Солёного озера, в стороне от дороги, ведущей в монастырь, собралось человек пятьсот. Как только солнце, поднявшееся из-за гор, растворило лёгкую дымку предутреннего тумана, люди оживились и, никем не сдерживаемые, взволнованно заговорили. Многих я узнал. Здесь были рабочие из мастерских депо и других предприятий Тифлиса.

Пламенеющее под солнцем знамя с портретами Маркса и Энгельса и призывными лозунгами взви-

лось по древку. Вспыхнула «Марсельеза», и эхо песни отозвалось далеко в горах:

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!

Песня нарастала, поднималась всё выше и выше:

Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

Подобно птицам, вырвавшимся из тесных клеток на простор и звонко запевшим, пятьсот человек, устремившись в горы, тоже громко и мощно запели:

Мы пойдём к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдём,
С ним пошлём мы тиранам проклятье,
На борьбу мы его поведём.

А над нами, в вышине, колеблемое ветром, неустрашимо развевалось красное знамя. Это было новое, заманчиво-прекрасное зрелище! Взволнованные люди украдкой, чтобы не видели соседи, то и дело смахивали невольно навёртывавшиеся на глаза слёзы радости и торжества.

Один за другим на камни стали подниматься ораторы. Это были революционные интеллигенты, рабочие — представители заводов, железнодорожники. Помню, выступали: Сосо Джугашвили, Вано Стуруа, Захар Чодришвили, Михо Бочоридзе. Они говорили о значении дня международной рабочей солидарности, рассказывали о тяжёлых условиях работы на своих предприятиях, о притеснениях, обидах, издевательствах хозяев. «Надо бороться за свои права, — говорили ораторы, — надо протестовать, объявлять забастовки, требовать улучшения условий работы».

Впервые услышали мы так смело и открыто брошенные слова, обращённые к многолюдному собра-

С. Шаумян.

Прокофий Джапаридзе (Алеша).

С. Спандарян.

Стурра Вано.

Стуруа Георгий.

З. Чодришвили.

Г. Телия.

Г. Лелашвили.

нию. Со всех сторон слышались слова одобрения, отовсюду раздавались возгласы:

— Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!

Возвращались мы с маёвки, счастливые, полные решимости бороться и победить.

После маёвки борьба между большинством «Месаме-даси» и революционным меньшинством разгорелась с новой силой. В Орточалах, на Вере и в саду, близ железнодорожной станции Авчалы, состоялось несколько конспиративных собраний актива тифлисской социал-демократической организации. На одном из этих собраний я познакомился с Алёшей Джапаридзе, который тогда многое рассказал мне о деятельности молодых революционеров — Сосо Джугашвили и Ладо Кецховели. На собраниях выступали сторонники обеих групп. Чувствовалось, что Ной Жордания всё дальше уходит от революционной борьбы, от марксизма. Мы, рабочие, на собственном опыте с каждым днём убеждались в том, что мирным путём, без ожесточённой борьбы нам жизнь не улучшить. Вот почему мы шли за грузинской революционной молодёжью и ссыльными революционерами, вовлекавшими нас в подпольную борьбу.

Споры на этот счёт начались и у нас в мастерских. Однажды вечером у Захария Чодришвили собралась группа рабочих. Здесь, помню, были Михо Бочоридзе, Вано Стуруа, Н. Выгорбин, В. Бажанов и Арчил Аравиашвили. Разговорились о «Месаме-даси». Большинство из нас придерживалось взглядов Сосо Джугашвили и его группы. Лишь один Арчил Аравиашвили с пеной у рта отстаивал позицию Ноя Жордания.

— Что сейчас главное? — спрашивал Арчил. — Конечно, не забастовки. Нужно создать легальные кружки, воскресные школы, обучать в них рабочих. А уж потом, когда рабочие поднимутся в своём развитии, их можно будет вывести на забастовки.

— За такую теорию буржуазия тебе спасибо скажет, — проговорил Вано Стуруа. — Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю, очень понимаю! — Арчил начал горячиться. — Я сам рабочий, я хорошо знаю свой народ: грузинский народ не может сейчас устраивать забастовки.

— Почему?

Арчил зло посмотрел на Стуруа.

— Почему? — повторил он. — Потому, что он не захочет! — И дальше Арчил заговорил о том, что русские ссыльные — это люди, не знающие местных условий, не понимающие душу грузинского народа.

Особенно гневно говорил Арчил о грузинской революционной молодёжи.

— Это беспочвенные мечтатели, думающие переделать мир. Они молоды, задорны. Когда подрастут, они утихомирятся и станут, как все.

В это время к Чодришвили пришёл Сильвестр Джибладзе. Узнав тему нашей беседы, Сильвестр снисходительно улыбнулся и, указывая на Арчила, изрёк:

— Вот вам образец рабочего, обладающего здравым смыслом и пониманием. Берите пример с Арчила, не увлекайтесь беспочвенной революционностью.

— Это не беспочвенная революционность, — заговорил молчавший до этого Захарий Чодришвили, — это дело, нужное рабочему. Да, рабочему! — решительно повторил Захарий.

Энергичный, решительный, скромный Чодришвили

являл собой прекрасный пример беззаветного служения рабочему классу. Ради революционного дела, ради своего класса он шёл на любые жертвы, брался за любую, самую трудную и опасную работу. Замечательный организатор-пропагандист, он обладал способностью влиять на широкие массы, поднимать их на борьбу. Захарий Чодришвили — создатель подпольных типографий, организатор первых рабочих кружков, сторонник и активный помощник революционного меньшинства «Месаме-даси» — Цулукидзе, Кецховели и Джугашвили.

— Ты так думаешь? — после некоторой паузы спросил Джибладзе, обращаясь к Чодришвили.

— Уверен в этом, — ответил Чодришвили.

— Ну, дело твоё... Можешь так думать, — сказал Джибладзе, вставая. — Время покажет, кто из нас прав...

Так, используя каждую возможность, сторонники Жордания старались «обрабатывать» рабочих.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В июле стояла нестерпимая жара. В мастерских воздух был накалён до предела. Люди бродили по цеху, чуть не падая от жары, смрада, усталости. Каждому хотелось скорее закончить смену и вырваться из этого ада. И когда раздавался гудок — звук у него был глухой, тяжёлый, — рабочие облегчённо вздыхали. Но очень часто это была преждевременная радость. Едва начинал дрожать и реветь гудок, как бригадиры объявляли:

— Не выключать станки! Сверхурочная работа!

Гудок замолкал, обрывался, а в цехе попрежнему шумели трансмиссии.

В мастерских широко процветали сверхурочные работы. В некоторых цехах отдельные группы рабочих проводили у станков по восемнадцати часов подряд. Сначала возможность поработать несколько лишних часов радовала. Но чем глубже внедрялась система сверхурочных работ, тем всё ниже и ниже становились расценки. За последние десять лет заработки снизились примерно на сорок — пятьдесят процентов. Если в девяностых годах токари и слесари получали по рублю за девять с половиной часов работы, то сейчас рубль можно было получить за рабочий день плюс два-три часа сверхурочной работы.

В токарном цехе рабочий по обточке вагонных колёс получал 60 копеек в день. Чтобы обеспечить прожиточный минимум, каждый рабочий должен был «выгонять» по пятьдесят рабочих дней в месяц. Иначе говоря, после смены нужно было провести в цехе дополнительно ещё пять-шесть часов. Некоторые неделями не выходили из мастерских, спали тут же у станков.

В особенно тяжёлом положении находились чернорабочие.

В июле рабочие, доведённые нуждой до отчаяния, потребовали повысить расценки и отменить сверхурочные работы. Не весь коллектив понимал важность отмены сверхурочных. Многие боялись, что администрация, удовлетворив только требование об отмене сверхурочных работ, одновременно оставит прежнюю плату. Мы разъясняли, что сверхурочные работы наносят большой вред здоровью, увеличивают число безработных, понижают подённую оплату. Но то, что казалось понятным передовым людям мастерских, не хотели понимать отсталые пожилые рабочие, обременённые большими семьями. Эта категория рабочих очень туго поддавалась пропаганде. На этой

почве вспыхнула борьба, принявшая самые неожиданные формы. Наиболее воинственно настроенные из молодёжи поколотили кое-кого из стариков.

События назревали. В конце июля состоялось несколько собраний-массовок, прошедших ночью в ближайших горах. На одно такое собрание рабочих токарного цеха пришёл Михаил Калинин. Помню, обсуждался вопрос о забастовке. Калинин указал на трудности, которые придётся испытать рабочим, в особенности многосемейным.

— Надо правде смотреть в глаза, — сказал он. — Пока мы готовимся к забастовке, полиция и жандармерия тоже не спят. Возможно, они не преминут произвести среди нас аресты, внести замешательство в наши ряды. Готовы ли мы к этому? — спросил Михаил Иванович. Он не успел ответить на свой вопрос, как десятки людей, слушавших его, дружно, в один голос бросили:

— Готовы!

— Да, мы готовы, — решительно продолжал Калинин. — Ничто не должно нас пугать и не испугает. Мы, социал-демократы, знаем, что всякая борьба требует жертв, а наша борьба — это священная борьба за дело рабочего класса, класса созидателей, класса тружеников.

Подготовку к забастовке взяли в свои руки революционные социал-демократы, вопреки большинству «Месаме-даси», пытавшемуся сорвать забастовку. Сосо Джугашвили, Иван Лузин, Михаил Калинин неустанно поднимали рабочих на открытую борьбу.

В постановлении № 199, подписанном отдельного корпуса жандармов ротмистром Цысс, ход событий, рисуется так:

«11 июля рабочие токарного цеха численностью до 200 человек скопом потребовали прекращения ве-

черних работ, на которые обязательный наряд назначался только в экстренных случаях.

Просьба рабочих была удовлетворена, в продолжение двух дней им было предоставлено на вечерние работы не ходить, но, несмотря на это, желающие работать ходили, и работы продолжались без изменения и всякого ущерба для дела.

Находя несправедливым предоставление возможности желающим работать по вечерам более заработать, не желавшие ходить на вечерние работы 13 июля потребовали от начальника мастерских совершенного прекращения вечерних работ путём остановки машин. Требование это удовлетворено не было, машины не останавливались, и желающие работать, несмотря на увещания и брань со стороны оставивших работу, ежедневно в количестве до 60 человек являлись на вечерние работы. Администрация мастерских, видя, что требование об отмене вечерних работ исходит не от всех рабочих, положение о вечерних работах оставила без изменения, сохранив за собой право в экстренных случаях назначать рабочих на вечерние работы по своему усмотрению и помимо их желания, подвергая неявившихся взысканию. Тогда не желавшие подчиняться этому рабочие стали подстерегать ходивших на вечерние работы товарищей и наносили им побои.

Все поступавшие в управление сведения о лицах, препятствовавших посещению вечерних работ и путём насилия не допускавших рабочих в мастерские, были неопределённы, так как лица эти действовали преимущественно по вечерам и даже ночью, закрыв головы башлыками, закутавшись в бурки и нападая по нескольку человек на одного.

Параллельно с этими проявлениями насильственных действий в управление поступали также указания

хотя и на неопределённые, но упорные слухи о подстрекательстве рабочих со стороны политически неблагонадёжных лиц и на усиленную агитацию их среди наиболее развитых рабочих и административно высланных. Сведения эти, как подтвердили последующие события, были совершенно справедливы, но вследствие крайне осторожного образа действий подстрекателей и очень ограниченного числа наблюдательного состава управления, принуждённого безотлучно находиться при рабочих, занятого наблюдением за одновременно происходившими в городе пятью стачками, свелись лишь к глухим указаниям на то, что какой-то студент разъясняет рабочим ненормальность их положения, что токарь Лаврентий Самчкуашвили отправляется в Париж, будто бы на выставку, но в действительности с намерением ознакомиться с положением рабочих в Западной Европе, что прибывшие из С.-Петербурга, Харькова, Москвы и Риги студенты-практиканты волнуют рабочих, что рабочие время от времени устраивают в разных местах города сходки и что, наконец, в Тифлисе есть социал-демократический центр, которому, собственно, и принадлежит во всём движении руководящая роль. Кто были членами этого центра, в то время установить не представлялось положительно никакой возможности.

21 июля начальником тифлисского отделения были указаны заподозренные в подстрекательстве рабочих мастеровые Аллилуев, Самчкуашвили, Бажанов, Выгорбин, Татаринов, Мачабели и Рабинович и тогда же было приступлено к выяснению их местожительства и установлению за ними наблюдения.

25 июля бригадир токарного цеха Пфунд, получив срочную работу, приказал рабочим своей бригады явиться на вечерние работы. Токари Фёдор Татари-

нов и Захарий Киктев заявили, что они утомлены и не явятся. Пфунд доложил о происшедшем цеховому мастеру Блюмбергу и представил Татаринова и Киктева, согласно правилам, к увольнению. Татаринов и Киктев из цеха ушли, а значительная часть токарей отправилась к мастеру и стала просить, чтобы их не увольняли. На другой день, 26 июля, Татаринов и Киктев явились в мастерские и, обратясь к мастеру, спросили, где им работать; мастер им ответил, что за отказ от вечерних работ они уволены и могут явиться за расчётом. Обстоятельство это распространилось тотчас же по всему цеху и, в отместку за жалобы на них, рабочие, оставив станки, скопом потребовали от Блюмберга удаления Пфунда, как лица, будто бы заведомо расхищавшего имущество дороги, и вновь стали просить об оставлении на службе Татаринова и Киктева. Получив на это отказ, рабочие разошлись обедать и, возвратясь, вновь за работу не стали, а повторили свои прежние требования.

Ввиду такого вызывающего поведения рабочих, Блюмберг доложил о том начальнику мастерских, который дал своё согласие на оставление Киктева и Татаринова в цеху. Узнав о резолюции начальника мастерских, рабочие приступили к работе и работали до вечера спокойно.

27 июля рабочие токарного цеха, повторив предъявленное накануне требование об удалении Пфунда и вторично получив на это отказ, потребовали, чтобы отказ этот был им изложен письменно. В то же время рабочие вагонного цеха предъявили подобное требование об удалении бригадира Гамкрелидзе. Одновременно с этим часть рабочих вагонного цеха потребовала отмены вечерних работ, а сборный цех предъявил требование об отмене ст. 16 положения о масте-

ровых, обязывающей каждого рабочего, в случае неявки, немедленно доводить до сведения мастера о причинах её, под угрозой за неисполнение этого быть подвергнутым штрафу, как за прогульный день.

В продолжение всего этого времени совершенной забастовки рабочих хотя и не было, но работы производились вяло, многие рабочие в мастерские не являлись, и случаи насилий над более благонамеренными из них повторялись беспрерывно. К рабочему Редькину, высказывавшийся [1] против стачки, 27 июля во двор вошёл неизвестный ему человек и избил его палкой, и в том же день на улице был побит палками бригадир Калюшка [2] и прочие другие, кроме того, мастер токарного цеха Блюмберг получил частное предупреждение о том, что и его собираются побить.

На бывших 27 и 28 совещаниях администрация края с участием чинов губернского и полицейского жандармских управлений и начальника Закавказских железных дорог, инженера Веденеева, ввиду категорических заявлений последнего о том, что движение рабочих не носит угрожающего характера, было постановлено: к предупредительным арестам не приступать, дабы тем не вызвать раздражения рабочих.

29 июля прошло спокойно, но по поступившим в этот день агентурным сведениям нужно было ожидать возобновления требований в вагонном цехе, ввиду чего в тот же день снова состоялось совещание, на котором инженер Веденеев заявил, что хотя видимое положение дела со вчерашнего дня и не ухудшилось, но он считает возникновение стачки неизбежным и, не считая себя в состоянии её предупредить, просит применения энергичных административных мер. Совещание признало необходимым принятие решительных

---

[1] Ошибка. Должно быть: «высказывавшемуся». — *Ред.*

[2] Калягин. — *Ред.*

мер по усмотрению и. д. начальника тифлисского губернского жандармского управления, усиление полицейского надзора за мастерскими и постановило вывесить объявление[1] рабочим с указанием, что производимое ими нарушение порядка в мастерских не может быть далее терпимо, а потому им объявляется, что рабочие, замеченные в возбуждении других или в выполнении лично беспорядков, будут подвергнуты строгим взысканиям, а именно: понижение денежной платы и увольнение от службы, почему для пользы их самих им даётся совет прекратить беспорядки.

Воскресенье 30 июля прошло спокойно, в частях города, населённых рабочими, были выставлены усиленные полицейские караулы, было учреждено наблюдение за трактирами, садами и другими увеселительными местами, и нигде не было заметно сходок или скоплений рабочих.

В понедельник 31 июля работы шли правильно.

В ночь с 31 июля на 1 августа были произведены обыски и арестованы рабочие: Фёдор Татаринов, Василий Бажанов, Николай Выгорбин, Лаврентий Самчкуашвили и Сергей Аллилуев, на вредную деятельность которых поступили наиболее веские указания чинов полицейского жандармского управления и агентурные».

Первого августа, как всегда, мастерские начали работать.

После завтрака рабочие токарного цеха, узнав об арестах, остановили паровые машины. В цехе наступила мёртвая тишина.

Прошло некоторое время, и в корпуса токарного цеха бурлящим потоком влилась масса рабочих-вагонников. Рабочие двинулись в другие цеха, увлекая

---

[1] См. прилож. третье.

тысячи людей за ворота мастерских. Оттуда они направились к поворотному кругу. Там их ждал забастовавший коллектив депо. После короткого митинга все разошлись по домам. Забастовка началась!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Итак, я в одиночной камере Метехского замка. Едва меня втолкнули в камеру, я свалился на койку и заснул. Мои нервы были порядочно расшатаны, усталость необычайно велика.

Внезапно до меня донёсся какой-то шум. Я открыл глаза. Сквозь большое, покрытое грязью окно пробивался слабый свет. У изголовья койки стоял столик. Посредине тяжёлой мрачной двери виднелся маленький глазок. Стены были грязные, закопчённые, с потолка свисала паутина...

Шум усилился. Это открывали двери камер. Я чувствовал—приближается надзиратель. Наконец загремел засов и моей камеры. Двери раскрылись, и ко мне вошёл старший надзиратель. Он осмотрел камеру и, ничего не говоря, удалился. Вновь загремел засов.

Приход надзирателя сразу восстановил в моей памяти всё, что произошло ночью. Я шёл с конспиративного собрания. Ночь стояла тихая. Жара спала, и воздух был необыкновенно свежий. Над городом распростёрлось огромное небо, усеянное звёздами. На улице было пустынно и тихо. Лишь изредка, торопясь, проходили одинокие прохожие. Вдруг сразу, с двух сторон, появились полицейские. Они окружили меня, и я понял, что арест неизбежен. Среди полицейских я заметил пристава.

— Аллилуев? — полувопросительно произнёс пристав и, не дожидаясь ответа, приказал полицейским:

— Взять!

...Я начал ходить по камере. Три шага туда, три обратно. Мало. Я уменьшил шаги — получилось четыре. Раз, два, три, четыре... Может быть, пять получится? Надо еще уменьшить шаги. Раз, два, три, четыре, пять...

Вновь загремел засов. Мне принесли жидкий чай и кусок чёрного хлеба. Я поел. Что дальше делать? Спать? Не хочу. Ходить? Негде. Я снова стал осматривать камеру. В углу я увидел большого паука. Неторопливо и удивительно спокойно, не чувствуя опасности, плёл он свои сети. Беспокоиться ему действительно было нечего. Его никто не трогал. Ни один заключённый не согласился бы лишить себя единственного удовольствия наблюдать за деятельностью живого существа.

У стола, на табурете, лежала тряпка. Зачем она здесь? Может быть, почистить камеру? Я влез на подоконник и начал протирать стекло. Давно не мытое стекло поддавалось с трудом. Но вот одна клеточка протёрта, вторая, третья... В камере стало светлее.

— Что делаешь? — услышал я сердитый голос.

Я взглянул на дверь. Кто-то смотрел в глазок.

— Навожу чистоту... грязно здесь.

— Ну, убирай. Это можно, — сказал тот же голос. Глазок закрылся.

Я продолжал уборку камеры, думая лишь об одном — что происходит в мастерских? Объявлена ли забастовка? Кто, кроме меня, арестован?.. Вопросы всплывали без конца. Но кто мог ответить на них? Тюрьма молчала. Тюремный покой время от времени нарушался лишь звоном ключей, грохотом железного засова или скрежетом ржавых петель открываемой в какой-нибудь камере двери, и снова наступала мёртвая тишина.

Неожиданно я услышал гул многих голосов. Я опять взобрался на подоконник и стал смотреть во двор. Тюремный двор с трёх сторон был окружён каменными корпусами замка. С четвёртой стороны высилась крепостная стена с въездными воротами, окованными железом. Во дворе начиналась получасовая прогулка уголовных. В стороне, под утроенным наблюдением часовых, гуляла группа осуждённых на каторгу. То и дело раздавался звон кандалов.

Я просидел на подоконнике долго-долго. Сменялись заключённые — они гуляли по сменам. Одних уводили в камеры, других выводили на прогулку.

— Уже? — слышались удивлённые вопросы заключённых.

— Иди, иди! — слегка подталкивая заключённых, незлобно говорили часовые. Они привыкли к размеренной и однообразной жизни тюрьмы, прогулкам, к необходимости строго по часам водворять заключённых обратно в камеры, как привыкают ко многим скучным, но неизбежным человеческим обязанностям. На уголовных часовые покрикивали, на политических смотрели с какой-то опаской и недоумением.

— В камеры! — кричал один из часовых, молодой парень, видимо, недавно сменивший простую крестьянскую одежду на казённую форму солдата. — В камеры!

Уголовные, понурив головы, медленно и неохотно покидали двор.

Наступило обеденное время. Прогулка закончена. Двор опустел. Вновь воцарилась тишина — тяжёлая, гнетущая. Я спустился с подоконника и попрежнему продолжал ходить по камере. Раз, два, три... Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре, пять... Так продолжалось до вечера.

Ночью я не мог заснуть. В голову лезли разные мысли. Я перебрал в памяти свою жизнь: смерть отца; село; путешествия по стране; Тифлис... Тридцать четыре года прожил я на свете. Многое познал я за эти годы, многое увидел. Одно было ясно: отступления нет. Кружки, собрания, книги, борьба — всё это моё, родное, близкое, и как бы временами ни было трудно, какие бы препятствия ни встречали меня, я не отступлю от революционного дела, ставшего сущностью моей жизни.

Не спалось. «Остановились ли станки? Замолчали ли мастерские? Удалась ли забастовка?» — с такими тревожными мыслями шагал я по камере.

Утром парашник из уголовных принёс мне очередную кружку чая и хлеб. Воспользовавшись минутным отсутствием надзирателя, я спросил его:

— Не знаешь, что на воле делается?

— Мы всё знаем, — самодовольно ответил уголовный. — В мастерских забастовка, в депо — тоже. Многих из вашего брата в тюрьму посажали!..

Действительно, тюрьма день от дня заполнялась новыми рабочими — участниками забастовки. Обычной тюремной тишины как не бывало. Молодые рабочие, заключённые в камеры, перекликались друг с другом через форточки, перестукивались, шумели. Всё чаще и чаще раздавались голоса надзирателей и часовых:

— Не шуметь!

— Замолчать! Не перекликаться!

Но в тюрьме нас было уже много. Мы почувствовали силу. Тюремное начальство, однако, тоже не сдавалось. Многих оно наказывало, переводило в подвальный этаж — в карцеры, многим запрещало прогулки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Как ни строги были тюремные правила, к нам постоянно проникали известия с воли. По рассказам, доходившим в тюрьму, события в Тифлисе развивались.

Вслед за мастерскими и депо забастовали рабочие и других предприятий города. Это окончательно встревожило местные власти. Они всячески старались сорвать забастовку, распространяя провокационные слухи, пуская в ход угрозы, сея среди семей рабочих панику. Особенно усердствовало железнодорожное начальство. Бывший начальник тяги, теперь начальник дороги, Веденеев собрал паровозные бригады и, опасаясь затяжного характера забастовки, обратился к ним с призывом самим производить текущий ремонт паровозов.

— Вы, — говорил он, — ещё, наверное, не забыли, как обращаться с молотком и как держать в руках напильник. А гаечный ключ вы никогда из рук не выпускали. Я предлагаю вам немедля взять необходимый инструмент и, по старой привычке, приступить к ремонту больных паровозов. Это даст нам возможность поддержать нормальное движение поездов и вместе с тем сломить упорствующих забастовщиков в мастерских и депо.

Машинисты и их помощники были немало удивлены откровенно циничным предложением начальника дороги. Они ожидали, что, собирая их, Веденеев, в связи с забастовкой в мастерских, коснётся положения паровозных бригад, также испытывавших большую нужду. Между тем об этом он не обмолвился ни одним словом.

Предложение Веденеева до глубины души возмутило собравшихся. Однако никто не счёл нужным воз-

ражать ему. И Веденеев, покидая собрание, был уверен, что паровозники поддержат его и выйдут на ремонт.

Но едва начальник дороги скрылся из виду, как все собравшиеся заволновались. Они решили не только отклонить предложение Веденеева, но и начать забастовку. Правда, старики-машинисты пытались удержать молодёжь от этого шага. Но назавтра несколько машинистов и около пятидесяти помощников не вышли на работу.

Зная, что власти не остановятся перед самыми крайними мерами, чтобы принудить помощников машинистов к работе, забастовавшие паровозники на сходке в Муштаиде [1] решили во избежание арестов покинуть город и всем собраться у монастыря Иоанна Дзедадзенского, расположенного в десяти верстах от Тифлиса, в горной, лесистой местности, возле станции Авчалы. Эта мысль всем понравилась, и, захватив с собой продукты, забастовщики с помощью местных жителей по одному стали пробираться по узким, скрытым в зарослях тропинкам к монастырю.

Когда власти узнали, что помощники машинистов присоединились к забастовке, к каждому из них на квартиру явились полицейские или жандармские чины с требованием немедленно прибыть в депо и, согласно графику, приготовить паровоз и следовать с поездом номер такой-то. Чины получили директиву: кто откажется выходить на работу, того сажать в тюрьму. Но вот полицейские и жандармы заходят в одну квартиру — хозяина нет, в другую — тоже нет, в третьей — пусто. Куда же девались помощники машинистов? Кто-то донёс, что они скрылись у монастыря. К монастырю направился отряд конных каза-

---

[1] Муштаид — городской сад.

Годрия Сильвестр.

Камо.

С. Я. Аллилуев. 1882—1883 гг.

ков. Заметив прибывших на станцию Авчалы казаков, бастующие спустились с вершины горы в противоположную сторону и в обход вернулись домой. Многих из них в тот же день арестовали.

Метехская тюрьма оказалась переполненной заключёнными. Но этого властям было мало. Однажды группа рабочих — в ней насчитывалось около трёхсот человек — собралась к десятому полицейскому участку и потребовала освобождения арестованных участников забастовки. Пристав и полицеймейстер приказали разойтись по домам. Рабочие отказались.

— Не разойдётесь — арестуем всех! — пригрозил пристав.

— Не уйдём, пока не выпустите наших товарищей! — в один голос ответили рабочие.

Тогда пристав вызвал отряд солдат и под конвоем отправил всех в губернскую Орточальскую тюрьму, находившуюся на окраине Тифлиса. Арестованных провели через весь город. По пути следования их тепло приветствовало население, мелкие торговцы подносили им продукты, папиросы, табак.

Из губернской тюрьмы заключённые вскоре были высланы на родину, по месту прежнего жительства. Посадка в поезд происходила на ближайшей от тюрьмы станции — Навтлуг.

С десятого августа начался спад забастовочной волны. С каждым днём в мастерские выходило всё большее число рабочих. Пятнадцатого августа забастовка окончилась. Требования бастующих не были удовлетворены, но забастовка сыграла свою роль. В ней участвовало четыре тысячи рабочих железнодорожных мастерских и депо; впервые тифлисские рабочие почувствовали силу своей организации.

По определению «отдельного корпуса жандармов ротмистра Цысс» «стачка в депо и главных мастер-

ских Закавказских железных дорог была всецело произведением социал-демократической партии».

«Ввиду совершенно особых условий, — пространно повествует далее Цысс, — при которых происходили стачки, выяснить своевременно деятельность и личный состав революционных кружков, влиявших на рабочих, было совершенно невозможно... Заключение под стражу также не дало должных результатов, так как ввиду переполнения тюрьмы, наполовину уже занятой лицами, привлечёнными к другим дознаниям, одиночное заключение не могло быть осуществимо, в одной и той же камере необходимо было содержать от двух до пяти человек, а в камерах № 17 и 23 в каждой было около сорока человек. Заключённые имели возможность настолько сговариваться, что показания их, как стереотипное повторение одним другого, ничего существенного делу не дали.

Полученная первоначально некоторая разница в показаниях лиц, заключённых в разных камерах, также быстро исчезла, так как, вследствие крайнего неблагоустройства местных мест заключения, между арестованными происходили постоянные сношения, искоренить которые тюремная администрация была бессильна. Заключённые не только свободно переписывались между собой, но даже передавали из камеры в камеру деньги, переговаривались сигналами между собой и с незаключёнными товарищами и в самой камере публично читали письмо какого-то студента, надо полагать заключённого по делу социал-демократической пропаганды среди наборщиков — Владимира Карлова, Родзевича-Белевича, призывавшее их быть стойкими в своих показаниях. Взамен угнетённого состояния духа, вызываемого одиночным заключением и способствующего сознанию [1], — заключённые были

[1] Видимо, признанию. — *Ред.*

веселы, чувствовали себя прекрасно и с течением времени держали себя всё более и более вызывающе. В камере затевались игры и песни, надзиратель делал замечание и требовал прекратить, — арестованные коллективно жаловались на грубость надзирателя. Парашник отказался передать записку в соседнюю камеру, — арестованные потребовали перемены парашника, якобы уличённого ими в мошенничестве и вымогательстве, а когда им было в этом отказано, то они исписали стены неприличными словами и бранью по адресу начальника тюрьмы и жандармских офицеров и на наложенное за это на них дисциплинарное взыскание — лишение на несколько дней прогулки, — с криком и шумом заявили, что это «белый террор». Нахальство арестованных дошло до того, что в самой тюрьме стали составлять и читать революционные стихотворения... Принятая вначале система — ввиду неимения места заключать в одну камеру по нескольку человек, привлечённых по разным дознаниям, привела к совершенно отрицательным результатам, так как она послужила лишь более широкому ознакомлению заключённых с ходом дознания и дала возможность интеллигентам, заключённым вместе с неинтеллигентами — рабочими, заниматься пропагандой».

После подавления забастовки в Метехской тюрьме вновь наступила гнетущая тишина. Потянулись длинные, ничем не заполненные дни, унылые и однообразные.

На воле у меня оставались жена и трое детей. Свидания с семьёй я ещё не имел. Как они живут, что поделывают — неизвестно. Как-то я получил передачу — продукты. Развернув посылку, я обнаружил в ней записку. Жена коротко сообщала о событиях пос-

ледних дней, о ребятах. Она писала, что у неё и других жён арестованных неплохое настроение, что они стараются не падать духом.

После месячного пребывания под стражей нам, наконец, дали свидание с родными. Двадцатиминутная беседа с семьёй доставила мне большую радость. Мой старший сын, шестилетний Павлуша, прильнул ко мне и без конца повторял:

— Пойдём домой...

Я смеялся, обещал скоро вернуться. Но сынок не отставал:

— Нет, пойдём сейчас с нами!

В это время надзиратель, присутствовавший при свидании, объявил, что время истекло и свидание закончено. Жена взяла за руки ребят и, понурив голову, медленно тронулась. Дети заплакали.

— Идём с нами! — сквозь слёзы кричал Павлуша. — Идём домой!..

Сердце сжималось от боли.

Пошёл второй месяц нашего заключения. Тюремщики, оправившись от временного замешательства, часто напоминали нам о наших вольностях.

— Кончились ваши песни, — говорили они, —а то, вишь, распелись, как в театре.

Старший надзиратель одиночного корпуса Левченко время от времени ехидно и зло ворчал:

— Якие же вы политики, коли не знаете, как держать себя?.. — спрашивал он и утомительно долго рассказывал о том, как вели себя серьёзные люди, народники, сидевшие спокойно и тихо, не нарушая тюремного режима. — А это что же такое, разве вы политические? Ещё молоко не обсохло на губах, а они кричат: «Не тронь нас», горланят песни, как в кабаке.

Но дело, к сожалению, не ограничивалось лишь

нотациями и увещеваниями. День ото дня режим в тюрьме становился строже, условия ухудшались.

Метехский замок со всеми своими постройками стоит высоко на отвесной скале. Внизу, у подножья скалы, шумит и бурлит неугомонная Кура, стремительно неся свои мутные воды. Многое повидал на своём веку замок, немало таил в своих стенах скорби народной, море слёз было пролито в его мрачных казематах. Не раз и не два его стены обагрялись горячей кровью. Да и Кура, быстрая и шумная, немало приняла горьких слёз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Прошло шесть недель. Как всегда, рано утром загремел железный засов, двери открылись, и в камеру вошёл парашник. Он налил кружку чая, положил на стол кусок хлеба и сказал:

— Куда-то нынче водят вашего брата.

Вскоре вновь загремел засов.

— Одеваться! — сурово бросил старший надзиратель, остановившись в полуоткрытых дверях. — Ну, живей!

Меня повели по узким лабиринтам тюремных коридоров. Спустившись по лестнице вниз и миновав служебные помещения, я, наконец, оказался в большой, ярко освещённой солнцем комнате. За письменным столом, покрытым зелёным сукном, сидел жандармский ротмистр Лавров и что-то писал. Не поднимая головы, он произнёс:

— Садитесь.

Я сел.

Лавров писал быстро и энергично, то и дело зачёркивал, перо безжалостно скрипело. Кончив писать,

он поднял свои чёрные помутневшие глаза и еле заметно улыбнулся.

— Вы Аллилуев, не так ли? — спросил он, придвинув ко мне портсигар.

Я подтвердил.

— Закуривайте, — сказал Лавров. — Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Не курю.

— Не курите? — удивился ротмистр. — Может быть, чаю хотите?

— Не хочу. Пил.

Ротмистр откинулся на спинку кресла и, пуская дым, заговорил:

— Вы, конечно, знаете, почему мы арестовали вас. У нас нет никакого желания держать в тюрьме сотни людей. Мы вас выпустим, — продолжал он, — если... если вы нам назовёте организаторов забастовки. Согласны?

Я взглянул на Лаврова, на его худое, испитое лицо, на всю его тщедушную фигуру, и чувство брезгливости и омерзения охватило меня.

— Никого не знаю, — еле сдерживая себя, сказал я.

— Не знаете? А этих вы узнаёте? — Лавров протянул мне несколько фотографий.

Пока я рассматривал снимки, Лавров не сводил с меня глаз. Я чувствовал, что он следит за выражением моего лица. Возвращая фотографии, я как можно более равнодушно произнёс:

— Никого не знаю. Не встречал.

— Так-таки не встречали? А вы напрягите память, может быть, вспомните.

Это были фотографии активных революционеров — Владимира Родзевича, Павла Пушкарёва и Прокофия Джапаридзе. Все они были арестованы и сидели в

Метехском замке. Конечно, я всех узнал, но продолжал отрицать это.

— Вспомнили? — вкрадчиво спросил Лавров.

— Я их не знаю.

— Где вы с ними встречались?

— Я их не знаю.

— Давно знакомы?

— Я их не знаю.

— Они часто бывали в мастерских?

— Не знаю.

— С семинаристами встречались?

— Нет.

— Кого вы знаете из грузин? — быстро, пытаясь сбить меня, бросал вопросы Лавров.

Я назвал фамилии грузин-рабочих, не участвовавших в революционной работе.

— Кого ещё знаете?

— Больше никого.

— Грузин-семинаристов знаете?

— Нет.

— Сгною в тюрьме! — не своим голосом закричал Лавров. — Вы у меня заговорите!

Прокурор, пришедший во время допроса и долго молчавший, вдруг спросил:

— У вас семья есть?

Я ответил, что у меня есть жена и трое детей.

Прокурор пожал плечами и удивлённо произнёс:

— Вы человек взрослый, культурный и так варварски относитесь к семье. Непостижимо! — воскликнул он. — Ваше молчание может печально отразиться на семье. Вы это должны понять... — Затем, понизив голос, прокурор продолжал: — Никто ничего не узнает. Вы назовёте организаторов, и мы оставим вас в покое.

Слова прокурора возмутили меня, но я сдержал

себя и продолжал молчать. Ротмистр Лавров протянул мне протокол и сквозь зубы процедил:

— Ничего, вы заговорите... В одиночку! — приказал он вызванному жандарму.

Я вновь оказался в камере. Нервы не выдержали. Меня охватила тоска.

С воли пришли нерадостные вести — начальство уволило всех рабочих, во-время не ставших к станкам. Железнодорожное жандармское управление объявило постановление о том, что все лица, арестованные за участие в стачке, лишаются права работать на железных дорогах России.

Распоясались и некоторые домовладельцы: Они требовали, чтобы семьи арестованных очистили квартиры. Мою семью постигла та же участь.

В конце октября меня перевели в общую камеру. В ней уже находились помощник машиниста Иван Киясов и студент Павел Пушкарёв, сидевшие до этого тоже в одиночках. В тот же день в общую камеру водворили и Владимира Родзевича. Встретились мы восторженно. Каждый из нас так соскучился по живой человеческой речи, что говорили мы до самого рассвета. Да и было о чём говорить!

Общая камера была чуть-чуть больше одиночки. Койки стояли вплотную друг к другу. Ходить по камере, отсчитывать шаги уже нельзя было.

Утром следующего дня в нашу камеру перевели ещё одного заключённого — Никифора Беридзе, бригадира токарного цеха. Беридзе очень осунулся, был бледен, подавлен. Он рассказал нам, что его несколько ночей подряд вызывали на допрос. Ротмистр Лавров угрожал сгноить его в тюрьме или выслать на долгие годы в Сибирь. Мы как могли успокаивали

Беридзе, доказывали, что у Лаврова нет и не может быть никаких оснований держать его дольше, чем всех нас. Мы сказали ему, что раз нас перевели в общую камеру, то можно надеяться на скорое освобождение. Но Беридзе попрежнему оставался мрачным и подавленным.

— Выше голову, старина! — говорил Родзевич, обращаясь к Беридзе. — Не унывай и не поддавайся на провокацию! Пойми, что Лавров, видя твою слабость, стремится ещё больше запугать тебя, чтобы вытянуть всё, что ему нужно.

— Что ты?! — испуганно выкрикивал Беридзе. — Разве я не понимаю?.. Но тяжело, очень тяжело!..

Через пару дней каждого из нас вновь вызвали на допрос к Лаврову. Беридзе повели последним. Пробыл он на допросе больше, чем мы, и вернулся в камеру разбитый, в совершенно подавленном состоянии.

— Ну, как? — бросился к нему Родзевич.

— В Сибирь грозится отправить, — ответил Беридзе и свалился на койку.

В начале ноября Родзевича, Пушкарёва, Киясова и меня освободили из тюрьмы. Мы вышли на волю все вместе. Стоял прекрасный осенний день. Ослепительно сияло солнце. Слабый ветерок то нехотя поднимал с земли, то вновь опускал пожелтевшие листья. Улицы были многолюдны. Мы шли по городу, не в силах говорить от радости. Воля! Воздух! Солнце! Кончилась нудная, однообразная жизнь в тюрьме, впереди — свобода, семья, увлекательная работа. Мы пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

Беридзе вышел из тюрьмы немного позже нас. Он был окончательно сломлен. Впоследствии выяснилось, что Лавров всё-таки принудил Беридзе стать осведомителем, и он кое-кого выдал. По выходе из тюрь-

мы Беридзе удалось опять поступить в мастерские. Но вскоре его разоблачили как провокатора, и один из рабочих во время ночной смены ранил его. Тогда Беридзе перевели на дорогу осмотрщиком поездов, где он в конце концов был убит.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я остался в Тифлисе под гласным надзором полиции. В декабре поступил работать на маленький механический завод Рукса.

Возвращаясь однажды с работы, я встретил Ипполита Франчески и его жену Клавдию Коган.

— Аллилуев, — тихо сказал Франчески, — приходите сегодня к нам. Я вас познакомлю с интересным человеком.

— С кем?

— Приходите — узнаете!

Вечером, сгорая от любопытства, я направился к Франчески. Там я застал человека моих лет, с высоким, немного выпуклым лбом. Это был Виктор Константинович Курнатовский.

Курнатовский усадил меня подле себя и стал расспрашивать о работе, о настроениях рабочих. Голос у него был глухой, негромкий. Слушая меня, он изредка, приложив руку к уху, переспрашивал:

— Что? Как вы сказали?

Несмотря на то, что Курнатовский плохо слышал, у нас завязалась живая, непринуждённая беседа. Он меня сразу покорил. Мне казалось, что я его давно знаю, что это не первая встреча. По его вопросам я понял, что Курнатовский уже в курсе всех дел и событий, происходивших в Тифлисе. Неожиданно Виктор Константинович спросил:

— Что вы читаете?

Я сказал, что ещё несколько лет назад в кружке я пытался познакомиться с «Капиталом» Маркса.

— Маркса надо серьёзно читать, — сказал вдумчиво, задушевным голосом Курнатовский. — Если одному трудно, собирайтесь группой в три-четыре человека и читайте. Рабочие должны знать Маркса. — Курнатовский помолчал, потом тихо добавил: — Ну, а Ленина вы знаете? Слыхали о нём? Ленин — большой человек, самый большой из революционеров.

Сейчас, спустя сорок лет, трудно передать детали этой беседы. Помню, Виктор Константинович нарисовал замечательный портрет Ленина, восторгался его светлым умом и несокрушимой волей.

Внешне суровый и неприступный, Курнатовский как-то по-особому мягко рассказывал о Ленине, о его жизни в ссылке. Глаза его, обычно холодные и строгие, смотрели сейчас тепло.

Затем Курнатовский спросил:

— Как рабочие относятся к «Месаме-даси», к спорам внутри неё?

Я сказал, что среди рабочих есть сторонники большинства «Месаме-даси», есть и сторонники меньшинства.

— Ну, а у кого больше сторонников — у стариков или молодых? — произнёс Курнатовский и, не ожидая ответа, продолжал: — Конечно, популярности у стариков пока больше. Но это только пока. Рабочий класс быстро раскусит их...

Виктор Константинович произвёл на меня очень сильное впечатление. Его мужество и смелость, его твёрдость и прямота в оценках, его страстная преданность революции, образованность покорили многих товарищей.

О Викторе Константиновиче мне много рассказы-

вали ещё русские ссыльные. Курнатовский родился в семье врача. С детства у него появилась страсть к смелым и рискованным путешествиям. Когда однажды он совершил очередное «путешествие» по воде, его лодка перевернулась; вода захлестнула Курнатовского, попала ему в ухо, вызвав болезнь, притупившую его слух. Будучи гимназистом, он познакомился с народниками и с тех пор всем сердцем отдался революционной работе. Девятнадцати лет Виктор Константинович уже изучал марксизм. Но одни книги не смогли удовлетворить Курнатовского, и он начал вести агитационно-пропагандистскую работу.

«Наблюдение осенью 1886 и зимой 1887 гг. в С.-Петербурге за лицами, — читаем мы в «Докладе особого совещания», — принадлежавшими к так называемой «Союзной студенческой организации», выяснило, между прочим, участие в этом преступном кружке студента С.-Пб. ун-та Виктора Курнатовского, находившегося, между прочим, в близких сношениях с студентами Канчером и Гаркуном, принявшими непосредственное участие в злодейском замысле 1 марта 1887 г. и ныне осуждёнными. Вслед за арестом этих лиц Курнатовский особенно сблизился с другим членом означенной организации, сыном коллежского советника Николаем Евстафьевым, который в мае 1887 г. также арестован по обвинению в составлении преступной прокламации».

Курнатовского арестовали. Как властям ни хотелось привлечь его к суду — ничего не вышло: обыск, произведённый у Виктора Константиновича, ничего не обнаружил. Однако его всё же исключили из университета и выслали на родину, в Ригу. Курнатовский, как рассказывает «Доклад особого совещания», «...и в этом городе не прекратил преступных связей с Петербургом, и из донесений нач-ку Лифл. губ. жанд.

управления в ноябре 1887 г. усматривается, что Курнатовский успел организовать в Риге кружок учащейся молодёжи, преследовавший противоправительственные цели. Кружок этот дальнейшего развития не получил, так как Курнатовский скоро уехал в Москву».

Будучи в Москве, сообщают материалы жандармского управления, «...Курнатовский в 1888 г. вёл переговоры о совместной революционной деятельности с петербургским кружком...» Виктор Константинович организовал здесь рабочие и студенческие революционные кружки, придав им социал-демократическое направление, и постоянно устраивал сборы пожертвований в пользу политических ссыльных. Его деятельность не могла остаться бесследной. Курнатовского арестовали и сослали в Шенкурск, Архангельской губернии.

Ссылка не укротила революционного пыла Виктора Константиновича. В Шенкурске он продолжал упорно изучать марксизм, возглавил марксистский кружок, созданный из ссыльных революционеров. Отбыв три года ссылки, Курнатовский выехал в Воронеж. Но, убедившись, что в России за каждым его шагом неотступно следит жандармерия, он решил уехать за границу, чтобы там основательнее подготовиться к революционной работе. Покидать родину ему не хотелось. В личном письме Курнатовского, перехваченном жандармским управлением, мы читаем:

«Свободы я жду со страстным нетерпением, хотя далеко не с радостным чувством. Чувствую, какую массу знаний ещё надо приобрести, чтобы быть сознательным и достойным представителем того дела, за которое хочу взяться. Причиной нерадостного чувства служила, однако, не эта необходимость приобре-

тать знания, — нет, эта необходимость является лучшим светочем жизни, а то, что я предвижу, что не скоро и с трудом найдётся такая деятельность, которая была бы плодотворным осуществлением того, чем я живу, о чём давно мечтаю и в чём вижу цель своей жизни. А если уеду за границу, так тогда это воплощение моих заветных мыслей и прямо отсрочится на несколько лет. Вот где источник моего невесёлого настроения. Эта страстная жажда чувствовать, что и я недаром живу на свете, что и я сделал, что мог, для изменения существующих условий, и необходимость ещё на несколько лет отказаться от деятельности и создают мучительное чувство противоречия».

С трудом получив заграничный паспорт, Курнатовский выехал в Цюрих. Живя за границей, он ни на один день не прерывал связи с Россией, снабжал русские кружки литературой, оказывая им постоянную помощь. Как неутомимо Виктор Константинович работал в Цюрихе, видно из сообщения «Доклада особого совещания»:

«22 августа н. ст. 1893 г. сотрудник Азеф из Карлсруэ сообщил, что в Цюрихе между 8 и 11 августа происходили заседания представителей разных кружков заграничных городов, причём от Цюриха были представителями: Курнатовский, Полинковский, Шмулевич, Коган, Теплов и М. Слепян. Основан новый социал-демократический союз, редакция брошюр для рабочих передана Плеханову; переправка в Россию пока поручена Волховскому, с которым по этому поводу эмигрант Теплов имел 14 августа переговоры от имени союза. Союз этот имеет связи с Петербургом, Екатеринославом, Нижним-Новгородом, Харьковом и Одессой».

Русская полиция и жандармерия не прекращали слежку за Курнатовским и за границей. Узнав о том, что Виктор Константинович возвращается в Россию, они выслали на границу своих агентов, которые и арестовали его. Курнатовский вновь оказался в ссылке, — на этот раз в Восточной Сибири. Здесь, в ссылке, Виктор Константинович встретился с Владимиром Ильичем Лениным. Надежда Константиновна Крупская впоследствии писала:

«Раз мы ездили к Курнатовскому. Был он очень хорошим товарищем, очень образованным марксистом, но тяжко сложилась его жизнь. Суровое детство с извергом-отцом, потом ссылка за ссылкой, тюрьма за тюрьмой. На воле почти не работал, через месяц-другой влетал на долгие годы, жизни не знал.

Осталась в памяти одна сценка. Идём мимо сахарного завода, где он служил. Идут две девочки — одна постарше, другая маленькая. Старшая несёт пустое ведро, младшая — со свёклой. «Как не стыдно, большая заставляет нести маленькую», — сказал старшей девочке Курнатовский».

После отбытия сибирской ссылки Курнатовскому удалось уехать в Женеву. Там в это время уже находился Ленин, отбывший ссылку немного раньше Виктора Константиновича. По предложению Ленина, Курнатовский перебрался на Кавказ.

Я встречался с Виктором Константиновичем несколько раз. Я видел его на собраниях, в кружках, неоднократно слушал его речи. Помню, на каком-то узком собрании он рассказывал, как они в ссылке под руководством Ленина принимали протест против манифеста «экономистов» — людей, отказывавшихся от революционного марксизма, отрицавших необходи-

мость создания самостоятельной политической партии пролетариата.

— Ной Жордания и его последователи, — говорил Курнатовский, — ничем не лучше всех этих легальных марксистов и экономистов. Результаты работы у них одинаковы. И те и другие мешают нам строить революционную партию пролетариата.

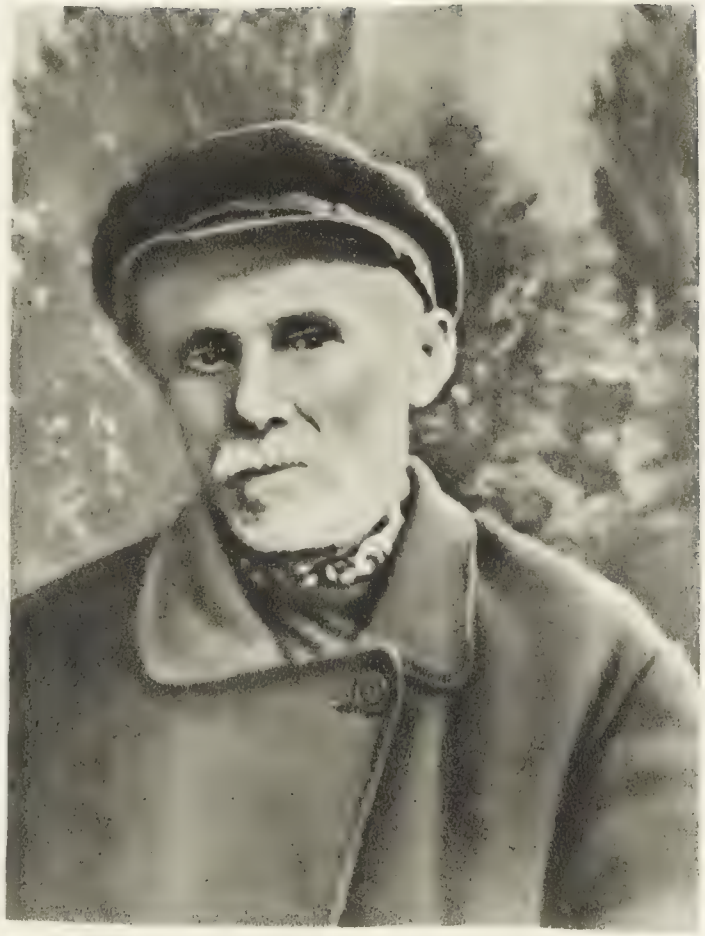
Сразу же по приезде в Тифлис Виктор Константинович связался с молодёжью из «Месаме-даси». Марксист до глубины души, он горячо и убеждённо поддержал Сосо Джугашвили и его группу. Человек с благородным сердцем, с доброй, отзывчивой душой, он являлся для каждого из нас, рабочих, учителем и редким товарищем.

Виктор Константинович одним из первых оценил пламенное сердце Сосо, его глубокий ум, его страстную преданность делу партии, делу революции. Сосо и Курнатовский быстро сдружились и вместе, рука об руку, повели наступление на Ноя Жордания. Они едко и беспощадно критиковали его; их не могла удовлетворить слишком узкая работа, ограничивавшаяся только занятиями в кружках. Они доказывали, что время узкой кружковщины миновало, что теперь нужно переходить к широкой пропаганде и агитации, к массовому стачечному движению, к открытой борьбе за политическую свободу, за право выхода на улицу, за свержение самодержавия.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шёл тысяча девятьсот первый год...

Сосо Джугашвили и Виктор Курнатовский готовили рабочий класс Тифлиса к первомайской демонстрации. Как ни конспиративно проводилась подготовка, о предстоящей маёвке всё же узнала полиция.



В. Бажанов.

Петр Монтин. 1900-е годы.

Литвин-Седой (Звулон).
1900-е годы.

Г. И. Петровский. 1897 г.
(Екатеринослав).

Нас предупредили: быть на-чеку! Мы чувствовали, что столкновений с полицией не избежать.

Настало воскресенье двадцать второго апреля. Утром я вышел на улицу. День выдался тёплый, ярко сияло солнце. Я свернул на Кирочную улицу, миновал Верийский мост и поднялся к Головинскому проспекту. В конце проспекта, по направлению к району Веры, было много гуляющих. Среди них я узнал рабочих мастерских и депо.

Кое-кто из гуляющих был одет не по сезону: в тёплые пальто и кавказские овчинные шапки. В таком же одеянии оказался и Вано Стуруа.

— Ты что, болен? — поразился я.

Вано приподнял шапку, улыбнулся.

— Здоров.

— Чего же ты оделся так?

— Сосо велел.

— Сосо? Зачем?!

Вано придвинулся ко мне и зашептал на ухо:

— Понимаешь, мне и другим товарищам предложено выступить во главе группы... Понимаешь? Значит, первые удары казачьих нагаек примем мы. Пальто и папаха смягчат удар. Понял?

— Понял.

— То-то же, умно ведь?

Это было придумано действительно умно, потому что полиция уже появилась. В каждом дворе Головинского проспекта и Дворцовой улицы были расставлены полицейские наряды.

Между тем время приближалось к двенадцати. С арсенала ударила пушка, возвещая полдень. Вано Стуруа бросился к группе рабочих, выступавшей по середине проспекта. Послышались дружные возгласы:

— Да здравствует Первое мая!

— Долой самодержавие!

— Да здравствует свобода!

С пением «Варшавянки» мы двинулись к центру. Откуда-то прискакали казаки. Завязалась борьба. Нашу группу рассеивали в одном месте, мы смешивались с гулявшей публикой и вмиг появлялись в другом. Так продолжалось несколько минут.

Полиция, казаки и дворники, налетевшие со всех сторон, заполнили проспект. Они стали теснить и избивать демонстрантов, разгонять гуляющих. Небольшими группами мы пробивались сквозь цепь и окольными путями направлялись на Солдатский базар, куда, по договорённости, мы должны были прибыть после демонстрации на проспекте.

На Солдатском базаре по случаю воскресного дня, как обычно, собралось много народу. Но покупатели в тот день были необычные. Они подходили к лавкам, приценялись и, ничего не купив, отходили. Лишь в полдень торговцы поняли, что̀ за «покупатели» собрались на базаре. Когда с арсенала грянул пушечный выстрел, над площадью раздалось:

— Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!

В ту же минуту полицейские с обнажёнными шашками бросились на знаменосца. Знамя перехватили, и оно пошло по рукам рабочих. Там, где полицейские особенно наседали, знамя опускалось, чтобы тотчас же взвиться в другом месте. Произошло кровавое побоище. Засвистели казачьи нагайки, засверкали шашки. Рабочие отвечали камнями и палками. Схватка была отчаянная. Многие рабочие были ранены. Досталось и полицейским. Знамя же, снятое с древка и унесённое женщинами, цело и сохранилось до сих пор.

— Получите расчёт, — строго сказали мне в конторе Рукса. — Вы уволены.

Я не удивился. Я знал, что так и будет. За день до этого у меня произошёл конфликт с хозяином завода. Один из учеников случайно сломал подвижную каретку сверлильного станка. Рукс, проводивший всё время в ресторанах, пришёл на завод пьяным. Узнав в конторе о поломке, он ворвался в цех и, пошатываясь, размахивая кулаками, направился к ученику. Я встал между ним и побледневшим парнем.

— Бить не смейте! — крикнул я. — Не допущу!

— Что ты сказал? — не своим голосом завопил пьяный, ошеломлённый неожиданным вмешательством. Тупо поглядев на меня, он вдруг повернулся и, не говоря ни слова, покинул цех.

Я — вновь безработный. Двери железнодорожных мастерских и депо для меня закрыты. Куда итти? Где искать места? Надо уезжать из Тифлиса. По совету товарищей, я заручился рекомендательным письмом одного ссыльного, инженера Рябинина, и в начале мая выехал в Баку.

— До свиданья, Тифлис! До свиданья, город солнца! До свиданья, товарищи друзья, направившие меня на священный путь борьбы!

Пятьдесят лет отделяют меня от того времени. Состарился слесарь Аллилуев, поседели волосы, силы ослабли. Но и сейчас, как и на заре своей жизни, я чувствую дыхание революционного Тифлиса и ветер первых маёвок.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Баку встретил меня неприветливо. Дул норд-ост, осыпая прохожих песком.

Улицы производили удручающее впечатление. Тут и там видны были пустыри, ямы, рытвины. Вдали от вокзала, на набережной, стояли высокие кра-

сивые здания. А дальше, между нефтяными вышками, прижимаясь к земле, вытянулись длинные низкие казармы, сложенные из неотёсанных камней.

На конке добрался я до строившейся на Баиловом мысу электрической станции. В конторе, занимавшей небольшой домик, я увидел седого, как лунь, швейцара.

— Как мне найти заведующего строительными работами? — обратился я к нему. Старик молча провёл меня к дубовой, хорошо отделанной двери. Я постучал.

— Войдите!

Я вошёл в уютную, со вкусом обставленную комнату. За столом сидел человек в светлосером костюме с выразительным энергичным лицом.

— Вы Леонид Борисович Красин?

— Да, — сказал Красин, беря у меня письмо Рябинина.

— Ну, хорошо. Нашего полку прибыло.

Леонид Борисович Красин начал социал-демократическую работу ещё в бытность свою студентом Петербургского технологического института. В Баку он приехал вместе с инженером Робертом Эдуардовичем Классоном в качестве заведующего строительными работами недавно основанного акционерного общества «Электросила».

За год работы в Баку молодые инженеры сбросили в море добрую половину Баиловой горы, значительно расширили площадь строительного участка, соорудили здание мощной электростанции, водокачку, жилые дома. На строительстве были заняты представители более чем десяти национальностей — русские, грузины, армяне, тюрки, татары, персы, лезгины, осетины, нем-

цы, датчане, англичане. Новая станция была предназначена для передачи электрической энергии на промысла и применения её при бурении и тартании нефти.

Когда полностью закончилось оборудование паровых котлов и станцию пустили, я остался работать в котельном отделении в должности старшего кочегара.

На станции я встретил видных социал-демократов того времени: Н. Козеренко, П. Корыстелева, А. Кохановского, Н. Кириллова, А. Салищева. Все они работали на станции — кто бухгалтером, кто статистиком, кто монтёром. Позднее я познакомился с Л. Гальпериным одним из одиннадцати социал-демократов, бежавших из Киевской тюрьмы.

В это же время у меня произошла первая встреча с Владимиром Захарьевичем Кецховели — Ладо.

Как-то у Красина я застал высокого человека с красивым, открытым лицом, окаймлённым густой чёрной бородой. Он разговаривал, широко шагая по комнате.

— Деметрашвили, — произнёс он, пожимая мою руку.

Это был Ладо, проживавший в Баку по фальшивому паспорту.

Ладо родился в семье священника. Семи лет он поступил в Горийское духовное училище. Когда его перевели в четвёртый класс, он начал выпускать рукописный журнал «Рассвет». К этому времени относится начало его близкой дружбы с Сосо Джугашвили.

Из Гори Ладо переехал в Тифлис и поступил в духовную семинарию. Здесь он вступил в семинарский кружок грузинского писателя Ниношвили. В кружке молодой семинарист читал Тургенева, Толстого,

Белинского, Чернышевского, Герцена, Писарева и передовых писателей Грузии. Семнадцати лет Ладо поднял семинаристов на забастовку с целью протеста против невыносимых порядков в семинарии. В ответ на забастовку власти временно закрыли семинарию, а Ладо Кецховели выслали из Тифлиса. Он переехал в Киев, где целиком отдался революционной деятельности. Но вскоре его арестовали. После трёхмесячного тюремного заключения Ладо был выслан на родину под надзор полиции. Но из-под надзора полиции он скрылся и стал проживать нелегально в Тифлисе.

В тысяча девятисотом году, по предложению группы революционных марксистов, Ладо выехал для партийной работы в Баку.

Ладо оживил революционную работу в городе нефти, вдохнул жизнь в кружки. В Баку появилась пропагандистская и агатационная нелегальная социал-демократическая литература. То и дело распространялись листовки и прокламации. Ладо мастерски провёл первую в Баку массовую маёвку.

Ладо строил ревслюционную рабочую организацию, руководил партийной работой. Здесь же он одновременно выполнял сложное и очень ответственное задание: по поручению организации он создавал в Баку подпольную типсграфию. На первых порах его снабдили небольшим ручным станком, изготовленным в Тифлисе, шрифтом, краской и бумагой для печатания листовок. Но вскоре партии потребовалась большая типография, могущая выпускать в огромных тиражах социал-демократическую литературу. Ладо приступил к созданию этой большой подпольной типографии.

Но чтобы купить типографскую машину и постоянно получать бумагу и краску, требовалось свиде-

тельство за подписью губернатора на право открытия типографии. Где его взять? Ладо составил на своё имя удостоверение, переписал его на заранее полученном бланке со штампом «елисаветпольского губернатора» и потом сам подписал его за губернатора. Заверив копию с этого удостоверения у бакинского нотариуса, он получил возможность законно приобретать любое типографское оборудование.

Таким путем удалось приобрести машины, шрифт. Затем он начал подбирать людей для работы в типографии.

Типография, наконец, создана; по поручению тифлисской руководящей группы РСДРП здесь начала выходить первая грузинская нелегальная газета «Брдзола» — «Борьба». Помню, однажды к Красину прибежал Ладо, радостный и сияющий. Он вынул из кармана газету, развернул её и громко сказал:

— Вот она, смотрите, «Брдзола».

Это был первый номер новой революционной газеты, сыгравшей впоследствии огромную роль.

С помощью тифлисских товарищей Ладо объединил вокруг себя опытных и надёжных людей, спаял их всех в дружный коллектив. Товарищи, работавшие в типографии, соблюдали строгую дисциплину. Никто из работавших в типографии не имел права куда-либо отлучаться без ведома Ладо, посещать знакомых, и особенно тех, кто принимал участие в революционной работе. Все эти предосторожности были крайне необходимы, чтобы полностью гарантировать типографию от провала.

Сам Ладо целыми сутками не выходил из типографии. Он писал, редактировал материалы, правил корректуру, набирал, печатал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В конце июня ко мне приехала семья. А в сентябре жена родила четвёртого ребёнка, дочку Надежду. Моя семья, таким образом, округлилась до шести душ. По этому случаю пришло время, как мне кое-кто советовал, — «взяться за ум», утихомириться и сократиться в своих порывах. Но я, видимо, был слишком упрям, чтобы последовать «доброму» совету и думать лишь о своей семье. По укоренившейся уже в плоти и крови привычке, я попрежнему продолжал оставаться бунтарём.

Из-за этих особенностей характера у меня и здесь происходили конфликты с некоторыми лицами из технического персонала электростанции. Особенно я не ладил с механиком Раттером и инженером-электриком Векслером — бесталанными специалистами и незадачливыми администраторами. Это были два сапога, составлявшие одну пару, хотя и снятые с разных колодок.

С механиком Раттером трения у меня начались с первых же дней его появления на станции. Котельное отделение, где я работал, было снабжено полным набором инструмента, потребного на случай аварии. По распоряжению Раттера, гаечными ключами котельной стали пользоваться подсобные рабочие, а также монтёры электротехнической мастерской. Я протестовал против такого беспорядка, могущего вызвать задержку спешного выполнения работ при авариях на паровых котлах.

Как-то во время пуска резервной паровой машины прорвало асбестовую прокладку между фланцами паропровода, идущего от котлов к машине. Случилось это при директоре «Электросилы» Классоне. Из-за отсутствия под руками ключа нужного разме-

ра аварию удалось ликвидировать с некоторой задержкой.

Классон спросил:

— Почему произошла задержка?

Я в своё оправдание ответил, что если инструмент будут уносить из котельной, то не исключена возможность повторения подобных задержек.

— Никому не давайте инструмент, — сказал Классон и покинул котельную.

Назавтра Классон издал специальный приказ: немедленно привести в надлежащий порядок инструмент, в том числе и гаечные ключи, и никому не выдавать их. В один из ноябрьских дней во время моего дежурства в котельную вошёл подсобный рабочий Савин. Он сказал, что его прислал «директик» — так Савин называл директора — за гаечным ключом, и указал размер. Из-за шума, стоявшего в котельной, мне показалось, что Савин прислан электриком Смирновым, который обычно за ключами присылал того же Савина. Я отказался выдать ему ключ.

Савин ушёл.

Через некоторое время он снова явился вместе с механиком.

— Вы почему не дали ключ Классону? — набросился на меня механик. — Вы разве не знаете, что из-за этого задерживается пуск электронасоса?

Тут только я сообразил, что впал в ошибку, приняв слово «директик» за слово «электрик». Но исправлять ошибку я не стал и ответил, что, согласно приказу директора, я никому не имею права выдавать инструмент из котельной. Механик стал кипятиться ещё больше. Тогда я предложил ему взять ключ под его ответственность. Прошло ещё несколько минут, и ко мне прибыл новый посланец от Классона с требованием немедленно явиться к нему на при-

стань. Там, на пристани, происходила проба мощного центробежного электронасоса. Испытывали насос в присутствии технических представителей нефтепромышленных фирм, заинтересованных в замене отставшей паровой техники электродвигателями.

Классон встретил меня сурово.

— Вы знали, что ключ нужен был директору? — спросил он.

— Да, знал.

— Почему же вы не дали?

Я сослался на его приказ и на боязнь оставить котельную без ключа.

Классон, выслушав меня, обратился к Беккеру, заместителю Красина:

— Кто он такой?

Беккер ответил, что я состою старшим кочегаром котельного отделения станции.

— Старшим?— переспросил Классон. — Перевести его в низший разряд.

Я не согласился с его мерой взыскания и сказал, что он не прав.

Классон вспылил.

— Уволить этого умника! — резко бросил он.

Я вернулся в котельную и приступил к работе. Приближался вечер, нужно было давать пар для пуска второй машины. Я полез на котлы, чтобы прогреть паропровод. Вслед за мной взобрался туда и Векслер.

— Покиньте котельную, — сказал он.

Я отказался выполнить такое нелепое требование. Он продолжал настаивать на своём. Тогда я, в свою очередь, попросил не мешать мне и немедленно сойти вниз. Векслер удалился.

На следующий день рано утром, до начала очередного дежурства, я направился к Беккеру и рас-

сказал ему о дополнительном инциденте с Векслером. Беккер сказал, что я поступил правильно, отказавшись покинуть вахту до прихода сменного кочегара.

— Продолжайте работать, — заметил Беккер. — Вы имеете право до полного расчёта работать две недели.

Но вот две недели прошли, и Беккер на свой риск снова отсрочил моё увольнение до возвращения из отпуска Красина.

Однажды на станции появился Классон. Он побывал во всех отделах, зашёл в котельную, сделал какое-то незначительное замечание насчёт работы опреснительного котла и удалился. В тот же день Беккер получил от Классона письмо с запросом, на каком основании до сих пор не выполняется его личное распоряжение об увольнении кочегара Аллилуева.

Назавтра я стал уже безработным.

Моё увольнение совпало с глубоким кризисом в нефтяной промышленности. Устроиться в Баку без посторонней помощи было невозможно. Я с нетерпением ожидал возвращения из отпуска Красина, рассчитывая на его помощь. Кроме того, мне нужно было удержаться на станционной квартире, где я жил с семьёй. Наконец Красин вернулся. Узнав о моём увольнении, он переговорил с Классоном. Тот согласился дать мне рекомендательное письмо к управляющему промыслами известной в то время нефтепромышленной фирмы Ротшильда и К⁰, прожжённому дельцу Барскому.

Классон пользовался большой популярностью в деловых кругах нефтяной промышленности. Поэтому

Барский принял меня с напускной готовностью оказать содействие.

Пока Барский читал письмо Классона, раздался телефонный звонок. Из отдельных фраз и вопросов Барского я понял, что у какого-то владельца небольшого промысла со скудным техническим оборудованием начал действовать мощный фонтан, заполнивший все земляные ямы на площадке промысла. Других хранилищ у промышленника не имелось. Не было и технического оборудования для перекачки фонтанирующей нефти на нефтеналивные баржи, к берегу моря. Нефть растекалась по соседним промыслам, угрожая пожаром. Пожар мог привести к полному разорению счастливого обладателя промысла. Говоривший по телефону умолял Барского закупить у него всю нефть бьющего фонтана и спешно произвести откачку её в свои многочисленные хранилища, имеющиеся у крупнейшей и богатейшей в Баку нефтяной фирмы.

Барский терпеливо слушал злосчастного обладателя привалившего счастья, поздравлял с возможностью получения богатой прибыли, подавал ободряющие и успокоительные реплики. Затем стал говорить о том, что при всём желании помочь ему ничем не может. Барский ссылался на общий кризис, на отсутствие спроса на сырую нефть, на переполнение всех нефтехранилищ фирмы. Но его собеседник был настойчив. Наконец Барский снизошёл до «милости» и выразил согласие принять всю фонтанирующую нефть по три копейки за пуд. После долгого разговора, длившегося минут двадцать, сделка совершилась — Барский брал нефть по пяти копеек за пуд. Барский немедленно вызвал несколько человек и поручил им приступить к подготовке всех технических средств для перекачки закупленной нефти. Увидев письмо

Классона, он вспомнил обо мне и тоже начал было распространяться насчёт кризиса и об отсутствии свободных мест.

— Да ведь Классон предлагает обмен. Это отлично, отлично устраивает меня, — вдруг сказал он. Тут же он написал записку к инженеру Гальперину, заведующему промыслом на Биби-Эйбате, близ Баилова мыса.

Это меня весьма устраивало, потому что я продолжал ещё жить, с ведома Красина, в доме электростанции.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Наступил тысяча девятьсот второй год. Работая на промысле, я собственными глазами видел, как тяжела и безотрадна была жизнь рабочего-нефтяника. Всюду стояла грязь, воздух, пропитанный нефтяными парами, был удушлив. В городе нехватало пресной воды. Вода доставлялась в бочках из колодцев, находившихся в окрестностях Баку. Была она горьковато-солёная и часто вызывала желудочные заболевания. У акционерного общества Оппель был опреснитель морской воды. Но воды выпускалось мало, — плохо очищенной, с неприятным запахом и вкусом. От отсутствия хорошей воды страдали не только промысловые рабочие, но и всё пришлое городское население, непривычное к потреблению местной воды.

Жили рабочие в бараках, спали на грязных нарах, вповалку, прикрываясь своей верхней одеждой. В бараках для рабочих-персов сплошь да рядом не было даже нар, и люди спали прямо на земляном полу, на тростниковых цыновках.

Врачебная помощь была организована плохо. Больничные койки насчитывались единицами, медикамен-

тов нехватало. Общественных столовых не было, питаться приходилось в грязных персидских харчевнях и чайхане, вечно переполненных народом.

В Баку отсутствовал и мало-мальски сносный транспорт. В этом большом разбросанном городе существовала лишь конка. Заморённые клячи, часто падавшие от истощения или солнечного удара, черепашьей рысью тащили старые открытые вагоны. Случалось, что лошади останавливались, и кучер начинал хлестать их вожжами, свистеть. Но лошади упрямились и не шли. Тогда из вагона выскакивали пассажиры и с криком подталкивали вагоны. Лошади трогались, чтобы на следующем подъёме вновь остановиться.

Акционерное общество «Электросила», по инициативе Р. Э. Классона, вошло в городское самоуправление с предложением построить трамвай и связать электротягой все районы нефтепромысла с городом. Но «отцы» города отказались от этого предложения по тем мотивам, что на слишком узких улицах трамвай «может вызвать несчастные случаи». На самом деле отказ вызывался иными соображениями: большинство членов городского самоуправления состояло акционерами конки, дававшей им большие прибыли.

Обстановка благоприятствовала революционной деятельности, и Ладо Кецховели, — этот благородный рыцарь с огненным сердцем и острым орлиным взглядом, — пробуждал бакинский пролетариат, поднимал его на борьбу.

Бакинский комитет РСДРП, организованный с появлением Ладо Кецховели, во-всю развернул работу. На промыслах то и дело появлялись листовки, в окрестностях города постоянно происходили нелегальные собрания, на которых мы зачастую читали ленинскую «Искру», размножавшуюся в нашей типографии.

В первых числах февраля в организации возникла мысль об открытом выступлении в день Первого мая. Сначала вопрос этот обсуждался в комитете, затем в кружках.

Помню, на собрание организации Биби-Эйбатского района пришёл Ладо. Он рассказал о решении комитета, указал, как надо готовиться к маёвке, и предупредил о строжайшем соблюдении конспирации.

Собрание закончилось в полночь. Я возвращался домой вместе с Ладо. Ночь была тихая, в небе горели редкие звёзды. Задумчиво и проникновенно Ладо говорил полушопотом:

— Знаешь, генацвале, пройдёт два-три десятилетия, и нам не от кого будет скрываться. Мы сами станем хозяевами своей жизни. И собрания мы будем устраивать большие, многолюдные, в огромных светлых дворцах. Вот тогда будет хорошо!

На перекрёстке мы расстались с Ладо.

— Спокойной ночи, генацвале! — тепло сказал он. — Спокойной ночи...

Я вошёл в дом. Едва улёгся, как раздался стук.

— Кто?

— Откройте — полиция.

В ту же ночь я, по предписанию Тифлисского жандармского управления, был арестован. На следующий день меня отправили в Тифлис и прямо с вокзала доставили в Метехский замок.

Меня привлекли по делу группы социал-демократов, арестованных весной тысяча девятьсот первого года. Среди арестованных находились Виктор Курнатовский, Ипполит Франчески, Ной Жордания, Каллистрат Гогуа, Леонид Скорняков, Иван Лузин, Сильвестр Джибладзе, Севериан Джугели и другие. Мне предъявили обвинение в том, что я был связан с тифлисской социал-демократической организацией,

преследовавшей цель свержения существовавшего в России государственного строя. На этот раз допрашивал меня ротмистр Цысс, прикидывавшийся либеральным простаком. Он предъявил мне фотографии Курнатовского, Лузина, Джапаридзе, Франчески и ещё кого-то.

— Узнаёте? — спросил Цысс.

— Нет, я их не знаю.

— Зачем вы скрываете? — сказал Цысс. — Нам всё известно. Ваши товарищи во всём сознались. Вы только запутываете ясное дело и просидите лишние дни в одиночной камере.

Цысс продержал меня долго. Он усердствовал, взывал к моему благоразумию. Я всё отрицал. Допрос кончился. Меня вновь отвели в одиночку.

Однажды в конце марта я стоял у окна в камере. Шла весна. День был солнечный, тёплый. Я смотрел на Куру, — она попрежнему шумно и стремительно несла свои воды. Хорошо было на воле!

Вдруг раздался стук. Я подскочил к печке — стук шёл из верхней камеры. Открыл дверцу. Стучал Ипполит Франчески. Через трубу печки мне удалось начать с ним переговоры. Оказалось, что после годичного пребывания в одиночках всех товарищей перевели в общую камеру, находившуюся на третьем этаже, над моей камерой. Франчески сообщил, что все они в одиночках изголодались по людям.

— Сейчас мы наслаждаемся обществом, — говорил Франчески. — Прыгаем от радости, разговариваем, смеёмся.

И действительно, в первые дни в общей камере с утра до вечера царило оживление. Но со временем первая радость встречи прошла, и в общей камере с новой силой вспыхнули споры. Среди арестованных были люди различных взглядов. Совместное пребыва-

Революционный кружок рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских, руководимый С. Я. Аллилуевым. 1902 г.

Из дела Тифлисского жандармского управления на С. Я. Аллилуева.

ние в одной камере на время стёрло разногласия, сблизило людей. Но долго эта дружба не могла продолжаться.

Сторонники большинства «Месаме-даси» группировались вокруг Ноя Жордания, сторонники революционного меньшинства — вокруг Виктора Курнатовского. Между ними возникла дискуссия по принципиальным политическим вопросам. Спорили они настолько горячо, что в конце концов переругались между собой. Наступили общий разлад и утомление. В камере вдруг установилась полная тишина. На мой вызов никто не отвечал. Я почему-то решил, что товарищей наказали и перевели в карцер. Спал я в ту ночь плохо.

Рано утром я вновь услышал знакомый стук.

— Почему на мой вызов не отвечал?

— Грызёмся очень, сцепились, как быки на арене. Теперь сидим по разным углам, точно сычи в лесу, и дуемся друг на друга.

Так окончилась кратковременная мирная идиллия.

Однажды вечером сверху постучали. Стук был какой-то быстрый, нервный.

— Ипполит, ты?

— Нет, Лузин. Грустные вести... В Батуме большие события. Расстрелы, аресты. Среди арестованных Сосо.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В последних числах апреля я вновь был вызван на допрос. Цысс старался выжать из меня нужные ему показания. Он добивался признания в том, что я знаком с социал-демократами, бывал на нелегальных собраниях, замешан в революционной работе. Цысс доказывал, что, по имеющимся у него агентурным

сведениям, я был тесно связан с Курнатовским, Франчески и Джибладзе, вместе с ними участвовал в кружках и незаконных сходках.

Я упорно отрицал всё это. Не добившись желательных для него результатов, Цысс в конце мая распорядился освободить меня из-под стражи.

Когда я вышел из тюрьмы, товарищи из мастерских устроили мне встречу с Михо Бочоридзе. Михо, увидев меня, обрадовался.

— Ты мне и нужен, — приветливо сказал он. — Есть дело.

И он передал мне поручение тифлисского комитета РСДРП поступить слесарем по ремонту машин в типографию Грузинского товарищества.

— Сойдись ближе с работниками этой типографии, — говорил Бочоридзе, — и подготовь почву для снабжения нашей типографии материалами.

Тифлисский комитет в это время располагал небольшой типографией, созданной Сосо Джугашвили ещё до его отъезда в Батум. Типография сначала находилась в одном из районов Тифлиса — Нахаловке, затем она была недалеко от фуникулера и, наконец, опять в Нахаловке, на Лоткинской улице. Но типография нуждалась в материалах, и достать их комитет поручил мне.

Бывший народоволец Джабадари, глава типографии грузинского товарищества, спросил, где я работал, хороший ли я мастер, в совершенстве ли знаю слесарное дело. Я заверил его, что мастер я отменный и с любым делом справлюсь.

— Ну, хорошо, — сказал Джабадари. — Приступайте к работе в мастерской.

Вместе со мной в мастерскую типографии поступил и другой слесарь, Гиго Лелашвили, участник кружка Сосо в железнодорожных мастерских. Гиго

был моим помощником по ремонту машин; он же выносил все нужные материалы для подпольной типографии.

Наша работа в мастерской протекала вполне успешно. Мы хорошо ремонтировали машины, снискав любовь старого народовольца. С уважением относились к нам и рабочие-мастера, помогая делать кое-какие детали для нелегальной типографии.

Осенью нам с Гиго Лелашвили поручили достать для бакинской типографии шрифт на армянском языке. Достать большое количество такого шрифта мы не смогли. Надо было отливать новый шрифт в словолитне, имевшейся при типографии. Мастер словолитни Павле после долгих раздумий, наконец, отлил шрифт. Тогда у нас явилась мысль сделать клише портретов Маркса и Энгельса. Мы с Гиго пригласили мастера цинкографии немца Шелле в винный подвальчик. Там за жирным шашлыком и бутылкой вина он согласился помочь нам.

Получив, наконец, шрифт и клише, мы несказанно обрадовались. Но радость наша была преждевременной. Отвезти шрифт и клише в Баку Михо Бочоридзе поручил двум товарищам. На станции Тифлис ожидавшим посадки в вагоны товарищам показалось, что за ними следят. Поэтому, побросав хурджини — перемётные грузинские шерстяные мешки со шрифтом — они удрали.

Мы узнали об этом на следующее утро от Михо Бочоридзе. Весть эта повергла нас в уныние. Мы рассудили, что если мешки попадут в лапы жандармов, то они доберутся до типографии, где изготовлялись шрифт и клише. Это могло вызвать неприятные осложнения. Но нас выручила исключительная проницательность Гиго Лелашвили. Узнав, кому была поручена доставка материалов в Баку, он спросил:

— Следили ли за ними? Может быть, они попросту струсили?

Расследуя это происшествие, Гиго выяснил следующее: после отхода вечернего поезда в Баку мешки с грузом были обнаружены станционными сторожами. Они решили, что это забытый пассажирами ручной багаж, и сдали его в склад временного хранения забытых вещей. При содействии нашего товарища, Георгия Марсакова, ревизора паровозного депо, нам удалось груз выручить. Благодаря этому мы были спасены от провала. Товарищам по типографии, оказавшим нам помощь, мы об этом тревожном случае не сообщили, чтобы не пугать их.

В типографии Грузинского товарищества я работал до лета тысяча девятьсот третьего года. Летом было решено организовать в Тифлисе большую подпольную типографию, в которой можно было бы печатать партийную литературу. Михо Бочоридзе выбрал для постройки типографии пустырь на окраине города — Авлабаре. Заручившись разрешением тифлисской городской управы на строительство жилого дома, Михо приступил к постройке. Сначала весь участок был обнесён высоким забором, потом вырыли глубокую яму. Нанятые каменщики начали укладывать фундамент. Когда были уложены нижняя часть фундамента и стены, каменщикам неожиданно объявили, что хозяин обанкротился и строительство прекращается.

На постройке осталось лишь несколько человек своих. Выведенные каменщиками стены были покрыты каменным сводом. Образовался большой каменный подвал, в нём и разместили типографию. Затем в своде оставили небольшое отверстие, а весь свод засыпали толстым слоем земли. Над подвалом начали возводить двухэтажный дом. Когда строительство

дома было закончено, во дворе вырыли колодец, соединённый с подвалом. В колодец опустили две деревянные лестницы, прикрыли его балками и засыпали балки землёй. Недалеко от первого был вырыт второй колодец. Его соединили тоннелем с первым. Через этот колодец и надо было спускаться в типографию. Из первого колодца шёл тоннель во второй, а из второго по деревянной лестнице можно было добраться до типографии. Колодец окружили стенами и навесом — своеобразным сараем.

Имея в виду снабжение этой типографии шрифтом, тифлисская организация и устроила меня и Лелашвили в типографию Грузинского товарищества.

Авлабарская типография существовала до апреля тысяча девятьсот шестого года. В апреле в типографию нагрянула полиция с агентами охранки. Они осмотрели двор, жилые комнаты, но ничего не обнаружили. Перед уходом один из агентов увидел в бурьяне куски макулатуры. Он зажёг бумагу и бросил её в колодец. Бумага, пролетев некоторое расстояние, течением воздуха была затянута в сторону. Тогда полицейские спустили в колодец по канату пожарника, который в боковой стенке колодца нашёл подземный ход.

Так была обнаружена авлабарская типография.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Как-то, при встрече в конторе, Джабадари предупредил меня, чтобы я вёл себя осторожней. Я понял, что мне нужно покинуть не безопасное для себя место. Я подыскал заместителя и в июне оставил типографию.

Вскоре мне удалось поступить помощником масте-

ра в мастерскую строительства керосинопровода Баку — Батум. Мастерская находилась на станции Навтлуг, в девяти верстах от города. Но здесь мне не суждено было работать.

В Закавказье назревала всеобщая забастовка. В мастерских появились листовки с призывом присоединиться к стачке. Бригадир Грабовский и табельщик Шарапов, члены «Союза русского народа», насторожились.

В один из июльских дней я взял бюллетень и выехал в тифлисскую железнодорожную больницу, чтобы оперировать опухоль, образовавшуюся у правого соска. Старший врач Худадов направил меня в операционное отделение. Но меня там не приняли и предложили притти завтра. Остаток дня я использовал для встречи с товарищами.

В ту же ночь ко мне нагрянул наряд полиции, и меня арестовали. Оказалось, что Грабовский и Шарапов истолковали по-своему мой отъезд в Тифлис и донесли жандармерии, что я поехал туда для участия в организации забастовки.

И вот я снова, в третий раз, в Метехской тюрьме. Там я застал арестованного в Баку в сентябре тысяча девятьсот второго года Ладо Кецховели; в тюрьме попрежнему находились, ожидая высылки в Сибирь, Виктор Курнатовский, Ипполит Франчески, Сильвестр Джибладзе и другие.

Меня посадили в камеру, расположенную окнами во двор.

Однажды в конце июля я был свидетелем следующей сцены. Во время утренней прогулки группа уголовных напала на арестанта Демидова и нанесла ему раны. Демидов — бывший крупный чиновник, сидевший за подлог и взятки, — выполнял обязанности писаря в тюремной канцелярии. Уголовные часто обра-

щались к нему за различными справками и разъяснениями юридического характера. Он же писал уголовным письма и кассационные жалобы. Кто-то узнал о том, что Демидов выдаёт сокровенные тайны заключённых следственным властям. Это и явилось причиной расправы с ним.

Прошло некоторое время, и меня перевели в другую камеру — на третий этаж, окном к Куре. Прямо подо мною находилась камера Ладо Кецховели, а рядом со мною сидел в одиночке Вано Стуруа.

Оказавшись близко друг к другу, мы начали переговариваться. Я сообщил товарищам о случае с Демидовым. Ладо уже знал об этом.

Ладо удалось наладить связь с нелегальной организацией через одного уголовника, молодого парня, осуждённого в ссылку на каторгу. Уголовный работал в тюремной типографии и изредка через него Ладо получал литературу с воли. Через того же наборщика Ладо переправлял на волю и письма. Типография находилась в первом этаже политического корпуса, а печатный цех — прямо под камерой Кецховели.

Когда уголовный оставался в типографии до ночи, он подавал Ладо условный сигнал. Ладо спускал из своего окна нитку, уголовный привязывал к ней газету или письмо, адресованное Кецховели. Таким же способом отправлял свои письма и Ладо.

Ночью, накануне расправы с Демидовым, Ладо передал ему для отправки на волю письмо к одному из своих близких товарищей по работе в Баку. В письме, написанном по-грузински, он интересовался делами бакинской организации. Но уголовный, получив письмо, не смог в ту же ночь передать его по назначению и взял с собой в камеру. Утром произошла расправа с Демидовым; вслед за этим в тюрьме

начался повальный обыск. В камерах искали ножи. В это время тюремщики и обнаружили письмо Ладо.

Назавтра Ладо на наш вызов не отозвался. То же повторилось и на следующий день. Мы встревожились. Лишь позднее нам стало известно, что Ладо посажен в тёмный карцер на семь суток за то, что плюнул в лицо начальнику тюрьмы Милову и вытолкал его из камеры.

Вернувшись через неделю из карцера, Ладо сказал:

— Пришёл ко мне Милов, и я попросил вернуть письмо. Непростительная оплошность! А Милов что?.. Лишь усмехнулся.

О том, что он вытолкал Милова из камеры, Ладо не обмолвился ни одним словом.

Пребывание в карцере не сломило железной воли Ладо. Он не переставал бороться против тюремного режима, поднимал заключённых на забастовки и бунты. Тюремный режим трещал по всем швам. Дисциплина падала. Видя, что организатором протестов заключённых против каторжных условий тюрьмы является Ладо, тюремное начальство стало требовать перевода его в военную тюрьму, а пока лишило его прогулок, отобрало постель и книги.

Однажды утром Ладо запел «Марсельезу». Пел он громко, сильно, и заключённые один за другим подхватывали песнь. Тюремная администрация была в панике. Надзиратели бегали от камеры к камере и кричали:

— Замолчите! Немедленно замолчите!

Но песнь нарастала. Когда, наконец, она затихла, из камеры Ладо раздался грозный клич:

— Да здравствует социализм!

Тюремное начальство решило расправиться с не-

покорным революционером. Семнадцатого августа Ладо, как всегда, с утра начал перекличку. Он стоял на подоконнике, прижавшись вплотную к толстой железной решётке. Во весь голос переговаривался он с товарищами. В это время на противоположном берегу Куры появилось несколько крестьян-армян, приехавших разыскивать в тюрьме своих родственников и односельчан. Кецховели прекрасно знал армянский язык и стал громко переговариваться с крестьянами.

Я сидел в камере на подоконнике и хорошо видел всё.

Часовой наружной охраны, заметив Ладо в окне, свистнул. К нему быстро подошёл караульный начальник. Указав на винтовку, он что-то сказал. Часовой начал целиться.

Я, Вано Стуруа и ещё кто-то стали кричать Ладо, умоляя его сойти с подоконника. Раздался выстрел, и сразу наступила тишина, длившаяся несколько минут, а может быть, и секунд. Ладо замолк.

— Ладо! Ладо! — послышались со всех сторон голоса.

Но ответа не было. Тогда во всех камерах зашумели, заволновались. Негодующий гул охватил всю тюрьму.

— Ладо убит! — донеслось до моих ушей. Растерянный и потрясённый, метался я по камере. Я не находил себе места. Мне не хотелось верить, что Ладо уже нет в живых.

Через некоторое время в тюрьму прибыл полицмейстер Ковалёв. Он обошёл камеры, уверяя всех, что Кецховели только ранен и будет жив. Но прошёл день, и по тюрьме, от камеры к камере, разнеслась страшная весть: Ладо убит. Пуля пронзила его сердце, и смерть последовала мгновенно.

Так погиб один из лучших наших товарищей по революционной борьбе, славный сын грузинского народа, один из близких друзей и соратников Сосо. Погиб он в полном расцвете сил и энергии — двадцати семи лет от роду. Да будет вечная память ему!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Я просидел в тюрьме до сентября. Несколько раз вызывал меня на допрос жандармский ротмистр Рунич.

— Ну что, будете отвечать, или у вас попрежнему плохое настроение? — спрашивал он, пристально вглядываясь в меня.

Я смотрел ему прямо в глаза и на все его вопросы давал отрицательные ответы. Он добивался признания, что я участвовал в организации всеобщей забастовки в Тифлисе. Я упорно отрицал это.

В сентябре меня освободили из тюрьмы и предложили немедленно покинуть Тифлис.

Я выехал в Баку. Поработав некоторое время на нефтяных промыслах Сабунчи и Балаханы, я в ноябре перебрался в бакинское предместье — Чёрный город и там поступил слесарем на насосную станцию нефтеперегонного завода Манташева и К⁰.

В Чёрном городе я вновь встретил Прокофия Джапаридзе, работавшего под кличкой Алёша. Это был уже опытный партийный работник, блестящий организатор, снискавший любовь и уважение бакинского пролетариата. Здесь, в Баку, полностью развернулись его силы.

В раннем детстве Алёша лишился отца. Несмотря на голод и нужду, он упорно учился — сначала в сацхенисском училище, затем в тифлисском учительском

институте. В Тифлисе Алёша познакомился с Сосо Джугашвили, и его путь ясно определился. В дни забастовки рабочих тифлисских железнодорожных мастерских в девятисотом году Алёша был членом стачечного комитета, писал прокламации, устраивал собрания. В Метехском замке мы оказались тогда с ним вместе. После одиннадцатимесячного заточения он был выслан на родину.

Три года Алёша работал в Кутаисе. Совсем недавно он переехал в Баку. Но его уже успели здесь полюбить. В нём всегда ключом била энергия, своей революционной страстью он заражал всех. Алёша считался прекрасным оратором, его яркие речи были взволнованны и проникнуты большим чувством. Когда Алёша выступал, его чёрные глаза горели. Этот человек всегда был в порыве, в движении.

Бакинская организация в это время развернула огромную работу. Из центральной России и Тифлиса в Баку приехали опытные, знающие работники: В. А. Шелгунов, А. М. Стопани, Н. И. Соловьёв, Н. М. Флеров, И. Фиолетов, А. Вацек, Сильвестр Тодрия, Вано и Георгий Стуруа, Михаил Кучуев, Захарий Чодришвили, Яков Кочетков.

В типографии во-всю шла работа, прерванная на некоторое время арестом Ладо Кецховели. Теперь эта была уже большая типография, печатавшая в огромных тиражах партийную литературу. В типографии, как помнится, работали С. Тодрия, Вано и Георгий Стуруа, К. Джаши и другие. Наша типография имела постоянную связь с Лениным, находившимся тогда в Женеве, и с петербургской организацией. В Баку присылали для печатания листовки, брошюры. Почти все партийные организации в России снабжались литературой, отпечатанной в бакинской типографии. Рассылка книжной продукции пред-

ставляла трудную задачу. Но с ней прекрасно справлялся Вано Стуруа, ведавший экспедицией.

В девятьсот третьем году на втором партийном съезде произошёл раскол в социал-демократической партии. Помню, о съезде я узнал от Василия Андреевича Шелгунова, который лично знал Ленина. Василий Андреевич был человеком развитым, начитанным; чуть-чуть посмеиваясь, он спросил:

— Ну, Сергей, выбирай, за кем ты пойдёшь: за Лениным или за Мартовым?

— Мне и выбирать нечего, — ответил я. — Я давно за Лениным иду.

— Правильно, Сергей. Нам надо итти за Лениным.

В конце декабря 1903 года мне и Шелгунову поручили выехать в Тифлис и привезти оттуда барабан и другие части ручного печатного станка, изготовленного рабочими Закомолдиным, Золотарёвым и Федоренко. После тяжёлого, изнурительного труда в железнодорожных мастерских они, не отдыхая, делали станок в какой-то кустарной мастерской. Получив и спрятав на квартире моей тёщи станок, я направился к Михо Бочоридзе за шрифтом.

Михо дома не было. Меня встретила его тётка, Бабе Бочоридзе.

— Михо ушёл, — сказала она, — когда вернётся — не знаю: ничего не сказал.

— Михо скоро придёт, — услышал я вдруг мужской голос.

Я оглянулся. Из соседней комнаты к нам вышел молодой человек лет двадцати трёх-четырёх.

— Это наш, — указывая на меня, заметила Бабе.

— Наш? — повторил молодой человек, жестом приглашая меня пройти во вторую комнату.

Усадив меня за стол, молодой человек — это был Сосо Джугашвили — спросил:

— Ну, что хорошего? Рассказывай...

Сосо Джугашвили незадолго до этого бежал из Восточной Сибири, куда он был сослан на три года и где отбывал ссылку в селе Новая Уда, Балаганского уезда, Иркутской губернии. Пробыв всего несколько дней в ссылке, он пытался бежать, но у него не было тёплой одежды. Сосо в дороге обморозил лицо и уши и вынужден был прервать побег. Но мысль о побеге не покидала его. Пятого января побег был осуществлён.

Вскоре пришёл Михо, и мы разговорились. Коба — как теперь назывался Иосиф Джугашвили — принял самое горячее участие в нашей беседе. Он расспросил меня, какую машину мы достали, как упаковали её. Я сказал, что барабан уложили в зимбель — мягкую плетёную корзину для продуктов, а сверху прикрыли его провизией.

— Это хорошо, — одобрил Коба. — А как повезёте?

Я сказал, что сядем с Шелгуновым в один вагон.

— Не годится, товарищ. Один из вас пусть возьмёт барабан, другой — остальные части. Садитесь в разные вагоны, не общайтесь друг с другом.

— А шрифт, — после небольшой паузы продолжал он, — мы вам отправим спустя некоторое время с другим товарищем.

Потом, прощаясь, Коба пожелал мне с Шелгуновым счастливого пути и добавил:

— Привет славным бакинцам!

Едва Коба вернулся из ссылки, как снова весь ушёл в революционную работу. Он руководил авлабарской типографией, писал листовки и прокламации, выступал на конспиративных собраниях и многочисленных дискуссиях. Коба, решительно и бесповоротно поддержав Владимира Ильича в борьбе против Мар-

това и его единомышленников, наносил сокрушительные удары большинству «Месаме-даси», то есть кавказским меньшевикам. В многочисленных дискуссиях и спорах Коба был грозой меньшевиков и всех тех, кто мирился с ними. Ленин за границей, в эмиграции, Коба здесь, в Закавказье, делали одно общее дело — закладывали основы новой, большевистской партии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В конце мая меня вызвали в полицейское управление и объявили, что я, по постановлению наместника Кавказа Воронцова-Дашкова, высылаюсь из Баку с правом проживания в центральной России. Перед отъездом я навестил Шелгунова, с которым мы очень сдружились. Василий Андреевич лежал в больнице в Чёрном городе. У него заболел глаз, и его оперировали. После операции ему небрежно сделали перевязку, и теперь он находился на грани потери зрения. Скоро Василий Андреевич совсем перестал видеть.

В начале июня я выехал в Москву, а оттуда в Серпухов. Там я устроился на электростанцию фабрики Коншина слесарем по сборке новой паровой турбины.

Когда турбина была сдана в эксплоатацию, мне предложили остаться на станции младшим машинистом и обещали фабричную квартиру. Я написал жене, чтобы она выезжала в Серпухов. В августе жена телеграфировала, что она с детьми выехала. Я взял у заместителя механика записку и после работы отправился осматривать обещанную мне квартиру. Я вошёл в большой двухэтажный кирпичный дом. По обе стороны длинного грязного коридора были расположены комнаты, отгороженные друг от

друга перегородками, не доходившими до потолка. Двери и стены были побелены известью. В коридоре стоял невыносимо тяжёлый запах. Предназначенная для меня «квартира» оказалась угловой, очень грязной каморкой. В углах висела паутина. На стенах чернели пятна от раздавленных клопов. В щелях видны были клопиные выводки. Я стоял посреди комнаты, не зная, что делать. Из соседней каморки через перегородку на меня недоуменно смотрели две пары детских глаз.

Мне стало страшно вселять семью в эту вонючую дыру. Я покинул фабричный дом и где-то на окраине снял комнату с кухней.

В конце сентября, придя домой с работы, я встретил у себя гостей — акушерку с местной фабрики, Анну Ивановну Шолохову, и Сильвестра Тодрия. Тодрия работал в бакинской подпольной типографии. Как опытного техника и конспиратора закавказская организация направила его в центральную Россию, чтобы организовать в Москве или в её окрестностях типографию. Тодрия приехал в Москву, имея явку в Серпухов. Через акушерку, имевшую явочную квартиру, он разыскал меня.

Вместе с Сильвестром мы обошли несколько улиц города в поисках подходящего для типографии помещения. Наконец мы облюбовали небольшой отдельный флигель по Московской улице во дворе. Мы дали хозяину Квасникову задаток, и Сильвестр в тот же день уехал из Серпухова.

В октябре мне пришлось выехать в Москву. Я с семьёй поселился в районе Пресни, в доме Ротштейна по Волкову переулку. Жилось здесь очень туго. Постоянной работы я не имел. Лишь изредка я работал на строительстве новых домов по оборудованию парового отопления.

Так продолжалось до декабря. Наступила суровая зима с большими морозами. Прожив четырнадцать лет в Закавказье, я отвык от холода. В квартире температура тоже была низкая. Бегая по Москве в поисках работы, я простудил ноги: у меня появились острые ревматические боли, и я слёг в постель.

Несколько раз приходил ко мне Тодрия. Он сказал, что Серпухов признан неудачным местом для типографии и её решили создавать в Москве.

Во время последнего посещения перед отъездом из Москвы Тодрия поделился со мной своими сомнениями. Он сказал, что с некоторых пор стал замечать за собой слежку. Это очень обеспокоило Сильвестра, он опасался, как бы шпики не увязались за ним. Его опасения были не напрасны. Это видно из дневников наблюдения, обнаруженных в делах департамента полиции.

Вот эти дневники:

«Секретно

М. В. Д.

Начальник отделения
по охранению общественной
безопасности и порядка в Москве.
13 октября 1904 г.
№ 9094
г. Москва

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Представляя вашему превосходительству, что в июне месяце сего года в наблюдение по местному комитету российской социал-демократической рабочей партии, ликвидированному в ночь на 19 июня (донесение от 22 июня сего года за № 5943) был взят крестьянин Воронежской губернии, Новохопёрского уезда, Ярковской волости, Сергей Яковлев Аллилуев,

Главные мастерские Закавказских железных дорог в Тифлисе (ныне ремонтный завод им. И. В. Сталина). Здесь И. В. Сталин занимался с нелегальным рабочим кружком. 1899—1900 гг.

Тифлис. 1905 г.

С. Я. и О. Е. Аллилуевы с детьми. 1900-е годы.

33 [1] лет, кличка «Милый», который, будучи оставленным на свободе, в начале июля скрылся из Москвы и вновь взят в наблюдение в здешней столице лишь 1 сего октября.

По имеющимся агентурным сведениям, названный Аллилуев прибыл с Кавказа, где он будто бы работал в тайной типографии. По тем же указаниям, он имел сношения с арестованными: Николаем Бауманом, Иваном Александровым, Еленой Стасовой и другими представителями центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии, а также разыскиваемым Левиком Гальпериным. Наблюдением за Аллилуевым были констатированы неоднократные посещения им арестованной 1 июня Розалии-Зинаиды Иванович и дачи Тоболкина, по Царскому проезду, где в квартире дворянина Вячеслава Марцелиева Матусевича, происходили собрания членов московского комитета. В настоящее время Аллилуев вошёл в сношения с некоторыми членами московского комитета и намерен принять активное участие в намеченной комитетом технической деятельности, где он, как уже знакомый с техникой, явится, вероятно, одним из главных исполнителей.

3 сего октября Аллилуев выехал в г. Серпухов, откуда возвратился 5 октября с неизвестным евреем, коему дана кличка «Стеклянный». Последний, получив свои вещи из кладовой на Курском вокзале, в тот же день выехал в Смоленск, откуда вернулся 8 октября и в тот же день выехал по Нижегородской железной дороге на станцию «Дрезна», близ селения «Орехово-Зуево», отсюда он 9 октября выехал через Москву в Серпухов. В тот же день вернулся в здешнюю столицу и 10-го числа вновь выехал в Серпухов,

---

[1] Ошибка. Следует — 38. — *Ред.*

возвратившись откуда 11-го числа, он выехал в г. Смоленск, а из последнего города, через Харьков, в Баку.

В виду серьёзного значения названного Аллилуева и принимая во внимание, что поездка «Стеклянного» на юг может стоять в зависимости от предстоящей технической деятельности московского комитета, я признал необходимым установить за ним неотступное наблюдение, о результате коего, равно как и о результатах наблюдения за Аллилуевым, мной будет представлено дополнительно.

Подполковник (подпись!)»

ДНЕВНИК

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА НЕИЗВЕСТНЫМ, ПО КЛИЧКЕ «СТЕКЛЯННЫЙ», ЗА ВРЕМЯ С 5 ПО 11 ОКТЯБРЯ 1904 г.

Гор. Серпухов

5 октября

Наблюдаемый по московскому комитету российской социал-демократической рабочей партии, крестьянин Воронежской губернии Сергей Яковлев А л л и л у е в, 33 [1] лет (кличка «Милый»), проживающий в доме № 868, на углу Грязной и Кладбищенской улиц, в $10^1/_2$ часов утра явился домой с неизвестным господином еврейского типа, коему дана кличка «Стеклянный».

Через 5 мин. Аллилуев вышел из дома один и, посетив на $^1/_2$ часа проживающую при фабрике Рябова, по Фабричной улице, акушерку Анну Ивановну Ш о л о х о в у, вернулся домой. В 12 ч. 40 м. дня он вышел из дома с «Стеклянным» и начал ходить с ним по разным улицам, затем на Московской улице, у дома № 156, они остановились и, по-

[1] См. прим. ред. на стр. 113.

стояв минут 5, вернулись на Сенную площадь к дому Квасникова. Здесь они вызвали служанку, которая провела их во двор сказанного дома в пустой флигель, который они осматривали в течение 15 минут. Выйдя затем на Главную улицу, наблюдаемые расстались. «Стеклянный» пошёл на вокзал, а Аллилуев зашёл в мясную лавку владельца названного дома и разговаривал с ним в течение 15 минут, затем дал ему денег, видимо, задаток, и вернулся домой.

В 2 ч. 20 м. дня Аллилуев вышел из дома и был проведён на вокзал, где он встретил ожидавшего его «Стеклянного». Дав последнему денег, Аллилуев ушёл на платформу. «Стеклянный» же взял два билета — один прямого сообщения до Смоленска и другой до Москвы. С поездом № 14, отходящим в $4^1/_2$ часа, наблюдаемые выехали в Москву, по прибытии куда «Стеклянный» получил на вокзале из кладовой бывшие на хранении вещи, состоявшие из постельной принадлежности и белого ручного парусинового чемодана, с которым сел на извозчика. Аллилуев же пошёл за ним в некотором расстоянии, наблюдая ехавших сзади. Затем догнал «Стеклянного» и сел к нему в пролётку. Доехав до Тверской улицы, наблюдаемые простились, причём «Стеклянный» передал Аллилуеву свёрток трубкой 6 вершков длиной и 1 вершок в диаметре и на том же извозчике поехал на Брестский вокзал, откуда с поездом № 5 выехал в город Смоленск.

Приметы «Стеклянного»: брюнет, ниже среднего роста, лет 27—29, имеет небольшую коротко остриженную бороду, одет в чёрную пушкинскую шляпу, чёрное пальто, чёрные брюки и чёрная трость.

6 октября

Прибыв в Смоленск в 9 ч. 20 м. утра и оставив бывшие при нём вещи на хранение у швейцара, «Стеклянный» трамваем поехал к мосту, пересекающему железную дорогу. Здесь он пересел в вагон, идущий к Покровской заставе, и, за невозможностью наблюдения, был временно оставлен, и затем, через 45 минут, встречен едущим в трамвае обратно и проведён на Большую Благовещенскую улицу. Оставив здесь вагон, наблюдаемый пешком вернулся обратно, перешёл мост через реку Днепр, сел в вагон трамвая, идущий по направлению к вокзалу, и был утерян. В 3 ч. 30 м. дня «Стеклянный» был взят в наблюдение на вокзале, где он дождался прихода товаро-пассажирского поезда, просмотрел приехавших с ним и отправился пешком в город, на Почтамтскую улицу, в дом Алёшинского, к доктору Хайкину по кличке «Почтовому» (это было в 5 час. дня, когда у доктора Хайкина приёмные часы). Через 10 мин. по приходе «Стеклянного» сюда же пришёл неизвестный господин, который через 15 минут удалился. Затем вышла жена Хайкина, которая, посетив книжный магазин Черняк, затем молочный магазин, пошла в магазин Зыкова и здесь была оставлена. «Стеклянный» у Хайкина пробыл два часа и отправился на Пушкинскую улицу, в гостиницу «Европа», где остановился на жительство.

7 октября

«Стеклянный» в $10^1/_2$ часов утра вышел из гостиницы «Европа» и был проведён на вокзал, где пробыл до 12 часов дня, затем вынул из хранившегося на вокзале чемодана бельё и вернулся

в упомянутую гостиницу, причём по дороге купил в галантерейном магазине манишку. В 5-м часу наблюдаемый вышел из гостиницы со свёртком в газетной бумаге (видимо, грязное бельё), который отнёс на вокзал и спрятал в своём чемодане. Дождавшись затем почтового поезда из Варшавы, «Стеклянный» выехал из Смоленска, взял билет прямого сообщения до станции «Дрезна» Нижегородской железной дороги.

8 октября

Прибыв в Москву в 10 час. утра, «Стеклянный» до 1 ч. дня оставался на Брестском вокзале, затем с передаточным поездом поехал на Нижегородский вокзал и с почтовым поездом выехал отсюда до станции «Дрезна». Здесь он был встречен служащим на одной из находящихся близ поименованной станции фабрик, инженер-технологом Германом Борисовичем Красиным, 32 лет, по кличке «Мещанский», и они отправились по направлению к фабрике Зимина, находящейся невдалеке от станции «Дрезна».

9 октября

В $6^1/_2$ час. утра «Стеклянный» был замечен шедшим на станцию «Дрезна», по направлению от фабрики Зимина. Взяв билет до Серпухова, наблюдаемый со скорым поездом выехал в Москву. Здесь он дождался скорого поезда по Курской железной дороге, отходящего в 10 часов 10 минут дня, и выехал с ним в г. Серпухов, по прибытии куда, с вокзала, на извозчике, поехал в дом № 868 на углу Грязной и Кладбищенской улиц,

к Аллилуеву — «Милому». В самый дом он, однако, не входил и лишь, спросив что-то у прислуги, поехал на Рябовскую мануфактурную фабрику во дворе, в квартиру, занимаемую акушеркой Анной Шолоховой. Через 40 мин. он вышел с фабрики и на извозчике поехал на вокзал, откуда выехал обратно в Москву, по прибытии куда, прямо с вокзала, на извозчике же, отправился в д. Яковлева по Щемиловскому пер. (?). Через 5 минут «Стеклянный» вышел из этого дома и был проведён в трактир на углу Пименовской ул. и Косого переулка, по выходе откуда через 1 час, на Садовой улице, был утерян.

10 октября

В $8^1/_2$ часов утра «Стеклянный» вышел из д. Яковлева, по Щемиловскому переулку (?) и на извозчике поехал в д. Рахштейн, по Волкову пер., к Аллилуеву — «Милому», который явился сюда через 20 мин. по приходе наблюдаемого, имея при себе кадку для воды и трубу от самовара. «Стеклянный» пробыл у Аллилуева всего два часа и отправился на Тверскую, в книжный магазин Петрова, где купил книгу, затем отправился на Курский вокзал и с поездом в 3 ч. 15 м. дня выехал в г. Серпухов. По прибытии сюда он был утерян, а в 11 ч. 15 м. вечера приехал в Москву, имея при себе небольшой узел, завязанный в белый платок. Дождавшись на вокзале товаро-пассажирского поезда, отходящего по Нижегородской железной дороге, наблюдаемый выехал с ним на станцию «Дрезна», по выходе здесь из вагона отправился по направлению к фабрике Зимина и был оставлен наблюдением.

11 октября

«Стеклянный» в 6 час. вечера приезжал в Москву по Нижегородской железной дороге, причём узла, с которым он выехал 10 октября на станцию «Дрезна», с ним уже не было. Взяв извозчика, наблюдаемый с вокзала поехал на Садовую улицу и здесь был утерян, а в 11 час. вечера явился на Брестский вокзал и выехал в г. Смоленск в сопровождении наблюдения.

Начальник отделения, подполковник (подпись)

Кто же такой «Стеклянный»? На этот вопрос отвечает следующий документ:

«Секретно

НАЧ. МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ

23 декабря
1904 г.
№ 14934

По имеющимся в Д. П. сведениям, известный В. В. наблюдаемый под кличкой «Стеклянный» оказался крестьянином Сильвестром Иосифовым Тодрия.

11 минувшего ноября названный Тодрия прибыл из Смоленска в Киев, где виделся с сотрудником газеты Михаилом Петровым Козеренко (известный социал-демократ), затем проехал в Новороссийск и Батум, откуда направился в Тифлис, в котором имел свидание с наборщиком типографии «Труд», и 22 ноября выехал в Баку, где был утерян наблюдением, причём оставленные на станции Баладжары вещи Тодрия были доставлены мальчиком, продавцом газет, в один из бакинских духанов, помещающийся на Каспийской улице, в доме № 44.

Сообщая об изложенном для сведения и соображений при наблюдении за Тодрия («Стеклянным»), на случай появления его в Москве, Д. П. препровождает при сем В. В. копию донесения заведывающего охранным пунктом в г. Батуме от 30 ноября с. г. за № 450, в коем помещена характеристика личности Тодрия».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Моя безработица затянулась. Положение семьи становилось всё более и более критическим. Тогда-то член организации Софья Липинская предложила мне с женой поселиться по Владимиро-Долгоруковской улице, в доме Егорова, в квартире, занятой группой студентов, столовавшихся на коммунальных началах. Моя жена, Ольга Евгеньевна, согласилась взять на себя роль хозяйки. Мы поспешили перебраться на Долгоруковскую улицу и с пятого января уже числились жильцами дома Егорова.

Наступило воскресенье девятого января. В этот день рабочие Питера, спровоцированные попом Гапоном, вместе с жёнами и детьми, с иконами в руках, направились к царю. Царь встретил мирное шествие огнём и свинцом.

Страшная весть о кровавой расправе царя с рабочими, их жёнами и детьми вызвала повсеместное глубокое возмущение. По всей стране поднялась могучая волна грозного протеста. На заводах и фабриках Москвы начались забастовки.

Вечером десятого января у меня в квартире состоялось небольшое собрание бутырского районного актива социал-демократической организации. Обсуждался вопрос о выпуске и распространении прокла-

маций, посвящённых кровавым событиям в Питере. Собрание поручило мне подыскать кого-нибудь из сочувствующих нам жильцов, чтобы принять на некоторое время прокламации и затем передать их по назначению. С помощью Софьи Липинской я договорился со студентами, мужем и женой Блюм, жившими в нашем доме, в том же подъезде, где и я. Они согласились по условленному паролю принять листовки. Доставка листовок была поручена рабочему Сергею Александровичу Чукаеву. Его предупредили, чтобы он ни в коем случае не заходил в мою квартиру.

На следующий день по делу организации выехала в Тулу моя жена, Ольга Евгеньевна. А ночью ко мне нагрянул наряд полиции во главе с помощником пристава и жандармским ротмистром. Повидимому, они ожидали сопротивления, потому что, когда я на стук открыл дверь, в квартиру ворвались два дюжих дворника, которые схватили меня. Лишь после этого вошли городовые, а вслед за ними — помощник пристава, жандармский ротмистр и кто-то в штатском из охранки. Убедившись, что я не собираюсь оказывать сопротивления, жандармский ротмистр приказал дворникам отпустить меня.

Обыск, продолжавшийся до утра, ничего не дал, — только и обнаружили они две старые прокламации, оказавшиеся на кухне, в кармане жакета жены.

Жандармский ротмистр объявил мне, что, независимо от результата обыска, я буду взят под стражу, согласно постановлению исполняющего должность московского градоначальника генерал-майора Руднева.

В этом постановлении сказано следующее:

«1905 года января 12 дня, я, и. д. Московского градоначальника, генерал-майор Руднев, прини-

мая во внимание имеющиеся в Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве сведения о крестьянине Воронежской губ., Ярковской вол., Сергее Яковлеве Аллилуеве и руководствуясь ст. 21 положения о государственной охране, высочайше утверждённого в 14 день августа 1881 года, постановил: означенного Аллилуева, впредь до разъяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Пречистенском полицейском доме с содержанием, согласно ст. 1043 Уст. Угол. Судопр., в отдельном помещении. Настоящее постановление, на основании 431 ст. того же Устава, объявить арестованному, а копию с постановления препроводить Прокурору Московской Судебной Палаты и в место заключения задержанного.

Генерал-майор (подпись).
Настоящее постановление мне объявлено:
Сергей Аллилуев»

Положение моё было не из лёгких. Я был уверен, что они не ограничатся моим арестом, а оставят в квартире засаду. Жена должна была вернуться из Тулы с уличающим нас обоих материалом. Как быть? Я решил использовать своих детей, спавших в маленькой комнате. Как только я вошёл в их комнату, дети проснулись. Я успел сообщить старшей дочке, Нюре, что необходимо предупредить мать, потому что мне и ей угрожает опасность. Дети — их было четверо — прижались ко мне, чуя недоброе. Младшая, Надя, вскочила ко мне на руки, обвила ручонками мою шею.

Я заявил полицейским, что не уйду из этой комнаты, до тех пор, пока кто-нибудь из детей не будет отпущен к нашей близкой знакомой, Софье Липинской, и я не узнаю, что она возьмёт моих детей на

своё попечение. Они сначала было не соглашались, но я настаивал на своём. Дети ещё крепче прижались ко мне, дрожа от волнения и холода, — они все были в одном белье. Жандармский ротмистр куда-то уходил звонить по телефону. Вернувшись, он отпустил старшую дочку. Я не сомневался в том, что о детях позаботятся, но мне важно было предупредить своевременно жену, — Липинская знала, куда она выехала. Вскоре дочь вернулась, по её лицу я догадался, что всё будет сделано.

Впоследствии мне стало известно об оставленной в квартире полицейской засаде. Как было условлено, рано утром тринадцатого января Чукаев принёс только что отпечатанные прокламации в условное место, к Блюм. Но их не оказалось дома. Узнав о моём аресте, они, повидимому, струсили и куда-то ушли. Чукаев с кипой прокламаций под пальто, прождав их некоторое время, не решился итти обратно, опасаясь навлечь на себя внимание неестественной полнотой. Тогда он рискнул подняться ко мне, где и был схвачен оставшимися в квартире охранниками.

Во время моего первого допроса в жандармском управлении мне предъявили обвинение в принадлежности к нелегальной организации в связи с делом о подпольной типографии. В качестве вещественного доказательства мне указали на объёмистую пачку листовок, отобранных у Чукаева при его аресте в моей квартире. По заявлению жандармского ротмистра, Чукаев будто бы показал, что листовки кто-то ему вручил и попросил передать лично мне.

На это я ответил, что бывали случаи и похуже: у некоторых людей после ареста и увода их в тюрьму изобретательные агенты сыска, чтобы отличиться, находили и более серьёзные вещественные доказательства, уличающие арестованного. Такой фокус, по

моему мнению, произошёл и сейчас. Я заявил, что ни в какой нелегальной организации я не участвовал, связи с подпольной типографией тем более не имел, фамилию Чукаева слышу впервые, листовок ни от кого не ожидал. В результате допроса был составлен следующий протокол:

«1905 г. февраля 16 дня в Москве, я, отдельн. корп. жандармов подполковник Бабчинский, на основании 1035 статьи Устава угол. суд., в присутствии тов. прокурора моск. окружн. суда С. Е. Виссарионова, с соблюдением 403 ст. того же устава, допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, который показал:

1. Зовут меня (фамилия, имя, отчество, замужние упоминают первоначальную свою фамилию) Сергей Яковлев Аллилуев.

2. От роду имею 39; родился в 1866 г. сентября 25 дня, в Воронежской губ., Новохопёрского уезда, Ярковской вол., села Раменье.

3. Вероисповедание: православного.

4. Происхождение: крестьянское, дер. Раменье.

5. Народность: великоросс.

6. Подданство: русского.

7. Звание: крестьян.

8. Место постоянного жительства: г. Москва, Владимиро-Долгоруковская ул., д. Егорова.

9. Место приписки к сословию: с. Раменское.

10. Место приписки в отношении воинской повинности: Новохопёрское по воинск. повин. Присутствие; в 1889 г. призывался и зачислен в ратники ополчения 2 разряда.

11. Занятие или ремесло: слесарь и машинист.

12. Средства к жизни: заработок личный.

13. Семейное положение (имя и отчество жены

или мужа, имена детей, возраст, занятие и место жительства их): женат на тифлисск. гражд. Ольге Евгеньевой Федоренко 27 лет; проживает со мной; дети: Павел, Фёдор, Анна и Надежда — малолетние.

14. Родственные связи (родители, братья, сёстры, имена и отчества их, возраст, место постоянного жительства их и занятие): братья: Михаил 42 г., на ст. Урюпино, Обл. Войска Донского, приказчик; Павел — 35 лет, в Борисоглебске, Тамбовской губ., портной; сестра Мария, по мужу Харина, в Борисоглебске; муж — столяр.

15. Место постоянного жительства родителей или заменяющих лиц . . . . . .

16. Экономическое положение родителей . .

17. Место воспитания и на чей счёт воспитывался, название учебных заведений, год поступления и окончания их: домашнее . . . . . .

18. . . . . , . . .

19. Был ли за границей, где, когда и с какой целью: не был.

20. Привлекался ли к дознанию или следствию по делам о преступных деяниях государственных; если привлекался, то когда, где, по какому делу и чем таковое закончилось: Привлекался в 1900 г. при Тифлисском губ. жанд. упр. за участие в стачке на железной дороге, дело прекращено; в 1902 г. — также по обвинению в тайном сообществе; в 1903 г. там же был задержан, но обвинение не предъявлялось. Воспрещено жительство на Кавказе.

21. Был ли под судом или следствием по делам общеуголовного характера: не был.

На предложенные мне вопросы отвечаю: я не признаю себя виновным в участии в сообществе, заведомо поставившем своей целью деятельность ниспровержения в России существующего строя. Ни-

какого Чукаева я не знаю и никогда никаких прокламаций я не ожидал от кого бы то ни было получить. В октябре 1904 г. я приехал из Серпухова в Москву приискивать работу, но никакого знакомства с рабочими я в Москве не имел. У меня жил на хлебах аптекарский помощник Цхомелидзе, но бывал ли у него кто-нибудь, я не видел, найденные в кофточке жены моей прокламации предъявлены мне чинами полиции при обыске, но раньше я их не видел и откуда они попали к нам в квартиру, я не знаю.

Сергей Яковлевич Аллилуев
Подполковник Бабчинский
Товарищ прокурора С. Виссарионов».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Со дня моего ареста прошло почти полтора месяца, а я не имел никаких сведений о жене и детях. О том же, что происходило на воле, мы были осведомлены через вновь арестованных товарищей, прибывших в арестный дом. У всех заключённых было приподнятое и бодрое настроение. В эти дни к нам дошла весть о том, что Каляевым убит московский генерал-губернатор, обер-палач, великий князь Сергей — дядя царя Николая Романова. Узнали мы также о покушении на другого палача, генерала Трепова. Об этом нам сказал сам покушавшийся, юноша-гимназист, стрелявший в Трепова за его приказ войскам: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Фамилию юноши, сидевшего несколько дней в одной из одиночек арестного дома, я забыл. Не помню и других товарищей по заключению, ни их фамилий, ни имён. Лишь вспоминается одна фамилия — Пет-

рова, брата писателя Скитальца. Да и то потому, что он, будучи учеником певческой капеллы, продолжал и в тюрьме тренировать свой голос, повторяя одну и ту же гамму десяток раз. Этим Петров вызвал подозрение у коридорного надзирателя, сообщившего властям о том, что один из арестованных совершенно рехнулся и всё время гакает: га, га, га!

Однажды в последних числах февраля надзиратель сообщил мне, что на свидание пришла моя жена с детьми. Больше часа ожидал я вызова, затем стал беспокоиться. В четыре часа явился тот же надзиратель и объявил, что моё свидание с женой и детьми не состоится, потому что жандармский ротмистр, присутствие которого при свидании необходимо, отсутствует.

— Почему он не явился?

Надзиратель, улыбаясь, ответил:

— Сегодня ведь пятница, последние дни масляной недели. Ну, их благородие, как это водится, покушали сытно блинков по-московски — с икоркой и сёмгушкой, выпили рюмку-другую, — поэтому сладко заснули.

Меня такое спокойное философское рассуждение надзирателя взбесило, и я раздражённо крикнул:

— Тогда я разбужу его, сладко уснувшего!

Надзиратель, успокаивая меня, сказал, что попусту горячиться не надо, а жену и детей можно увидеть через форточку окна камеры, — они скоро пройдут по двору, от конторы к выходной калитке. Тогда я взобрался на подоконник и действительно увидел понуро шедших жену и детей.

Я окликнул их, а они в ответ радостно замахали руками. Жена крикнула, что они ждали с двенадцати часов дня и больше ждать не в состоянии.

Я схватил в ярости табурет и побил все стёкла

окна. Поднялся переполох, товарищи по заключению стучали во все двери камер, требуя начальника, чтобы выяснить причину моего поведения.

Вскоре явился начальник. Он стал кричать на меня, грозить. Я лёг на койку, чтобы немного успокоиться. Я был зол, и вид мой не предвещал, повидимому, ничего хорошего. Начальник осмотрел окно. Убедившись, что многие стёкла побиты, не сказав больше ни слова, начальник ушёл.

Товарищи продолжали волноваться, сгорая от желания скорее выяснить причины моего возбуждения. Вскоре, оправившись от волнения, я через форточку передал им, что произошло. Тогда они вторично вызвали начальника и потребовали от него перевода меня в другую камеру, ибо в моей можно было простудиться. После долгих препирательств меня на ночь перевели в другую камеру. Утром явился прокурор. Остановившись в дверях камеры, он сказал:

— Я сожалею, что у вас не состоялось свидание с родными. Жаль, очень жаль! Однако я должен вам напомнить, что вы находитесь в российской тюрьме и не имеете права совершать необдуманные поступки. За битьё стёкол, за скандал вы будете отвечать по всей строгости закона.

Я ответил ему, что меня спровоцировали на такой необдуманный поступок жандармские власти, заставившие мою семью напрасно прождать в тюрьме целый день.

— Вам следует знать, — отчётливо произнёс прокурор, — что отдельное лицо ещё не является властью и отвечает за свои поступки само. Да, само... — повторил прокурор. Потом, уходя, добавил: — Я думаю, что тюремная администрация исправит ошибку ротмистра и предоставит вам возможность повидаться с семьёй.

Ольга Евгеньевна Аллилуева. 1905 г.

О. Е. Аллилуева с детьми Павлом, Федором, Надеждой, Анной. 1904 г.

Действительно, назавтра мне дали свидание с женой и детьми.

В марте меня выслали под гласный надзор полиции в Ростов-на-Дону. Прибыв туда, я, нигде не отметившись, сразу же решил вернуться в Москву.

В Москве я застал семью в плачевном состоянии. От жены я узнал, что её арестовали на вокзале, когда она возвращалась из Тулы. Предупреждённая телеграммой Липинской, она не захватила патронов, и потому жандармам не удалось доказать её вину. Сейчас, с двумя старшими детьми, она проживала у Софьи Липинской, на Малой Дмитровке. Младших приютили другие. Старшие рассказали, что какие-то незнакомые дяди угостили их конфетами и расспрашивали о том, где находится папа. Они ответили, что я в Ростове. Тогда дяди высказали предположение, не вернулся ли папа в Москву. Старший сын, Павел, наученный небольшим, но горьким опытом, ответил, что ему ничего неизвестно об этом.

В апреле я выехал в Баку. С помощью Марии Андреевны Васильевой, местной фельдшерицы, члена организации, мне удалось получить от уездного начальника полицейской стражи временное свидетельство на свободное проживание в районе пригорода. Это дало мне возможность устроиться на Баиловской электростанции помощником электромонтёра по обслуживанию электромоторов на нефтяных промыслах Биби-Эйбата.

Широкое стачечное движение разгорелось в Закавказьи. Тут и там вспыхивали забастовки, охватывавшие даже самых отсталых рабочих всех национальностей.

Нефтяные короли встревожились. На помощь им поспешило правительство, прибегавшее в подобных случаях к излюбленному и уже испытанному сред-

ству: к разжиганию религиозной и национальной вражды. Правительство при активном участии черносотенных бакинских чиновников всех ведомств и рангов, городской и уездной полиции вооружило банды погромщиков из членов «Союза русского народа».

Сначала эти банды приступили к стравливанию детей армян и тюрок. Дети увечили друг друга, из-за этого происходили бурные ссоры между взрослыми. Черносотенные банды убивали из-за угла армян и тюрок, поджигали дома. Искусственно разжигая национальную вражду, правительство добилось желанной цели. В августе между армянами и тюрками произошла жестокая резня.

В городе раздавались выстрелы, повсюду грабили армянские магазины, разоряли квартиры. По тротуарам и на мостовых валялись трупы. Истекая кровью, стонали раненые. В некоторых местах можно было заметить солдат и городовых, спокойно наблюдавших за резнёй.

Черносотенные банды, поощряемые властями, поджигали заводы и нефтяные вышки, распространяя дикие слухи о том, что поджоги будто бы производят рабочие-забастовщики. Под благовидным предлогом «борьбы с поджигателями» бандиты и убийцы охотились за многими нашими видными партийными работниками.

Бакинская организация РСДРП нашла необходимым призвать всех рабочих города ко всеобщей политической забастовке. Обычная деловая жизнь замерла.

Все жили в каком-то аду. Пожар на промыслах принимал всё более угрожающий характер. Вокруг нас бушевала стихия — грандиозное, свирепое и неукротимое пламя. Кругом были смерть и разрушение.

Спасаясь от нападения погромщиков, несколько армянских семей с детьми перебрались на территорию электростанции. Нам — небольшой группе: Ивану Назарову, Михаилу Мельникову и мне — пришлось преодолеть упорное противодействие со стороны большинства служащих, живших в станционных квартирах. Местная группа меньшевиков и эсеров боялась ночного нападения черносотенцев на станцию в связи с пребыванием у нас армян-беженцев. Опасность нападения не была исключена, и поэтому мы на всякий случай запаслись оружием.

Вспоминается любопытный эпизод. Один армянин-беженец принёс с собой две шарообразные пистонные бомбы. Я спрятал их в одном из ящиков общего ледника. Бомбы заключены были в цилиндрические жестяные коробки с крышками. Дворник, производя обычную уборку, почему-то заглянул в ледник и обнаружил подозрительные коробки. Открыв одну коробку, он увидел что-то круглое с шипами. Он сейчас же сообщил об этом заведующему хозяйством, десятнику, социал-демократу Козлову. Тот явился на место и сразу сообразил, в чём дело.

— Надо немедленно выбросить эти коробки в море, — сказал Козлов, — иначе тебя засудят, если узнают, что ты допустил такое безобразие.

Дворник струсил и поспешил выполнить приказание Козлова. Взяв коробки, они оба отправились на пристань. Дворник шёл впереди, неся с большой предосторожностью коробки; Козлов, следуя за ним, обдумывал, как бы спасти хоть одну бомбу. Он поднял попавшийся ему по дороге камень и спрятал его в карман. Когда они приблизились к пристани, Козлов взял одну бомбу из рук дворника и сказал ему:

— Пойдём к морю и утопим их.

Дворник шёл не оглядываясь. Подойдя к морю,

он бросил в воду неприятную ношу. Козлов же бросил в воду камень, а бомбу спрятал в карман.

— Ну, иди, — сказал Козлов дворнику, когда они были возле купальни, — смотри, не болтай, а то беда будет.

Когда дворник ушёл, Козлов спрятал бомбу за карниз купальни, а затем нашёл меня и предупредил о случившемся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

В конце августа на Набережной улице я встретил М. И. Бакрадзе — «Варлама». Он сообщил, что Алёша Джапаридзе, его жена Варо и ещё три товарища находятся в опасности.

— Дом, в котором они поселились, — сказал он, — намечен тюрками и черносотенцами к разгрому. Кто-то сообщил, что они армяне и на них со дня на день могут напасть.

— Надо им перебраться на Баилов мыс, — сказал я. — Ждите меня дома, утром я приду за вами.

На рассвете следующего дня мы вдвоём с женой электромонтёра Назарова, Дуней Назаровой, отправились на разведку. На набережной не было ни души. На углу Николаевской улицы и Губернаторского сада мы встретили двух патрульных русских солдат, к которым обратились с просьбой помочь нам вывести из района враждующих между собой армян и тюрок группу товарищей-грузин. Солдаты долго колебались, но, наконец, согласились.

Мы подоспели во-время; ночью дом был обстрелян черносотенцами. Нашему приходу товарищи сильно обрадовались и сейчас же начали спешно собираться.

При выходе из дома мы встретили телегу с по-

койником. Рядом шла плачущая русская женщина. Увидев нас, она, всхлипывая, рассказала о том, как её муж был убит при перестрелке между враждующими сторонами, и о своём безысходном горе — у неё осталось трое малолетних ребят. Эта встреча произвела на всех удручающее впечатление, а один из солдат вдруг выругался и сказал:

— Идите сами — я не пойду!

Мы двинулись в опасный путь с одним солдатом. До Баилова мыса мы добрались благополучно, но нам пришлось пережить несколько жутких, тяжёлых минут.

Трижды нас останавливали черносотенцы, готовые растерзать товарищей.

— Армяне? — с горящими от злобы глазами спросил высокий детина. — Ребята, армяне! — крикнул он группе людей, стоявших в стороне.

Те сразу подскочили к нам.

— Проходите, проходите! — грозно сказал солдат. — Нет здесь армян!

Черносотенцы не отставали. Детина, пристально вглядываясь в Бакрадзе, хотел было ударить его. Алёша Джапаридзе вдруг спокойно сказал:

— Ну, чего остановились? Идёмте! — и первый пошёл прямо на детину.

Тот от неожиданности вздрогнул. Мы последовали за Алёшей.

Несмотря на опасность, грозившую товарищам, Алёша был необыкновенно спокоен. Он шёл, высоко неся свою красивую голову. Солдат, проводивший нас до самого Баилова мыса, расставаясь, восхищенно сказал, указывая на Алёшу:

— Смелый грузин!

Между тем всеобщая забастовка продолжалась. В начале сентября, по ходатайству нефтепромышлен-

ников, градоначальник Шубинский разрешил провести общее собрание представителей промыслов и предприятий. На этом собрании должны были обсуждаться вопросы, связанные с ликвидацией забастовки. В это время в Баку приехал представитель центрального комитета партии, Мартын Лядов. Посоветовавшись с ним, мы решили использовать предполагавшееся собрание для того, чтобы выступить за продолжение забастовки.

Одиннадцатого сентября мы собрались на площади Биби-Эйбатских промыслов. Но к назначенному времени инициаторы собрания не явились. Тогда, обменявшись мнениями, мы решили провести свою социал-демократическую конференцию и заслушать доклад Лядова о положении в центральной России. По моему предложению, мы перебрались в пустующую квартиру на электрической станции.

Лядов сделал доклад, затем выступило несколько товарищей, и мы начали принимать резолюцию. Когда Лядов читал проект резолюции, нам сообщили, что по Баилову мысу к электростанции ускоренным маршем двигаются войсковые части. На конференции присутствовало около восьмидесяти человек, и незаметно разойтись не было никакой возможности: с одной стороны море, с другой — огромное, застилавшее небо пожарище, с третьей — войска, которые при паническом бегстве могли расстреливать нас, как куропаток.

Через несколько минут станция была окружена большим отрядом войск, а небольшая часть во главе с жандармами вошла во двор электростанции. Мартын Лядов и Алёша Джапаридзе, находившийся здесь же, призвали нас к спокойствию. Жандармы объявили, что все мы арестованы, и стали переписывать нас и тщательно обшаривать наши карманы.

Оружия ни у кого из нас не было, а компрометирующие материалы были уничтожены. Некоторым товарищам во время переписки и обыска удалось ускользнуть в квартиры, занятые служащими станции. Всех остальных в числе шестидесяти одного человека отправили под усиленным конвоем в Баиловскую тюрьму. Там нас не приняли, потому что тюрьма оказалась переполненной. Оттуда нас повели в город.

Наступила ночь. Сопровождавшие нас солдаты сильно нервничали. Боковая цепь держала ружья наперевес, направив в нашу сторону штыки. Нас водили по тюрьмам до самого утра. Все места заключения были переполнены, и нас нигде не принимали.

Утром, уставшие до изнеможения, мы вместе с солдатами расположились на площади у военного собора и уже мирно беседовали. Солдаты, смеясь, рассказали, как они сначала боялись, чтобы кто-нибудь из нас не пырнул в бок кинжалом или ножом.

— А бояться вас нечего, — говорили они. — Вы такие же, как мы.

Около полудня нас разместили в частном доме по Шемахинской улице. Устроились мы в полуподвале, в нескольких довольно чистых комнатах. На второй или третий день к нам явился жандармский ротмистр. Он стал вызывать нас по списку, составленному во время нашего ареста. Никто не отозвался. Ротмистр вскипел и, заявив, что он заставит говорить силой, уехал.

Вскоре он явился с отрядом казаков. Ротмистр пригрозил, что если мы попрежнему будем молчать, то он всех подвергнет жестокой экзекуции. Быть избитыми нам не хотелось, но и открывать, кто из нас Петров, а кто Иванов, мы тоже не могли: тогда сразу были бы обнаружены руководители — Алёша Джапаридзе, Мартын Лядов и другие. Мы попросили у

ротмистра разрешения посоветоваться и дать ответ через полчаса. На совещании все арестованные высказались за продолжение тактики молчания, чтобы не дать возможности выявить видных и активных деятелей бакинской организации.

К концу совещания я и Михаил Пантелеймонович Кирочкин предложили компромиссное решение. Мы изъявили согласие поехать в жандармское управление и подвергнуться допросу, так как нас обоих жандармы хорошо знали и нам не было смысла скрывать, кто мы. Собрание поддержало нас, наше предложение принял и ротмистр, и назревавший было инцидент, к общему удовольствию, был улажен. Сопровождаемые ротмистром и двумя жандармами, мы с Кирочкиным отправились на допрос. Казаки уехали.

Допрос происходил в присутствии прокурора. На вопрос, знаю ли я кого-нибудь из арестованных, я отвечать отказался. Кирочкин дал показания в том же духе. Продержав несколько часов в жандармском управлении, нас отправили в тюрьму-квартиру. Мы вновь оказались среди товарищей.

Начальником нашей временной тюрьмы был назначен бывший урядник Биби-Эйбатских нефтяных промыслов Валиев. Незадолго до этого он судился за какие-то художества уголовного характера и был освобождён из-под суда. Должность начальника арестного дома он получил за взятку, обещанную полицмейстеру Юзбашеву. Валиев жил в этом же доме, во втором этаже, сильно нуждался; его жена и ребёнок голодали. Я с Валиевым был «знаком» давно. В тысяча девятьсот втором году, во время моего ареста, он сопровождал меня до тюрьмы. Поэтому, когда он узнал меня, то счел нужным выразить свою радость по случаю встречи со старым знакомым.

Питались мы в тюрьме на коммунальных началах,

продуктами нас снабжали товарищи с воли. Хозяйство требовало опытного глаза, и товарищи избрали меня старостой.

Валиев стал заискивать передо мной. Однажды, отозвав меня в сторонку, он смущённо сказал:

— Семья моя голодает: нету денег. Разреши брать из вашей кухни хотя бы один обед для жены и ребёнка, а?

О том, что Валиев заигрывает со мною, я сообщил Лядову и Джапаридзе. У них возникла мысль использовать эту «дружбу» для того, чтобы заменить руководителей организации другими товарищами.

Как-то мы с Мартыном Лядовым решили разыграть роль «тёплых» ребят-собутыльников. При встрече с Валиевым я сказал, что недурно бы распить бутылочку-другую кахетинского вина.

— Да, не плохо, — осторожно подтвердил Валиев.

— Да нельзя этого..

— Отчего нельзя? Можно! Только чтоб тихо было, — сказал Валиев.

— Тихо-то и нельзя, негде. В общей камере не выпьешь, — лучше не дразнить гусей.

Валиев прищурил левый глаз, что-то соображая. Потом шопотом произнёс:

— А вы ко мне идите. Там никто не увидит.

— Можно? — обрадованно воскликнули мы с Лядовым. — Это хорошо!

В тот же день вечером мы с Мартыном сидели в квартире Валиева за бутылкой красного вина и мирно беседовали с тюремщиком и его женой о разных житейских невзгодах, о трудностях жизни. Жена его, невысокая женщина с живыми тёмными глазами, жаловалась на свою судьбу и бедственное положение. Вино действовало, и вскоре она развязала язык. Она

сказала, что они должны триста рублей полицмейстеру за предоставление места мужу:

— Спасибо вам, вы нас подкармливаете. Иначе — сдыхать бы нам с голоду!..

Мы учли это и начали действовать. Мартын сообщил на волю товарищам, что возможна коммерческая сделка с тюремщиком. А через несколько дней мы вновь посетили Валиева. Он разыгрывал простака. Мартын, в свою очередь, врал ему, что приехал в Баку по торговым делам и попал случайно, как кур во щи, а ему необходимо скорее вернуться обратно в Москву, иначе он понесёт большие убытки. Валиев уверял его, что он готов всей душой помочь хорошим людям и пожертвовать собой, но у него семья. Уходя, мы не совсем были уверены, что сделка состоится. Но жена Валиева укрепила нашу надежду. На прощание она отвела меня в сторону и сказала:

— Посильнее нажимайте, он на всё согласится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Из полученных вскоре сообщений стало ясно, что нас собираются разделить на две группы и отправить одну в Карс, другую — в неизвестном направлении, чтобы таким образом сломить наше упорство. Начальник Бакинского жандармского управления в своём секретном донесении от двадцать второго сентября писал:

«Доношу Вашему превосходительству, что арестованные 11 сентября на сходке в Биби-Эйбате в здании «Электрической силы» междурайонные представители бакинского комитета рос. соц-демократов отказываются давать какие-либо показания и не дoз-

волили снять с них фотографии, между тем среди этой группы имеются лица и, как надо полагать, серьёзные деятели, приехавшие из разных мест Империи с специальной целью на преступную сходку, но кто они и откуда — неизвестно.

Ввиду изложенного я полагал бы их всех немедленно выслать из пределов Бакинской губернии с воспрещением им въезда в губернию.

Вместе с тем, на местах высылки возбудить против них уголовное преследование как проживающих без установленных видов и для установления их личности.

К изложенному считаю долгом доложить, что означенные лица за неимением свободных помещений в Бак. тюрьме содержатся вместе, в частном приспособленном доме. Размещение по уездным тюрьмам не представилось возможным за неимением мест. Совместное же нахождение междурайонных представителей бак. ком. рос. соц-демократов может дурно отозваться на положении дела в крае по освобождении их из тюрьмы. Арестованные лица держат себя вызывающе, дерзко, чем подают дурной пример караульным нижним чинам».

Весть о предстоящей высылке заставила нас повторить атаку, и мы в тот же день добились желанного результата. Валиев согласился на обмен, как помнится, за пятьсот рублей. При первой возможности мы передали на волю письмо с просьбой приготовить людей и деньги.

Через два дня мы снова сидели в квартире тюремщика. Вскоре туда же явились желанные гости — сменщик рабочий Лефас и сочувствовавший нам инженер Гальперин, который принёс деньги.

Лефас был одного роста с Лядовым, но без боро-

ды. Предусмотрительный тюремщик предложил Мартыну сбрить бороду, чтобы стоявший у его квартиры часовой ничего не заподозрил. Мартын похвалил Валиева за сообразительность.

— Кто же брить будет? — спросил Мартын.

— Давайте, я буду, — сказал Валиев, доставая бритвенный прибор.

— Вы? — удивился Мартын. — Не порежете? Умеете осторожно брить?

— Умею, — неохотно ответил Валиев. — Садитесь.

Мартын сел, а Валиев начал брить его. Процедура бритья заслуживала кисти художника. Это была поразительная картина: на стуле сидел представитель центрального комитета большевистской партии Мартын Лядов, а перед ним ходил, изогнувшись, тюремщик в расстёгнутом форменном сюртуке. Раскрасневшийся от волнения и выпитого вина, с кистью и мыльницей в руках, начальник тюрьмы брил своего заключённого. Несмотря на важность и серьёзность момента, мы покатывались со смеху.

После окончания этой комической процедуры последовал обмен. Мартын надел бурку и папаху Лефаса, а тот — пальто и широкополую шляпу Мартына. Валиев проводил инженера с Мартыном и, вернувшись обратно, проговорил:

— Ну, слава аллаху, всё обошлось благополучно!

Мы раскланялись и покинули квартиру тюремщика-коммерсанта. Когда мы появились в камере, то одни нас встретили с радостной улыбкой; другие же, не посвящённые в это дело, недоуменно смотрели на Лефаса, одетого в костюм Лядова. Недоумевал и был смущён надзиратель — бородатый крестьянин, который, впустив нас в камеру, пристально взглянул на нас и на минуту задумался.

В конце сентября нам объявили, что первая груп-

па в тридцать два человека будет отправлена в город Карс на турецкой границе. В эту группу попал и Алёша Джапаридзе. Его же во что бы то ни стало надо было оставить в Баку до отправки следующей группы, так как впоследствии возможен был новый обмен. Вместо него вызвался поехать Георгий Георгобиани. Нас вызывали по списку, составленному в день ареста. Когда вызвали Джапаридзе, вперёд выступил Георгобиани. Бородатый надзиратель сначала удивлённо пожал плечами, затем попытался было задержать его. Но мы двинулись лавиной и вытеснили товарища за ворота тюрьмы.

По прибытии в Карс мы были помещены в нижнем этаже новой губернской тюрьмы, в пяти небольших камерах, с отдельным коридором и дверью, выходившей в небольшой дворик, обнесённый высокой каменной стеной. В двух маленьких камерах разместились находившиеся среди нас женщины. После того как конвоиры сдали нас, тюремное начальство приступило к перекличке.

— Нас тридцать два человека и принимайте по списку, — сказал я как староста.

Начальник тюрьмы непонимающе поднял глаза:

— Вы где — в тюрьме или в гостинице? — спросил он. — Тюрьма имеет свой режим, и вы обязаны подчиняться ему. Поняли?!

— Всё поняли, — спокойно ответил я. — Но при отправке из Баку мы никаких обязательств на этот счёт не брали.

Начальник тюрьмы, грек, человек с большим носом и необычайно маленькими глазами, сердился, выходил из себя.

— Не сердитесь, господин начальник Карской губернской тюрьмы, — шутливо говорил ему Лефас. — Не портьте себе настроение. У вас, наверное, жена

есть, дети... Человек вы добрый. Ничего вы не добьётесь от нас. Сказали — не нужна перекличка, — значит не нужна. Мы люди серьёзные...

Тюремщики переглядывались, пожимали плечами. Наконец начальник тюрьмы махнул рукой. Надзиратели приступили к осмотру наших вещей: все личные вещи и деньги мы сдали под расписку в тюремную контору.

На следующий день нас посетили представители местной власти — начальник жандармского управления, прокурор, полицмейстер и ещё какие-то чины. После краткого обмена любезностями и осмотра наших камер они признали, что мы прекрасно устроились. Мы не спорили: в камерах действительно было уютно и чисто. Раскланявшись, представители власти хотели было уже уходить. Мы их задержали.

— В камерах у нас хорошо, — заявили мы, — тем не менее у нас несколько требований.

— Требований? — повторил полицмейстер.

— Да, требований!

— Может быть, просьб, вы хотите сказать? — любезно осведомился полицмейстер.

— Нет, зачем же, — серьёзно произнёс я. — Просьбу можно не выполнить, а требования...

— А требования?.. — выжидающе вставил прокурор.

— А требования вы обязаны удовлетворить! — решительно сказал Лефас.

Чувствуя, что разговор может затянуться, представители власти изъявили желание скорее узнать характер наших требований. Мы потребовали заменить коптилки большими лампами, для женщин установить отдельный умывальник, увеличить порционные с двенадцати копеек до двадцати.

Изумлённые представители власти указали, что мы, повидимому, мало знакомы с правилами и режимом тюрьмы. Мы, в свою очередь, сочли нужным довести до сведения прокурора и других чинов о том, что некоторые из нас знакомы с порядком и режимом многих российских тюрем и что мы ведём борьбу именно за изменение существующего порядка и режима вообще, в тюрьме — в частности.

Через два-три дня наши требования удовлетворили.

Каждый день, к великому неудовольствию тюремщиков, стройно и дружно распевали мы революционные песни. Городские власти, напуганные могучим революционным движением в стране, скрепя сердце мирились с этим.

Восемнадцатого октября после обеда в тюрьму вновь явились представители местной власти и объявили, что мы, согласно обнародованному манифесту, освобождаемся из-под стражи, получаем полную свободу и прощение. Мы же, вместо выражения признательности, все, как один, воскликнули:

— Да здравствует революция!

— Долой тирана!

Вырванные из тюрьмы могучей силой народа, мы отправились в город. Здесь мы разбились на группы и разбрелись по разным местам, чтобы скорее и лучше изучить настроение населения. Город Карс был солидной крепостью с большим количеством войск, с массой чиновников — гражданских и военных.

В городе было людно и шумно. Все находились под впечатлением манифеста от семнадцатого октября.

Мы не преминули воспользоваться приподнятым настроением и провели митинг, собравший много народу. На митинге произносились речи, направленные против царя и существующего строя.

Когда стемнело, мы задумались о ночлеге. Но так как вещи находились в тюрьме, мы единодушно решили вернуться в камеры и там переночевать. Когда мы постучали в тюремные ворота, к нам вышел улыбающийся начальник тюрьмы.

— Зачем вы пожаловали, господа? — спросил он.

Я как староста объяснил ему, что мы, собственно, пришли за вещами, но если он окажет гостеприимство, то мы непрочь и переночевать во вверенной ему тюрьме. Начальник тюрьмы так был польщён, что забыл всяческую осторожность и правила тюремного распорядка. Попрежнему улыбаясь, он любезно сказал:

— Пожалуйста, господа, занимайте свои камеры.

И мы заняли «свои» камеры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

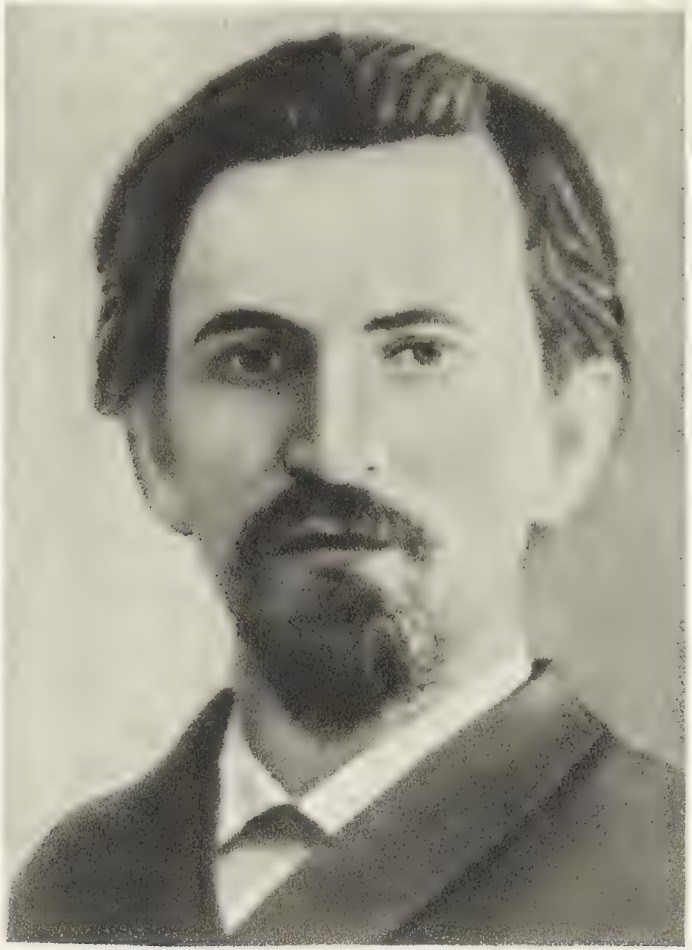
В то время когда мы отдыхали в тюрьме, городские власти узнали о митинге и нашем выступлении на нём. Они заинтересовались, где мы ночуем. Была поставлена на ноги вся местная полиция во главе с приставом и полицмейстером. Полиция обшарила все закоулки города, сбилась с ног, но найти нас не смогла. Наконец полиция нашла хозяина, который готовил для нас обед. Он сообщил, что мы, пообедав, ушли в тюрьму за вещами. В тюрьме полицмейстеру заявили, что освобождённые утром политические находятся в своих камерах.

Власти рассвирепели. Часов в девять вечера к нам прибежал взволнованный начальник тюрьмы с взъерошенными волосами и завопил, что он, простофиля, попал впросак и что его отдадут под суд за допущение посторонних лиц во вверенную ему тюрьму. Он

Соня Липинская.
1904—1905 гг.

А. М. Лобачева-Стуруа.
1904—1905 гг.

А. В. Винтер.



Н. М. Флеров.

стал умолять нас, чтобы мы немедленно ушли. Вскоре появился и полицмейстер.

— Немедленно покиньте тюрьму! — строго начал он.

Мы ответили, что за неимением удовлетворительного ночлега в городе мы вынуждены до утра остаться в тюрьме. Полицмейстер предложил нам перебраться в барак, построенный на случай появления холерной эпидемии. Мы категорически отказались от этой чести и заявили, что мы устали и просим дать нам полный покой. Начальство уступило, и мы заснули.

Утром мы ушли из тюрьмы опять без вещей. В городе мы узнали, что ночью по казармам гарнизона были разбросаны листовки на русском и армянском языках. Листовки отпечатали наши товарищи, оставшиеся для этой цели в городе, — Антон Кабернкорм, Михаил Кучнев и другие.

Группами мы разбрелись по городу, предварительно сговорившись в определённый час собраться в городском саду. Чтобы познакомиться с местным населением — ремесленниками, интеллигенцией, учащейся молодёжью и, в особенности, — с солдатами гарнизона — мы заходили в мастерские, в кофейные, чайхане. Беседуя с солдатами, мы узнали, что в некоторых воинских частях происходили конфликты между нижними чинами и офицерами, доходившие до серьёзных столкновений.

В саду в назначенное время собралось необычайно много народу. Здесь были солдаты, учащаяся молодёжь, офицеры; пожаловали сюда и чиновники всех ведомств с жёнами и домочадцами. Когда открыли митинг, первое слово предоставили кому-то из местной интеллигенции. Затем выступили наши товарищи, которые предостерегли собравшихся от всяких иллю-

зий насчёт незыблемости дарованных свобод. В своих выступлениях товарищи со всей силой обрушились на военную касту, которая во время русско-японской войны сыграла позорную и преступную роль, подвергая всевозможным лишениям и сверхчеловеческим испытаниям миллионные массы солдат русской армии. Речи вызвали горячие и восторженные одобрения большинства собравшихся. Но офицеры и крупные чиновники остались недовольны резкими выступлениями, и многие из них ушли. Мы же, заканчивая митинг, пригласили солдат и учащуюся молодёжь назавтра вновь собраться в саду.

Двадцатого октября по городу ездили конные патрули. Несмотря на это, в саду вновь оказалось много народу.

По аллеям сада прогуливались Лефас и местный губернатор. Губернатор уговаривал Лефаса, чтобы он повлиял на своих товарищей и те были бы осторожней в своих речах.

— Ведь манифест обнародован не для того, чтобы поносить последними словами царскую семью, — говорил губернатор, заискивающе глядя на Лефаса. — Не так ли?

Губернатор жаловался, что на него нажимает комендант крепости и требует применения к нам самых суровых и решительных мер.

— Я как начальник губернии вполне понимаю беспокойство коменданта за вверенные ему крепость и гарнизон. Но что я могу сделать, когда, кроме манифеста, дарующего свободу, не имею никаких директив из центра? — Губернатор взял за руку Лефаса. — Разве я могу применить репрессии?

— Как? — удивлённо воскликнул Лефас. — Конечно, нет! Манифест запрещает это!

— Так что же мне делать, что? — дрожащим го-

лосом спросил губернатор. — Вы понимаете, какое у меня положение?

— Понимаю, господин губернатор: хуже губернаторского. Не угодишь высшей власти — попадёшь под суд, не угодишь революционерам — чего доброго, будешь болтаться на фонаре.

Губернатор испуганно отшатнулся от Лефаса и, вздыхая, произнёс:

— Да, да, тяжёлое время настало! — И печально добавил: — Удружил мне на старости лет бакинский губернатор Фадеев, нечего сказать! Мало ему губерний революционеров ссылать... Непременно в Карс, в мой город нужно было!

Пока губернатор упрашивал Лефаса быть поосторожней в выражениях, к саду приближался отряд солдат во главе с офицером. Отряд спустился по каменной лестнице в сад и беглым маршем направился по аллее к месту митинга. Лефас, указывая на солдат, спросил губернатора:

— Что это значит?

Тот развёл беспомощно руками.

— Я тут ни при чём, — сказал он и, галантно раскланявшись, ушёл.

Увидев солдат, публика забеспокоилась. Тогда мы обратились к участникам митинга с призывом не расходиться и не впадать в панику. Офицер, возглавлявший отряд, разразился площадной бранью по нашему адресу и скомандовал солдатам:

— Окружить их и, в случае сопротивления, взять в штыки!

Среди публики, собравшейся на митинг, раздался гул возмущения и протеста. Солдаты замерли. Лица у них стали бледными. Один за другим они опустили винтовки к ноге.

Потрясая обнажённой шашкой, офицер повторил:

— Окружить! Взять в штыки!

Солдаты продолжали стоять молча, всматриваясь сосредоточенным взглядом в публику, которая громко выражала негодование по адресу офицера.

В это время мы увидели, что приближается второй отряд солдат. Чтобы избежать столкновения и кровопролития, мы вновь призвали к спокойствию участников митинга, а солдатам сказали, что если они считают необходимым выполнить возложенные на них обязанности, то пусть сделают круг, а мы сами добровольно войдём в него. Солдаты охотно, с повеселевшими лицами, образовали круг, и мы оказались в нём.

Мы вызвали полицмейстера и прокурора, от которых потребовали объяснения о причине налёта воинских частей. Прокурор ответил, что, согласно новому конституционному закону, все граждане обязаны испрашивать на всякое собрание и митинг разрешение у властей города с указанием места, числа и часа собрания.

— Вы же, — заявил он далее, — трижды устраивали публичные собрания в городском саду без ведома и разрешения местных властей, а посему подвергаетесь двухдневному аресту за нарушение общеконституционных правил.

Участники митинга продолжали шумно выражать своё негодование. Местная армянская революционно настроенная молодёжь готова была с оружием в руках не допустить нашего ареста, о чём и известила нас. Мы отклонили это слишком горячее предложение молодёжи и двинулись по направлению к нашей гостеприимной тюрьме для двухдневной отсидки.

Молодёжь не оставляла нас. Как только мы покинули сад и вошли в черту города, нас стали окру-

жать юноши. Молодёжь проникала за цепь нашего конвоя, подростки бежали со свистом и гиком впереди шедшего офицера, делая ему уморительные гримасы. Офицер был красен от волнения. Пересекая улицу, на которой жил губернатор, офицер отделился от нас, сел на извозчика и уехал, сопровождаемый криками, свистом детей и взрослых.

Недалеко от казарм, расположенных вдоль железнодорожного полотна, офицер нагнал нас — бледный, с перекошенным от злобы лицом. У первой казармы стоял отряд солдат. Офицер снова отделился от нас и направился к отряду, вытянувшемуся во фронт. Через несколько минут офицер вновь вернулся, ещё более взволнованный и бледный, тяжело и порывисто дыша. У последней казармы он опять направился к находящемуся здесь отряду солдат.

Мы уже приближались к тюрьме, как вдруг послышались голоса:

— Командир упал, командир упал!

Позднее мы узнали, что офицер внезапно умер от разрыва сердца. Солдаты нам рассказали, что ни одна часть не соглашалась выйти из казармы для разгона митинга и нашего ареста. Комендант крепости был в самом затруднительном положении. Офицер, — который, по выражению солдат, «только что сдох», — был злющий-презлющий немец, не любимый всеми солдатами. Он предложил собрать отряд из разных частей, не говоря солдатам, для какой цели их вызывают. Но когда солдаты узнали, что направляются в распоряжение нелюбимого офицера и догадались, что их поведут не на доброе дело, они решили пойти, но не выполнять приказы слепо, а решать дело, судя по обстоятельствам. Они так и поступили.

Офицер, ввиду постигших его неудач, был страшно зол на всех нас, — в особенности на солдат, кото-

рые своим неподчинением нанесли ему небывалое и неслыханное оскорбление: опозорили его на всю жизнь. Идя по городу в окружении враждебной толпы и неповинующейся ему солдатской массы, он сильно нервничал, волновался. Чувствуя своё полное бессилие справиться с народом, окружившим нас, офицер по телефону обратился за помощью к воинским частям, расположенным вдоль железнодорожного пути. Ему обещали помочь. Приблизившись к группе солдат у первой казармы, он приказал разогнать публику, следовавшую за нами. Солдаты переступали с ноги на ногу и не трогались с места. Когда у последней казармы офицер получил такой же молчаливый отказ, его сердце не выдержало, и он упал замертво.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В тюрьме мы опять причинили администрации немало хлопот и неприятностей. При подсчёте в нашей группе оказалось свыше шестидесяти человек, а ордер тюремное начальство имело лишь на тридцать два человека. Полицмейстер и прокурор обратились к присоединившейся к нам по пути следования молодёжи с разъяснением, что аресту подлежим лишь мы, прибывшие из Баку, а все остальные свободны. Примкнувшие к нам заявили, что инициаторы митинга — вся карская революционная молодёжь, и что они — небольшая её часть — выражают желание разделить участь товарищей. Полицмейстер и прокурор были в затруднении и предложили вызвать нас по старому списку. Но этот манёвр им не удался: мы молчали. Тогда начальник тюрьмы вызвался отделить нас по памяти. Он начал с меня. Я его предупредил, чтобы

он бросил это грязное дело. Начальник махнул рукой и, отходя, пробормотал, что он никого и ничего не знает. Дело кончилось тем, что всех нас разместили по камерам, которые мы занимали накануне.

Двадцать второго октября кончался срок нашего двухдневного заключения под стражей. Мы предупредили товарищей, снабжавших нас продуктами, что освобождаемся в пять часов дня и готовить обед в тюрьме не будем. Поэтому мы просили их приготовить для нас в городе коллективный обед.

Двадцать третьего или двадцать четвёртого октября ожидалось возобновление железнодорожного сообщения между Карсом и Тифлисом, прерванного стачкой рабочих. Мы рассчитывали первым же поездом выехать из города. Однако около часа дня в тюрьму приехал полицмейстер и объявил, что мы будем освобождены лишь в одиннадцать часов вечера. Мы запротестовали, поднялся шум. Мы требовали, чтобы нас освободили в пять часов. В противном случае мы оставляли за собой право свободного действия.

Полицмейстер уехал доложить о нашем требовании прокурору и губернатору и около трёх часов явился снова. Он сообщил, что их превосходительства господин прокурор и господин губернатор, к глубокому их прискорбию, не могут удовлетворить нашего требования, так как это было бы явным подрывом авторитета властей. На это я ему ответил, что мы ни на какие уступки не пойдём, никакого подрыва авторитета властей в нашем требовании не видим и потому настаиваем на нашем освобождении до пяти часов.

— Не позднее четырёх часов пятидесяти минут мы ждём окончательного ответа! — сказал я полицмейстеру.

Полицмейстер пожал плечами, козырнул и уехал.

Отдельные товарищи были склонны примириться с создавшимся положением и оставаться в тюрьме до следующего дня. Я же высказался за обструкцию, большинство меня поддержало. Кто-то указал, что мы не имеем морального права подвергать опасности местную молодёжь. Мы предложили самой молодёжи обсудить этот вопрос отдельно, без нашего участия. Через десять минут они ответили, что поддерживают обструкцию и всю ответственность берут на себя. Нам оставалось лишь установить форму обструкции. Молодёжь и на этот раз была удалена. Для разработки плана осталась лишь бакинская группа. После обмена мнениями пришли к единодушному решению: побить стёкла в окнах всех камер, поломать нары, взломать двери.

Когда часы показали без десяти минут пять, я захлопал в ладоши. Тут же раздался звон стёкол, треск дерева, посыпались камни, поднялась едкая пыль.

Через несколько минут тюрьма была окружена солдатами, но всё уже было кончено. Мы сидели молча и пили заранее приготовленный чай в общей камере, ожидая развязки.

Как всегда, после сильного возбуждения наступила реакция, настроение упало. Томительно тянулись минуты. Где-то загремел засов, скрипнула дверь. Я встал, подошёл к двери и осторожно выглянул в коридор. Стояла напряжённая тишина. Мне было не по себе. Я ощущал нервную дрожь в коленях; мёртвая тишина пугала. Но вот в конце коридора показалась голова, затем другая, третья, — и я увидел бледные и растерянные лица. Это была местная власть. Увидев их растерянность, я ободрился, вышел в коридор, гостеприимно приглашая представителей

власти пожаловать в камеру. Товарищи, видя, что я с кем-то церемонно раскланиваюсь, оживились. Через несколько минут в дверях камеры появилась группа чиновников. Правитель канцелярии губернатора дрожащим не то от испуга, не то от бессильной злобы голосом объявил, что его превосходительство господин губернатор благосклонно разрешил освободить нас.

Вскоре мы проходили мимо тюремной канцелярии, у которой стояли чиновники во главе с губернатором. Они провожали нас долгими, полными злобы взглядами. Лефас, поравнявшись с губернатором, улыбнулся и сказал:

— До свидания, господин губернатор! Спасибо за приятную беседу.

— Прощайте, — как-то тихо и безвольно ответил губернатор. — Прощайте! — строже и решительней повторил он.

Последним выходил из тюрьмы Бакрадзе. Он остановился возле часового, похлопал его по плечу и сказал:

— Ну, видишь, товарищ, ты напрасно волновался. Всё обошлось благополучно.

Часовой взял под козырёк и гаркнул:

— Слушаю! Так точно!..

Наша поездка из Карса в Тифлис носила демонстративный характер. У нас был атласный красный флаг, расшитый разноцветными шелками, изготовленный армянскими женщинами в Карсе. Подъезжая к большим станциям, мы выкидывали его на древке в открытое окно вагона, а хор наш, созданный молодым неугомонным большевиком Павлом Бляхиным — «Соломончиком», дружно запевал революционные песни. Собиравшаяся публика шумно приветствовала нас.

В Тифлисе мы пробыли нескслько дней. В городе в это время с утра до вечера происходили собрания и митинги. Мы перебирались с митинга на митинг, с собрания на собрание. Настроение было приподнятое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На третий или четвёртый день нашего пребывания в Тифлисе мы решили выехать в Баку. За неимением средств на дальнейшую дорогу мы обратились с требованием к местной власти в лице небезызвестного в то время Ширинкина, чтобы нас отправили по месту жительства на казённый счёт. Нас принял чиновник особых поручений. Выслушав наши требования, он заявил:

— Что касается отправки по месту жительства за счёт государства, мы не возражаем. Но насчёт одного рубля порционных в сутки — извините, такой нормы не встречал. Более двадцати копеек выдать не можем.

Мы настаивали на своём. Тогда чиновник отправился к Ширинкину. Вскоре явился сам Ширинкин. Отвесив общий поклон, он любезно спросил:

— Что вам угодно, господа?

Мы повторили наши требования.

— Только и всего? — Ширинкин пожал плечами. — Пожалуйста, получите! — произнёс он, готовый пойти на «любые жертвы» ради нашего скорейшего отъезда.

Через день многие из нас уже находились в Баку. Я вернулся на электростанцию. В это время там уже работал Пётр Монтин, поступивший на станцию незадолго до моего ареста. Монтин был больше-

виком. С первых же дней он повёл решительную борьбу с меньшевиками и эсерами — Щегловым, Кузнецовым. Дрягункиным, братьями Сочневыми и другими, свившими себе прочное гнездо на станции. Особенно сильно ненавидел он членов так называемой Балахано-Биби-Эйбатской рабочей организации. Создателями этой организации были братья Илья, Лев и Глеб Шендриковы.

В Баку братья Шендриковы приехали из Ташкента, где они были в тесной связи с эсерами. Беззастенчивой демагогией, хвостизмом, поддержкой настроений самых отсталых слоёв Шендриковы пытались завоевать в рабочей среде популярность. На многих промыслах им удалось завербовать сторонников. Шендриковы постоянно кричали о своей безучастности к политике, о своём интересе «к вопросам сегодняшнего дня», «к простым реальным потребностям нефтяного пролетариата». Призывая рабочих гнаться за мелкими подачками предпринимателей, они отвлекали рабочий класс от политической борьбы, от борьбы с царизмом.

В октябре — декабре тысяча девятьсот пятого года Шендриковы развили исключительную активность. Не было ни одного собрания, ни одного митинга, на котором Шендриковы и их последователи не выступали бы. Наша большевистская организация рассматривала «шендриковщину» как своеобразное проявление зубатовщины в рабочем классе Баку. Поэтому все силы были брошены на борьбу с шендриковщиной, на полный разгром её.

Гневом и ненавистью к шендриковщине были преисполнены речи Петра Монтина. Прекрасный оратор, он быстро овладевал аудиторией и заставлял слушать себя. Помню, однажды Монтин выступал на каком-то рабочем собрании. Здесь большинство были сторон-

ники меньшевиков и эсеров. Сначала Монтину не давали говорить. Его перебивали, ему бросали реплики, его доводы осмеивались. Но по мере того как Пётр продолжал говорить, люди затихали. Наконец установилась полная тишина, и Пётр с каждой минутой всё больше и больше покорял слушателей. А когда он закончил, ему дружно захлопали.

В Петре Монтине было много общего с Алёшей Джапаридзе. Пётр, как и Алёша, неутомимо трудился. Он мог работать несколько суток подряд, забывая об отдыхе и сне. Я жил с Монтиным в одной квартире и видел его изо дня в день. После длительного путешествия по промыслам он снимал с себя рабочий костюм, тщательно мылся и говорил:

— Ну вот, теперь вновь можно работать.

И он работал. Высокий, плотный, с простым, русским лицом, он завоевал огромную популярность на заводах и промыслах. Ему верили, к нему лежала душа. Просто, естественно, без фразы и позы он выполнял героическое, опасное дело. Он не чурался никакой работы — распространял литературу, разносил по промыслам листовки и прокламации, выступал на митингах, вёл ожесточённые бои с политическими противниками. Один из рабочих, находившийся вместе с Петром Монтиным в этапе, впоследствии рассказывал:

— Он был рабочий-революционер, и его революционное дело было для него так же просто и необходимо, как пение для птицы. Он часто пел мягким, тёплым баритоном революционные и народные русские песни. Каким утешением были песни Монтина — эта бесхитростная поющая душа — для политических арестантов в Бакинской, а потом Кубинской тюрьмах!

Сиреневые сумерки, молчание тюремного двора,

заросшего травой, небо и одиночество — и тихая песня Петра, его грустный, милый голос:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

И через минуту — весёлое, молодое, задорное, украинское:

Наварила, напекла,
Не для сéбя — для Петра...

Арестованных гнали этапом из Баку в Кубу. Зелёная земля, гортанный говор аулов, запах костров, усталость и ночные росы... Конвойные были злы и тупы, придирались к каждому шагу. Звенели цепи. Но Пётр, эта ласковая народная душа нашла какой-то путь к сердцу русских мужиков, переодетых солдатами.

Стало весело: шли вольно, пели песни, и впереди Монтин, обняв широкую спину солдата, говорил ему о земле и воле.

И пели все вместе:

Ой, лихо, не Петрусь,
Бело личико, чёрный ус.

В конце ноября Пётр выехал в Тифлис на конференцию кавказского союза РСДРП. Конференция избрала его делегатом на четвёртый партийный съезд. Шестого декабря Монтин вернулся в Баку, а я, не повидавшись с ним, в тот же день выехал в Тифлис, где после пятилетнего запрета получил право вновь поступить в главные железнодорожные мастерские. В Тифлисе меня встретили товарищи с телеграммой в руках. В ней было сказано, что вечером шестого декабря выстрелом в голову убит Пётр Монтин.

По рассказу его невесты, с которой Пётр шёл по улице, на одном из поворотов навстречу им выскочил неизвестный и в упор выстрелил в Монтина. Пётр

успел выхватить из кармана револьвер и выстрелить. Но пуля неизвестного попала Монтину в висок. Пётр был убит. Всю ночь тело лежало на улице. Только на рассвете товарищам удалось доставить его на электрическую станцию. Гроб с телом Монтина несколько дней находился в библиотеке станции. Как писал Константин Норинский:

«Библиотека стала местом стечения чуть ли не всего окружающего станцию рабочего населения... Мать и брат настаивали, чтобы хоронить т. Монтина в Тифлисе, и мы должны были подчиниться. Отдать последний долг т. Монтину собралось население Баку и окрестностей. Ещё за несколько часов до выноса тела товарищи всё прибывали, не умещающиеся в обширных помещениях электрической станции, выстраивались на улице. Тут же наспех была организована вооружённая охрана, — конечно, из своих товарищей, — выработан порядок шествия. Наконец близкие товарищи на руках вынесли гроб. Тысячи обнажили свои головы, шествие двинулось. Несколько товарищеских хоров огласили воздух печальными мотивами.

Вся улица была запружена народом. Этот поток тянулся не менее, как на версту. По бокам, в первых рядах, шла своя вооружённая охрана. Затем все, взявшись за руки и составив цепь, наблюдали за порядком шествия. Несли много венков. Были тут и знакомые меньшевики и эсеры; надо полагать, они чувствовали себя неважно. Взоры многих были обращены в их сторону. Между тем число провожающих всё росло. Они с пением прошли весь город (около 8 вёрст) и, наконец, добрались до вокзала, где сдали останки товарищу, прибывшему из Тифлиса».

Убийство Петра Монтина всколыхнуло пролетариат всего Кавказа. Грандиозные похороны устроил

ему рабочий класс Тифлиса. Это была внушительная боевая демонстрация тифлисского пролетариата, выступившего на улицу с протестом против подлого, предательского убийства его верного сына. Тифлис бурлил, Тифлис провожал в последний путь Петра Монтина. Во всех революционных газетах появились статьи о нём. Четырнадцатого декабря «Елисаветпольский вестник» писал:

«Товарищ Пётр был борец. Его энергичная и неустанная борьба с царизмом за освобождение рабочего класса, его ораторские, организаторские и агитаторские способности, широкая популярность и сильное влияние на рабочие массы, неиссякаемая энергия и сила политического деятеля-революционера нашли ему немало непримиримых врагов в среде слуг отживающего самодержавия. Бакинская администрация, прекрасно знакомая с деятельностью Петра, издавна скалила на него зубы, — она не останавливалась перед подкупом тёмных и бессознательных лиц, дабы избавиться раз и навсегда от мощного Петра — главного практического руководителя всеми боевыми выступлениями бакинского пролетариата. Теперь тов. Пётр убит, а администрация вместе с контрреволюцией ликуют. Смерть убийцам! Вечная память неутомимому борцу за рабочее дело!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В Москве началось вооружённое восстание. В знак солидарности с московским пролетариатом забастовали железнодорожники Закавказья. Тифлисская организация РСДРП призвала массы ко всеобщей стачке, которая должна была перейти в вооружённое восстание. Но в военный штаб восстания про-

брались и меньшевики вместе с их лидером Исидором Рамишвили.

В горные сельские районы для организации крестьян выехали представители тифлисского комитета. Им поручили сколотить вооружённые партизанские отряды и по горным тропам привести их в Тифлис. Комитет одновременно дал задание военному штабу организовать для приёма партизан удобные как по стратегическим, так и по конспиративным условиям пункты, заготовить достаточное количество продовольствия, оборудовать небольшой лазарет.

В середине декабря в городе произошли вооружённые столкновения с царскими войсками. В это время начали прибывать в город и крестьяне-партизаны. Руководили отрядами старые горные орлы, закалённые в борьбе с царскими колонизаторами. К великому нашему огорчению, военный штаб не подготовился к приёму и размещению партизан и не имел никакого плана выступления. По требованию большевиков тифлисский комитет созвал актив для выяснения создавшегося положения и обсуждения вопроса о том, как и где разместить прибывающие силы. Лидеры меньшевиков предложили размещать партизан в районах, отстоящих далеко от центра города, — в Дидубе и Нахаловке, где, по их мнению, должны были быть сосредоточены все боевые силы.

Наша небольшая группа большевиков возражала против скопления больших сил в этих районах, застроенных призёмистыми домиками и ветхими хибарками. Мы указывали, что как только власти узнают о скоплении в Дидубе и Нахаловке большинства наших вооружённых сил, то они двинут туда надёжные и преданные правительству воинские части, чтобы отрезать путь в город. И если мы всё-таки попытаемся прорваться с оружием в руках и откроем дей-

Л. Б. Красин. 1900-е годы.

В. А. Шелгунов. 1902—1903 гг.

Метехский замок (Тифлисская тюрьма).

„Нахаловка" — рабочий район Тифлиса, где в квартирах рабочих собирались подпольные кружки. 1898—1900 гг.

ствия против их войск, тогда они обстреляют нас из пушек Арсенальной горы и, пожалуй, сметут с лица земли артиллерийским огнём все постройки рабочих окраин — Дидубе и Нахаловки, — не щадя населения.

По этим соображениям мы предлагали перебросить партизан в городские районы с наибольшей пролетарской прослойкой — Куки, Авлабар, Пески, — где, развивая дело восстания, можно постепенно втянуть в него сочувствующую нам часть населения. Мы предлагали при первой возможности захватить важнейшие учреждения города: вокзал, телеграф, банк, продовольственные склады.

Меньшевики отвергали одно за другим наши предложения. Особенно рьяно против нас выступал Ной Жордания. Помню, он пришёл на собрание актива с часовым опозданием. С места в карьер он обрушился на большевиков.

— Вы предлагаете начать вооружённое восстание в городских районах? — спросил он, обращаясь к нам. — Немыслимо! Непостижимо! Подумайте, имеем ли мы моральное право подвергать мирное население опасности? Можем ли мы брать на себя ответственность за кровопролитие? Нет и нет! Партизанские отряды должны находиться в Дидубе и Нахаловке. Это единственно разумный выход.

Иначе смотрели на восстание сами партизаны. Руководители отрядов были на стороне большевиков. Они заявили, что держать свои отряды в этой ловушке не могут.

— Мы на это не пойдём! — говорил руководитель отряда, высокий грузин с жгуче чёрной бородой. — Мы хотим драться в городе. Но вы не пускаете нас туда. А здесь нам делать нечего!

— Какое же решение вы принимаете? — спросил Ной Жордания руководителей отрядов.

— Известно какое — уйдём! — ответил высокий грузин и поднялся со стула.

— Дело ваше, можете уходить, — сказал Ной Жордания.

В ту же ночь партизаны вынуждены были покинуть Тифлис. Со слезами на глазах расставались мы с крестьянами.

На следующий день мы узнали, что власти готовят разгром Нахаловки. Большевики оказались правы. Сосредоточивать силы в этих отдалённых районах — значило обречь их на верную гибель.

Узнав о предстоящем походе войск на Нахаловку, штаб, предводительствуемый Исидором Рамишвили, решил выставить по всем переулкам посёлка вооружённых рабочих для охраны населения. Большевики считали эту затею нелепой. Нельзя было собирать в этом районе против сконцентрированных войск рабочие дружины. Надо было использовать партизанскую тактику уличной борьбы, применявшуюся московскими дружинниками. Однако мы вынуждены были всё-таки принять участие в охране Нахаловки. Для этой цели была мобилизована группа рабочих-боевиков во главе с профессиональным революционером Камо — Семёном Аршаковичем Тер-Петросяном.

Я в то время жил у рабочего Казимира Манкевича, по Авчальской улице, рядом с казармами сапёров. Один из товарищей — сапёр, связанный с нашей военной организацией, — сообщил нам, что ночью в Нахаловку выступят в полной готовности воинские части всех родов оружия: пехота, конница, артиллерия.

Мы не спали всю ночь, огонь был потушен, на улице царила мёртвая тишина. Мы с тревогой прислушивались к малейшему шороху и с напряжённым вниманием вглядывались в чёрную бездну тёмной улицы.

В полночь откуда-то издали донёсся конский топот. Мы прислушались. Топот нарастал, приближался. Вскоре мы заметили кавалеристов. Двигались они по направлению к Нахаловке. Потом показалась пехота, затем опять конница, далее загремела артиллерия, прошёл санитарный обоз, потом шум постепенно стал удаляться. Снова наступила мёртвая тишина. Мы с Казимиром решили выйти из своего безопасного наблюдательного поста на свежий воздух.

Ночь стояла тёмная, небо было покрыто облаками. Наступившую тишину нарушал лишь лай встревоженных собак. Слышны были отдалённые ружейные выстрелы. После нескольких часов утомительной ходьбы по задворкам Авчальской улицы мы под утро вернулись домой и заснули тревожным сном.

Около десяти часов я вышел на улицу и через некоторое время увидел шедший со стороны Нахаловки небольшой отряд пехоты. Когда отряд приблизился, я заметил, что впереди отряда находились двое, арестованных, — один был армянин, по виду мелкий буржуа, а другой шёл с накинутым на голову пальто и закутанным лицом. Вглядевшись в арестованных, я в одном узнал местного духанщика. У меня отлегло от сердца.

«Ну, и трофеи достались вам!» — подумал я. Вдруг второй арестованный повернулся в мою сторону и я увидел его лицо, покрытое сгустками запёкшейся крови. Я вздрогнул: это был Камо.

Я побежал в Нахаловку. Там мне сообщили подробности ночного налёта. Войска окружили посёлок и начали повальный обыск квартир. Меньшевистские пикетчики никакого сопротивления войскам не оказывали, а ограничились тем, что, как только узнали о приближении войск, разбрелись по посёлку, чтобы оповестить население о прибытии солдат, а также

спрятать оружие в надёжные места. Так же поступили и те пикетчики-меньшевики, которые находились в резерве в доме духанщика. Они наспех спрятали своё оружие в дровяном сарае, засыпали его разным мусором и заложили дровами, а сами разошлись по домам. Это небрежно спрятанное оружие, найденное при обыске, и послужило поводом для ареста духанщика.

В тяжёлом положении находилась наша боевая большевистская группа. Не получая приказа о сопротивлении войскам, большевики должны были принимать решение по своему усмотрению. Когда войска приблизились к Нахаловке, боевики в полном порядке направились в глубь посёлка, затем пошли по ущелью меж гор по направлению к Солёному озеру. Добравшись до Худадовского леса, они вдруг столкнулись с окружавшими их казаками-пехотинцами пластунского полка. Наши боевики попали в западню. Им ничего не оставалось делать, как вступить в бой с намного превосходящими силами противника.

Едва войска покинули Нахаловку, к рабочим прибежал сторож Худадовского леса и сообщил, что при обходе участка он в кустах обнаружил несколько трупов. Вблизи его сторожки лежал раненый человек. Увидев сторожа, он чуть-чуть приподнялся и просил передать товарищам о том, что боевики не падали духом в бою, не просили пощады у врага, дрались мужественно, умирали без страха. Затем раненый потерял сознание. В это время мимо проходил небольшой отряд казаков с офицером во главе.

— Что, уже готов? — спросил офицер сторожа.

— Да, он весь исколот штыками... — ответил сторож.

Один из казаков поднял было ружьё, чтобы вса-

дить штык в грудь лежавшему без чувств человеку. Офицер отстранил рукой штык и брезгливо сказал:

— Не трогай, он уже получил должное. Видишь, мёртв!

Группа товарищей, выслушав сторожа, сейчас же отправилась в лес. Там они нашли двенадцать застывших трупов. Это были боевики большевистского отряда, павшие смертью храбрых. Тяжело раненный лежал неподвижно, но в нём еще теплилась жизнь. Он тотчас же был перенесён в наш лазарет, где сделали тщательную промывку и перевязку его многочисленных ран. Его могучий организм и сильный дух победили смерть.

Гробы с телами двенадцати героев были установлены в одном из небольших домиков посёлка. Тысячи людей приходили сюда, чтобы громко выразить своё возмущение зверской расправой. Два дня продолжалось массовое паломничество.

На третий день власти встревожились. Они поставили часовых в Нахаловке и тем самым прекратили доступ к убитым. Вскоре в посёлок явилось несколько офицеров, потребовавших, чтобы мы немедленно похоронили погибших. Мы ответили, что хлопочем о разрешении похоронить товарищей на Кукийском кладбище, — там был погребён и Пётр Монтин, — а также о свободном проходе похоронной процессии по некоторым улицам города. Офицеры удовлетворились этим ответом и сейчас же уехали.

Похороны на кладбище, связанные со свободным проходом процессии по городу, власти не разрешили. Тогда мы решили похоронить товарищей на одной из возвышенностей между двух ущелий за Нахаловкой.

Тысячи людей участвовали в похоронах. И когда тела рабочих-героев были опущены в могилу, народ

запел похоронный марш. Наконец братская могила была засыпана землёй, вокруг были уложены десятки венков. Но люди не расходились. Они стояли строгие и торжественные. Кто-то робко затянул «Марсельезу», другой голос поддержал его, и вот уже понеслась, громко зазвучала боевая победная песнь борьбы и труда.

...Тысяча девятьсот пятый год был на исходе. Начинался новый тысяча девятьсот шестой год.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Летом тысяча девятьсот шестого года, при возвращении с работы, был убит член «Союза русского народа», рабочий железнодорожных мастерских Томашевский. Томашевского мы знали как доносчика и шпиона. Осуждая индивидуальный террор как метод политической борьбы, мы, узнав об этом, не пожалели о случившемся.

В обеденный перерыв не было конца разговорам о Томашевском. Одни радовались, другие осуждали убийство, третьи восторгались смелостью тех, кто выстрелом из револьвера уложил насмерть черносотенца. Едва гудок возвестил конец перерыва, как от рабочего к рабочему пополз шопот:

— Мастерские окружены полицией.

Вскоре в контору стали вызывать отдельных рабочих. Всего вызвали свыше ста человек. Офицеры, посовещавшись, задержали тридцать три человека. Среди них был и я.

До вечера нас продержали во дворе мастерских, у конторы. Затем, в окружении солдат железнодорожного батальона, мы тронулись в губернскую тюрьму. Вели нас по Авчальской улице. Было темно. На небе,

затянутом облаками, изредка вспыхивала одинокая звезда.

У Немецкого кладбища нас остановил отряд стрелков. Между начальником нашего конвоя и офицером отряда стрелков завязался оживлённый разговор, перешедший вскоре в спор. Я находился позади, в последнем ряду. Ничего не подозревая, я мирно беседовал с товарищами. Вдруг кто-то из стрелков окликнул меня. Я отозвался. Среди конвоиров и арестованных произошло какое-то движение. Неожиданно товарищи оттеснили меня в середину и окружили, а один из товарищей крепко сжал мою руку.

— В чём дело, что за тревога? — тихо спросил я.

Мне торопливо ответили, что ничего особенного не случилось, всё кончилось благополучно и мы сейчас же тронемся в дальнейший путь. Тревога невольно передалась и мне. Через несколько минут мы пошли, стрелки остались позади нас.

Впоследствии мы узнали, что офицер отряда предложил начальнику конвоя сопровождать нас до тюрьмы, так как, по его сведениям, местные революционные организации будто бы намереваются напасть на конвой и силой освободить арестованных. Начальник конвоя отклонил предложение офицера. Тот настаивал на своём. Тогда начальник заявил офицеру, что ему доверены арестованные и он за них отвечает.

Когда мы прибыли в тюрьму, он подошёл ко мне и сказал:

— Ну, счастье твоё, что мне поручили сопровождать вас в тюрьму. Будь на моём месте кто-нибудь другой, стрелки потешились бы над тобой!..

Наступило утро. После переклички нам объявили, что все мы предаёмся военно-полевому суду. За что? — всплыл вопрос у каждого. В самом деле, среди арестованных почти не было активных участников

революционного движения. Большинство в тюрьме оказалось впервые и вины за собой не чувствовало. И оттого самая мысль о военно-полевом суде казалась им дикой и невероятной. Весть эта сразу оказала своё действие, и настроение заключённых резко ухудшилось.

Черносотенные организации усиленно распространяли слухи о предстоящем суде. Они говорили, что нас будут судить за измену отечеству, выразившуюся в том, что мы якобы входили в какой-то комитет, организовавший покушения на должностных лиц. Распространяя эти слухи, они рассчитывали запугать нас и наших родственников, чтобы вызвать наиболее слабых на предательство и выявить таким путём действительных виновников убийства Томашевского.

В один из ближайших дней словоохотливый надзиратель сообщил нам, что на рассвете на тюремном огороде произойдёт казнь первых жертв военно-полевого суда.

Ночью мы не смыкали глаз. Рано утром нас выпустили во двор. Надзиратель куда-то ушёл, и мы остались одни. Посреди двора одиноко стояло дерево. Наш товарищ, столяр Котин, забрался на дерево, и ему представилась жуткая картина. За огородом, у отвесной скалы, к столбам были привязаны осуждённые; напротив, в нескольких саженях от них, стоял взвод стрелков. В стороне, вдалеке от осуждённых, находилась группа людей в штатском. От группы отделился человек, в воздухе мелькнул белый платок, раздался залп... Обнажив голову, мы несколько минут безмолвствовали.

... Между тем семьи арестованных продолжали волноваться. Кто-то надоумил их выделить из своей среды делегацию и направить её к военному начальнику Закавказской железной дороги, полковнику Нейге-

бауэру, по распоряжению которого мы были арестованы. Полковник выслушал делегацию и цинично ответил:

— Напрасно беспокоитесь. Арестованные чувствуют себя превосходно. Однако их не освободят до тех пор, пока мы не выявим убийц честного рабочего Томашевского. — Полковник помолчал. Потом продолжал, понизив голос: — Вот если вы искренно уверены в том, что ваши мужья и родственники не принимали участия в организации убийства и помогут мне найти виновных, то всех, не причастных к этому делу, я сейчас же освобожу. Иначе им не миновать ссылки в Сибирь.

Несмотря на то, что жёны и члены семей арестованных были люди различных взглядов, а перспектива иметь на свободе мужей и отцов была весьма заманчива, все до глубины души возмутились подлым предложением Нейгебауэра. Женщины, ругаясь, покинули здание управления Закавказской железной дороги.

Около трёх недель нас никто не навещал. Наконец гора родила мышь! Нам сообщили, что мы подлежим высылке за пределы Кавказа на всё время военного положения.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В октябре всех нас перевели в Метехский замок, а через несколько дней меня и ещё пятнадцать товарищей отправили по этапу в Архангельскую губернию. Вместе с нами шли тринадцать крестьян-аграрников Кахетии во главе с сельским учителем.

В Баку мы не останавливались — бакинские тюрьмы были переполнены. Первой остановкой была тюрьма в городе Петровске, ныне Махач-Кала.

Перепуганное и обезумевшее правительство, оправившись от временной растерянности и страха, жестоко мстило попадавшим в его лапы революционерам. Излюбленным и модным средством расправы, прикрытым невмешательством администрации, стало натравливание уголовных арестантов на политических. Страсти разжигались и направлялись искусной рукой, — уголовные уже успели привыкнуть к своей безнаказанности.

В Петровской тюрьме уголовный мир встретил нас крайне недружелюбно, старосты долгосрочных камер, так называемые «Иваны», командовавшие остальной массой заключённых, сразу же потребовали с нас «контрибуцию» — по нескольку рублей с человека. Обычно террор «Иванов» в царских тюрьмах заставлял многих, а в особенности одиночек, выполнять их требования почти беспрекословно. Но мы решили сопротивляться и, указывая на предстоящий нам долгий путь, предложили им по пятьдесят копеек с человека. «Иваны» перешли к прямым угрозам, обещая напустить на нас всю массу заключённых, которые «вытрясут дочиста ваши пожитки».

Опасаясь неожиданного нападения, мы обратились к тюремному начальству с просьбой, чтобы на время прогулок уголовных наша камера, сообщавшаяся с тюремным двором и доступная для нападения, закрывалась. Начальник тюрьмы, лицемерно согласившись с нами, тем не менее, как показали последующие события, не отказался «поучить» нас.

Дня за два до отъезда из Петровска начальник тюрьмы уехал в город, дав, повидимому, соответствующие указания своим подчинённым. Во время прогулки уголовных надзиратель оставил нашу камеру открытой. Уголовные ворвались к нам и избили одного товарища.

Следующая этапная остановка была в Ростове. В Ростове тюремная администрация под предлогом отсутствия свободной камеры пыталась нас разъединить. Пока мы находились в тюремном коридоре, «Иваны» бесцеремонно подходили к нам, пытаясь разобрать нас по камерам. Однако, научённые горьким опытом, мы не поддавались на эту провокацию, требуя поместить нас в одну камеру. Надзиратели сперва отговаривались отсутствием свободных камер, но затем всё-таки предложили маленькую и тесную камеру, где мы и расположились вповалку прямо на полу.

В Ростове мы пробыли два дня. На нашем пути были ещё две тюрьмы, о которых мы слышали много страшного, — Козлов и Ряжск, но нам посчастливилось их миновать. Следующей нашей остановкой оказалась Бутырская тюрьма в Москве.

Эта тюрьма в центре России была узловым пунктом, куда стекались арестованные со всех концов страны для отправки на север и восток. Здесь находились русские, поляки, евреи, белоруссы, армяне, грузины, татары, литовцы, латыши, эстонцы, украинцы. Наряду с рабочими и крестьянами-аграрниками в Бутырской тюрьме сидело много интеллигентов, торговцев, священников, ксендзов. В партийном отношении здесь также были представлены самые разнообразные группы — социал-демократы, эсеры, бундовцы, польские националисты, дашнаки, анархисты. Количество пересылаемых доходило до трёх-четырёх тысяч человек.

Режим в Бутырках был лучше, чем в других тюрьмах. Двери камер были открыты, и в течение всего дня мы свободно общались друг с другом. Вещи нам разрешали держать в камерах.

Через сочувствовавших нам надзирателей мы установили связь с волей. С помощью Софьи Липинской

и Анны Лобачёвой я систематически получал посылки и деньги от Красного креста для распределения среди нуждавшихся. Посылки нам приносили регулярно, два раза в неделю, в большом количестве. Вместе с посылками иногда удавалось получать литературу.

Раньше чем распределить тёплые вещи, переданные нам с воли, надо было проверить людей. В тюрьме было немало случайных и просто мещанствующих, которые, имея всё в достаточном количестве, не стеснялись получать что-либо дополнительно.

Вспоминаю один из характерных примеров мещанской мелочности со стороны меньшевиков-однопроцессников, шедших со мной в одной этапной группе. Мой товарищ, Филипп Цхомелидзе, прислал для нас больше пуда сахару и пятьдесят рублей. Видя бедственное положение кахетинских крестьян-аграрников, я предложил сахар и деньги передать им, тем более что в нашей группе многие были относительно хорошо обеспечены деньгами. Но именно эта «зажиточная» часть, оперируя очень сомнительными доводами, воспротивилась моему предложению и сумела склонить и остальных. Мне удалось отстоять для крестьян лишь деньги, а сахар решили поделить между собой, с лицемерной оговоркой, что каждый индивидуально будет снабжать крестьян из своего пайка.

В Бутырках сидел ещё до нашего приезда крестьянин из горной Сванетии, громадный детина богатырского сложения. Он был арестован случайно, и вряд ли в тюрьме его сумели допросить толком, так как сванский диалект не совсем понятен грузинам других районов, и наши товарищи объяснялись с ним с трудом.

Парень был захвачен летом, в чувяках на босу ногу, полураздетый, а сейчас он совсем обносился и был почти гол. Его несколько раз назначали к вы-

сылке, но в тюрьме не находилось арестантской одежды по его росту. Одинокий, безъязыкий, никого не понимавший, он сидел в своём углу и сурово глядел на окружающих. Я решил помочь этому крестьянину, не понимавшему, за что он сидит, куда его высылают и кто его окружает. В одном из писем к Липинской и Лобачёвой я попросил достать для него костюм и гвардейские солдатские сапоги. Они сумели где-то раздобыть сапоги, громадную серую офицерскую папаху и приличную, на красной подкладке, генеральскую шинель, бельё, брюки.

Когда мы предложили все эти вещи крестьянину, он вначале отнёсся недоверчиво к нам, подозревая издевку, но затем, одевшись во весь этот пёстрый наряд и осмотревшись, повеселел и стал выходить в коридор, привлекая всеобщее внимание своей богатырской фигурой и генеральским костюмом.

Среди заключённых кипели споры, меньшевики бешено и яростно ругали большевиков, обвиняя нас в семи смертных грехах, в диктаторстве и всячески стараясь использовать то тяжёлое настроение рядовой революционной массы, которое создалось в результате репрессий. В тюрьме шла борьба за политическое влияние на массу.

Новый год мы встречали своеобразно. В одной из больших камер мы устроили собрание, здесь было много земляков-бакинцев, сидевших со мной в Карсе. Разговоры невольно вращались вокруг годовщины прошлогоднего декабрьского восстания и его разгрома. Меньшевики, естественно, запели свою песню: «Не надо было начинать восстания, не надо было браться за оружие», изображая нас, большевиков, виновниками поражения. Мы, в свою очередь, называли их соглашателями и предателями рабочего класса. Страсти разгорались, атмосфера накалилась,

дискуссия приняла бурный характер — дело дошло до ругани, чуть ли не до драки.

В конце января был составлен большой этап в сорок — пятьдесят человек на Архангельск, через Ярославль — Вологду. В Ярославской тюрьме мы не останавливались и прямо с поезда, по льду, пешком перешли Волгу. После нескольких месяцев тюрьмы это была моя первая прогулка на лоне природы. На станции Урочь нас посадили в вагоны. Отсюда до Архангельска шла узкоколейка, вагоны были маленькие, тесные.

В Вологде опять остановились на неделю. В Вологодской пересыльной тюрьме были хорошие камеры. Большое количество политических исключало даже самую возможность использования против нас уголовников.

В Архангельске нас разгруппировали по пунктам ссылки. Мне досталась Пинега.

Путь в двести километров мы, группа в восемь человек, сопровождаемые солдатами, проделали в четыре дня. В Пинеге, небольшом занесённом снегом городке, мы втроем сняли комнату в большом, по тамошним масштабам, двухэтажном деревянном домике и зажили жизнью ссыльных.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Между тем опухоль на груди начала меня серьёзно беспокоить. Пора было обратиться к врачу. Врач, осмотрев меня, сказал:

— Вам надо оперировать опухоль. Операция требует соответствующего инструмента, обстановки, гигиены.

Затем он сел за стол и написал бумажку исправ-

нику с предложением немедленно направить меня в Архангельск «для производства операции». Получив такое заключение, исправник сразу же разрешил мне выехать. Через несколько дней, с соответствующей бумажкой в кармане, я на санях отправился в губернский город.

В это же время в Пинеге отсиживался молодой, лет девятнадцати, ссыльный, бежавший из Кеми. Совершив четырёхсоткилометровый путь, он сидел в Пинеге в ожидании, пока успокоятся власти. Мою поездку ссыльные решили использовать для того, чтобы помочь беглецу добраться до Архангельска. Для маскировки он надел на себя женский костюм. Невысокий и худощавый, в валенках, юбке, большом платке, с выбившейся из-под него прядью волос, он действительно был похож на девушку.

Мы сидели в санях, тесно прижавшись друг к другу. Лошадь легко несла нас по хорошо укатанной дороге. Сверкал под солнцем снег, расстилавшийся далеко вокруг.

В одном из ближайших посёлков наши сани неожиданно окружили стражники.

— Куда путь держишь? — спросил один из них, в дублёном полушубке.

Я извлёк из кармана разрешение, подписанное исправником, и протянул его. Стражник повертел бумажку в руках и вернул мне.

— Ну, а ты, молодка, куда? — сказал он, обращаясь к моему соседу.

Я хотел было сказать, что это дочь моего хозяина, но один из стражников вдруг закричал:

— Мужик, ей-богу, мужик!

Парня стащили с саней, осмотрели.

— Беглый? — спросил стражник в дублёном полушубке. — Ты нам и нужен.

Стражники куда-то повели парня, а тот, в полушубке, сказал:

— Четыре дня ждали — нет. Хотели уж сняться. Опоздай вы на час-другой, ваша спутница, удрала бы...

...И вот я опять в Архангельске. Здесь как-то вдруг у меня созрело решение немедленно бежать. С помощью товарища, отбывавшего в Архангельске ссылку, я достал паспорт на чужое имя. Не заходя в больницу, я через два дня сел в поезд, идущий на Москву.

В Москве у меня был адрес Анны Лобачёвой, жившей на Самотёке. К ней-то я и направился прямо с вокзала. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, вещи я оставил на хранение.

Тут же, в Москве, посоветовавшись с Лобачёвой, я решил сделать то, зачем выехал из Пинеги в Архангельск, — оперироваться. Расчёт был таков: после операции я с неделю отдохну в больничной обстановке от передряг только что пережитого утомительного этапа. Лобачёвой удалось устроить меня к хирургу в Екатерининскую больницу.

Операцию производили студенты под руководством профессора. Благодаря местной анестезии боли я почти не чувствовал, и лишь в конце, когда стали прижигать рану, пришлось потерпеть, стиснув зубы. Перевязывал меня студент. Из операционной меня проводили в приёмную, и здесь, ожидая отправки в палату, я расположился на стуле, чтобы притти в себя. Однако время шло, а за мной никто не являлся. Вышли студенты и профессор, справились о моём самочувствии, попрощались и ушли. Наконец дежурный санитар спросил:

— Что, отдохнули? Чего ожидаете?

Дом по Ванской ул. в Тифлисе, где в 1903 г. помещалась типография „Грузинского товарищества".

Дом по Елизаветинской ул. № 194 в Тифлисе, где жили рабочие железнодорожных мастерских Стуруа В. и др. В комнате этих товарищей в 1898 г. И. В. Сталин провел первое занятие с рабочим кружком.

Горцы-мартышкаты, участники вооруженного восстания в Грузии в 1905 г.

— Жду, когда меня положат в палату.

Санитар рассмеялся:

— Ну, вот ещё, с такими пустяками на койку не кладём.

Надо итти «домой», то есть к Анне Лобачёвой. Я вышел и, расхрабрясь, пытался даже пойти пешком, но сильная слабость заставила меня нанять извозчика; перевязка, сделанная неопытной рукой студента-практиканта, давила и стесняла моё дыхание. Пока я добирался домой, открылось кровотечение. Пришлось в этот же вечер вторично ехать на перевязку в больницу. То, что было сделано плохо в самом начале, не всегда удаётся исправить после, — рана стала гноиться, и я волей-неволей должен был задержаться в Москве дольше, чем сам этого хотел.

Ночевать постоянно у Лобачёвой было неконспиративно, и я, являясь по мере необходимости на перевязку в больницу, менял свои ночёвки. Ежедневно мне приходилось покрывать пешком большие расстояния, так как трамвай и конки далеко не везде ходили; это меня изматывало, слабость не проходила, а рана продолжала гноиться.

Однажды, проходя по Трубной площади, я встретился с тифлисским товарищем Георгием Стуруа. Георгий работал в это время в московской подпольной типографии в страшно трудных условиях и не имел знакомых в Москве. Встрече со мной он обрадовался. Желая облегчить товарищу те немногие часы и дни, когда он мог покидать свой партийный пост, отдыхая после работы в подпольной типографии, я его познакомил с Анной Лобачёвой. Впоследствии Георгий женился на ней.

Рана моя упорно не заживала, но всё же к концу марта на перевязки я стал ходить реже, почувствовал, что мои силы восстанавливаются, и, не ожидая

окончательного зарубцевания, решил всё-таки ехать на Кавказ. По пути свернул в Борисоглебск и в Урюпино к братьям и сестре, которых не видел с тысяча восемьсот девяностого года, а в середине апреля взял билет до Тифлиса.

...И вот я снова в Тифлисе. Вещи оставил на вокзале и зашёл к тёще, чтобы узнать, где семья. Оказалось, что семья жила на старой квартире, рядом.

В Тифлис я попал не во-время, — город был на военном положении, по улицам патрулировали войска, в рабочих районах производились обыски, аресты и облавы. И первую же ночь я провёл в тревоге. Не успел я наговориться с женой и детьми, как прибежала жившая в этом же доме сестра жены и сообщила, что дом окружён войсками и кого-то ищут. По деревянным лестницам затопали тяжёлые сапоги. Жандармы обыскали несколько соседних квартир, чуть-чуть не заглянули к нам, но в общем пришлось отделаться несколькими часами томительного ожидания и неизвестности. Всё обошлось на сей раз благополучно.

Хотя я и не собирался надолго задерживаться в Тифлисе, но эта ночная тревога воочию показала мне всю несообразность пребывания здесь и побудила меня через пару дней уехать в Баку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вскоре после приезда в Баку меня предупредили, чтобы пятого мая я пришёл на собрание актива большевистской организации. Собрание было назначено в доме № 122 по Гимназической улице, в квартире сочувствовавшего нам врача Юделя Левита. Собралось нас девятнадцать человек. Здесь были Николай Со-

лсвьёв, Борис Легран, Ольга Енчмен, Каспаров, Муса Касумов, Николай Кардашев, Николай Цулукидзе и другие. Мы мирно беседовали, ожидая открытия собрания. Неожиданно в комнату вбежал взволнованный Левит.

— Полиция! — проговорил он.

У многих из нас имелись компрометирующие материалы. Когда полицейские ворвались к нам, все бумаги были изорваны в клочки и брошены на пол.

Тщательный обыск, произведённый полицейскими, ничего не дал. Один из полицейских, толстый и неуклюжий детина, тяжело отдуваясь, ползал по полу и собирал клочки бумаги.

— Ничего не поймёшь, — поднявшись с пола, докладывал он своему начальнику. — Очень мелко порвано.

Несмотря на безрезультатность обыска, нас всё же арестовали. Пять человек через несколько дней были освобождены, а остальные четырнадцать заключены под стражу.

В тюрьме я пробыл около двух месяцев. В начале июля меня выпустили, вследствие болезни, на поруки. Поручился за меня Александр Васильевич Винтер, ставший к тому времени директором бакинских электростанций.

Выйдя из тюрьмы, я узнал, что в Баку приехал Иосиф Джугашвили — Коба. Его появление в городе сразу почувствовалось. На всех промыслах и заводах значительно обострилась борьба с меньшевиками и эсерами.

Обстановка в Баку сложилась напряжённая. Наша большевистская организация ещё не успела оправиться от разгрома, учинённого властями. Провал в квартире Левит ещё более подорвал силы организации. Этим, конечно, воспользовались меньшевики и

эсеры, усилившие наскоки на большевиков. Они распространяли самые гнусные и вздорные небылицы о большевиках, рассчитывая таким путём вызвать среди рабочих недоверие к нам.

На долю небольшой группы товарищей, оставшихся на воле, выпала весьма тяжёлая и ответственная задача. Степан Шаумян, Сурен Спандарян, Прокофий Джапаридзе, Серго Орджоникидзе, Аполлон Гванцеладзе, Павле Сакварелидзе, Миша Кучуев, Яков Кочетков, Миша Мельников, Ваня Ульянов, Евстафий Руденко, повседневно ведя агитацию и пропаганду, постепенно открывали глаза рабочим, пробуждая их. Коба, приехавший в Баку с пятого, Лондонского съезда партии, сплотил большевистские силы и повёл решительное наступление на противников. В этот же период в Баку работал и К. Е. Ворошилов. Постепенно, шаг за шагом, большевики отвоёвывали у меньшевиков их позиции.

Я находился под гласным надзором полиции. Не имея работы и располагая поэтому свободным временем, я иногда приходил в тюрьму на свидание с товарищами. Пропуск я обычно получал в канцелярии градоначальника. Придя однажды в канцелярию, я случайно встретился там с градоначальником Шубинским.

— Что вам здесь нужно? — спросил он.

Чиновник, ведавший пропусками, поспешно ответил, что я иду в тюрьму на свидание.

— Как? — всплеснул руками Шубинский. — Вы ходите на свидание к революционерам?..

Он набросился на меня, возмущался моим поведением. Он говорил, что его заверили, будто я ничего общего не имею с революционерами, что я слу-

чайно оказался на собрании и поэтому он меня и освободил.

— Кроме того, — продолжал Шубинский, — у меня появились сведения, что вы бываете на промыслах и ведёте там пропаганду. Не так ли это? Учтите, что если ко мне ещё раз поступят сведения о вашей вредной деятельности, вы будете немедленно арестованы.

Я ответил Шубинскому, что не вижу ничего преступного в свиданиях с арестованными, с которыми раньше сидел в одной камере.

— Что же касается моих посещений промыслов, то здесь какое-то недоразумение. Я хожу без работы, и ищу её всюду. Если же поиски работы могут быть так истолкованы, то я предпочту выехать из Баку и прошу дать мне эту возможность.

Шубинский отрицательно покачал головой.

— До окончания следствия, — сказал он, — вы никуда не выедете!

После такой «приятной» встречи я понял, что нужно покинуть Баку. Куда ехать? Опять в Тифлис? Нет, товарищи не советуют. Куда же? В Москву?

И пока я перебирал в памяти города, мне передали полученный из Питера, от Леонида Борисовича Красина, ответ на моё письмо. Он писал, что если я имею возможность выехать в Питер, то он мне найдёт работу.

Я ухватился за это предложение. Питер! Центр революционной работы, город, где начинал строить нашу партию Ленин. Я поеду, немедленно поеду туда! — твёрдо решил я.

Но уезжать под своей фамилией я не мог. Я находился под надзором полиции, и меня сразу нашли бы. Как быть? Где найти паспорт? Согласился меня выручить Евстафий Руденко. Он дал мне свою бессрочную паспортную книжку, которую я обязался воз-

вратить ему после того, как пропишусь в Питере и устроюсь там на работу.

В конце июля, по совету товарищей, я направился к Кобе. Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой. Он оторвался от книги, встал со стула и приветливо сказал:

— Пожалуйста, заходи.

Я сказал Кобе о своём решении выехать в Питер и об обстоятельствах, вынуждающих меня предпринять этот шаг.

— Да, надо ехать, — произнёс Коба. — Житья тебе Шубинский не даст.

Внезапно Коба вышел в другую комнату. Через минуту-две он вернулся и протянул мне деньги. Видя мою растерянность, он улыбнулся.

— Бери, бери, — произнёс он, — попадёшь в новый город, знакомых почти нет. Пригодятся... Да и семья у тебя большая. — Потом, пожимая мне руку, Коба добавил:

— Счастливого пути, Сергей!

Через несколько дней, в первых числах августа, я уже сидел в душном вагоне. Пробил третий звонок. Медленно и плавно тронулся поезд.

Что-то ждёт меня в Питере? [1]

---

[1] Материал, подготовленный С. Я. Аллилуевым для второй книги, частично был опубликован в периодической печати при жизни автора.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Секретное донесение временно исполняющего должность Начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции

от 20 июля 1900 г.

По полученным мною агентурным сведениям, в тифлисских главных мастерских Закавказской железной дороги замечается значительное брожение и предполагается в неопределенном времени стачка, имеющая целью добиться увеличения заработной платы или же сокращения рабочего дня до 8 часов. Руководящая роль в этом движении принадлежит токарному цеху, который предполагает во время стачки привести в негодность все предметы, находящиеся у него в работе.

Донося о сем департаменту полиции, имею честь присовокупить, что об изложенном мною одновременно с сим сообщается начальнику Тифлисского жандармского полицейского управления железных дорог и вместе с тем помещается агент на службу в токарный цех.

За вр. и. д. начальника управления штаб-ротмистр (подпись)

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции

от 29 июля 1900 г.

В дополнение к донесению от 20 сего июля за № 3398, имею честь донести департаменту полиции, что дальнейшим наблюдением за рабочими тифлисских мастерских Закавказ-

ской железной дороги выяснилось, что значительная часть рабочих токарного цеха перестала ходить на вечерние работы и начала препятствовать в том своим товарищам, что среди рабочих происходит весьма значительное волнение, выражающееся в группировании как на службе, так и вне оной, человек по 5—7, в перешептывании, тревожном оглядывании при разговорах, что главным предметом неудовольствия является, повидимому, то обстоятельство, что начальство железной дороги, исполнив требование рабочих о том, чтобы к 1 июля жалование было бы увеличено большему числу рабочих, чем делалось в прежние годы, назначило прибавку лишним рабочим, «как бы на смех», всего на 5 коп. в день, что рабочие готовятся к забастовке, имеющей целью добиться повышения платы и уменьшения рабочего дня, что для этого будто бы в субботу, сего числа, предположена сходка, на которой какой-то студент будет разъяснять рабочим существующие для них правила, что некоторые из рабочих советуют товарищам копить деньги на случай забастовки и что, наконец, один из подозреваемых подстрекателей, рабочий токарного цеха Самчкуашвили, обратившийся по начальству с просьбой о разрешении ему отправиться на время в Париж, едет исключительно с целью ознакомиться с положением рабочих в Западной Европе, дабы по возвращении ознакомить с этим делом своих товарищей.

21 сего июля начальник тифлисского отделения Тифлисского жандармского полицейского управления железных дорог сообщил мне на словах, что между рабочими токарного цеха замечается значительное волнение, причем указал семерых рабочих: Аллилуева, Самчкуашвили, Бажанова, Выгорбина, Татаринова, Мачабели и Рабиновича, как подозреваемых в подстрекательстве, а 26 сего же июля вечером названный начальник отделения, явясь в управление, от имени начальника Тифлисского жандармского полицейского управления железных дорог на словах заявил мне, что настроение рабочих весьма неблагоприятно и что является необходимым, в устранение возможности возникновения стачки, арестовать по охране всех предполагаемых подстрекателей, уже мне сообщенных, и некоторых других, имеющихся у него на заметке. Не имея никаких официальных сообщений о проявлениях волнения рабочих, а равно и указаний, в чем именно был замечен каждый из подозреваемых и не располагая по сему предмету материа-

лом, кроме результатов агентурного наблюдения, я не признал возможным приступить к арестам, и тем более массовым, ранее подробного ознакомления со всеми обстоятельствами и обсуждения положения дела, а потому и высказался о необходимости в данном случае составить совещание применительно к циркуляру департамента полиции к гг. губернаторам от 12 августа 1897 года за № 7587.

27 июля сего года вечером и. д. губернатора статским советником Стефановичем было устроено совещание, на коем участвовали: начальник Тифлисского жандармского полицейского управления жел. дор., начальник тифлисского отделения того же управления, начальник главных мастерских Кавказской железной дороги Стржемецкий, полицмейстер и я.

На этом совещании и бывшем на следующий день выяснилось следующее:

1-го января и 1-го июля каждого года, тем из рабочих некоторых цехов мастерских железной дороги, которые усовершенствовались в своем мастерстве, производится увеличение жалования, причем таких рабочих берется обыкновенно человек 200—300. 28 июня сего года рабочие мастерских сделали заявление о том, чтобы прибавка жалования была распространена на значительно большее число лиц и чтобы достойные прибавки выбирались не начальством, а самими рабочими. Начальство дороги во второй части заявления отказало рабочим, первую же исполнило, дав прибавку жалования почти 500 человекам, причем всем лишним сверх предполагавшейся сметы увеличило жалование на 5 коп. в день. Рабочие, повидимому, успокоились, но 11 июля токарный цех, численность коего приблизительно 200 человек, стал скопом просить, чтобы вечерние занятия были отменены, так как они очень устают, особенно в такое жаркое время. На этих занятиях вообще остаются только желающие, но если есть срочная работа, то потребное число рабочих обязано остаться. Два дня рабочим было предоставлено не ходить на вечерние занятия. Они потребовали, чтобы и машины в цехе не были бы пускаемы в ход, дабы таким образом не допустить на вечерние занятия и ту часть рабочих, которая желает работать; так как это уважено не было, то рабочие стали путем убеждений и угроз сами действовать на не согласных с ними товарищей; так, по заявлению токаря Павла Иваненко, 26 или 27 числа сего месяца к нему подошли двое рабочих, Иван Буашвили и Эриков, стали говорить, зачем он работает,

отчего не поддерживает братства, разве не хочет получить того, чего все добиваются, причем был даже один случай заявления одного рабочего, что ему по возвращении с вечерних занятий нанесены побои неизвестным лицом. Вечерние работы однако продолжались, и в среднем на них было ежедневно около 60 человек.

25 июля бригадир того же токарного цеха Фунт[1], в ведении которого состоит два или три человека, объявил своим рабочим, что дана срочная работа и что потому вся бригада должна притти на вечерние работы; мастеровые Татаринов и Киктев ответили, что они не придут. Фунт[1] заявил об этом мастеру цеха для представления названных лиц к увольнению, согласно существующим правилам, тогда значительная часть рабочих цеха отправилась также к мастеру и стала требовать, что [бы] названные рабочие не были бы уволены. На следующий день 26 июля сего года, рабочие того же токарного цеха, прервав работу, скопом обратились сначала к мастеру, а затем вторично к начальнику мастерских с требованием, чтобы Фунт[1] был уволен. Требование свое они мотивировали перед мастером тем, что Фунт[1] выдает своих рабочих, а перед начальником мастерских тем, что названный бригадир производит хищение казенного имущества. Начальник мастерских объявил собравшимся, что, если кто из них имеет что-либо против Фунта[1], или какие-либо доказательства его злоупотреблений, то чтобы каждый заявил отдельно, а не скопом, что все это рассмотрится и будет произведено дознание. Предъявляя мастеру требование об увольнении Фунта[1], рабочие грозили, что в случае неисполнения этого требования они вовсе не придут завтра на работы.

Все эти обстоятельства в связи с общим возбужденным состоянием рабочих токарного цеха привели начальство Тифлисского жандармского полицейского управления железных дорог к убеждению, что рабочие неминуемо создадут забастовку, что всякие предупредительные домашние меры теперь уже бесцельны и что в устранение возобновления стачки единственным средством является немедленный арест всех предполагаемых подстрекателей, приблизительно в числе человек 12, так как за завтрашний день ручаться совершенно нельзя.

---

[1] Ошибка. Следует Пфунт. — *Ред.*

Совещание вечером 27 июля не пришло ни к какому решению, так как я, не усматривая по своим агентурным сведениям возможности возникновения стачки завтра, не нашел правильным приступить к массовым обыскам, не ознакомившись со взглядом на этот предмет начальника края и без предварительной выработки мер со стороны начальника дороги, параллельных моим действиям, а также предупредительных мер, на случай если бы обыски вызвали беспорядки.

Пользуясь данным мне генерал-лейтенантом Фрезе указанием во всех экстренных случаях просить разрешения приезда к нему в Коджоры по телеграфу, я 28 сего июля утром послал соответствующую телеграмму, на каковую и получил предложение явиться к его превосходительству.

В совещании 28 сего июля, происходившем днем в квартире и. д. губернатора статского советника Стефановича, участвовали, кроме лиц, бывших на первом совещании, еще следующие: и. д. прокурора тифлисского окружного суда Клуген, правитель канцелярии губернатора и чиновник по особым поручениям при губернаторе князь Мухранский. Начальник дороги инженер Веденеев не прибыл по нездоровью и нахождению в Мцхете; вместо него приехал начальник службы тяги, инженер Вартенбург.

Ко времени этого заседания положение дела в мастерских значительно ухудшилось: вагонный цех заявил, что он тоже не желает ходить на вечерние работы и толпой обратился к мастеру с требованием об удалении бригадира Гамкрелидзе, а сборный цех потребовал отмены § 16 Положения о мастеровых и рабочих в мастерских и депо, в коем сказано, что если рабочий по какой-либо уважительной причине не может явиться на работу, то обязан сам, или через другое лицо, довести немедленно до сведения начальства, с указанием причин неявки и что в противном случае время невыхода на работу считается прогульным и за каждый прогульный день вычитается полдня от прежнего заработка. Требования эти сопровождались временным прекращением работ и потребовали продолжительных объяснений с рабочими.

Кроме того, поступили следующие заявления: 1) от рабочего токарного цеха Редькина, что 27-го вечером, возвратясь с работы домой, во дворе его квартиры неизвестный человек нанес ему несколько ударов палкой по спине и рукам, сви-

детелем чего был чернорабочий Валентий Павляк; 2) от бригадира того же цеха Ивана Калюшки[1], что того же 27-го числа вечером по окончании работ он зашел в духан Микхака, находящийся в той части, где он квартирует, но уже за городом, в районе Тифлисского уезда; по выходе из этого духана на названного бригадира напали неизвестные люди и стали наносить ему удары палками по голове и рукам; и 3) от мастера токарного цеха Бепомберга[2] о том, что его хотят побить; сведения эти ему сообщил помощник кузнечного мастера, жене которого говорил об этом машинист депо Янсен.

На совещании мною был поставлен вопрос таким образом: считает ли железнодорожное начальство (начальник дороги и начальник жандармского управления), что все предупредительные меры, как то: увольнение от службы подозреваемых в подстрекательстве, увещания рабочих и прочее, в настоящее время уже бесцельны, что предотвратить стачку они своими силами не могут, что нельзя ручаться за завтрашний день и что потому требуются немедленно энергичные меры. В таком случае мною сегодня же будет приступлено к необходимым действиям по предварительному том докладу исполняющему обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Начальник Тифлисского жандармского отделения высказал, что никакие другие меры, кроме арестов, недействительны и что ручаться за завтрашний день нельзя; инженер Вартенбург не согласился с этими соображениями и заявил, что в действиях рабочих он не видит ничего угрожающего и что начальник дороги сделал распоряжение о том, чтобы завтра в 11 часов были собраны все цеховые мастера, с которыми он намерен переговорить.

Ввиду последнего заявления и высказанного начальником местного жандармского отделения мнения, что завтра, вероятно, еще не произойдет крупных беспорядков, статский советник Стефанович предложил вновь собраться завтра днем, после того как начальник дороги переговорит с цеховыми мастерами.

По окончании совещания я немедленно выехал в Коджоры. Генерал-лейтенант Фрезе высказал, что аресты он ни в каком случае не считает предупредительной мерой, а на-

---

[1] Калягин. — *Ред.*

[2] Блюмберга. — *Ред.*

оборот — мерой, могущей создать беспорядки, а потому должно считать, что момент вмешательства губернаторской власти наступит в данном случае лишь тогда, когда начальник дороги заявит о своем бессилии, или же состоится стачка. По просьбе статского советника Стефановича, по возвращении в г. Тифлис, я сейчас же сообщил ему высказанный генерал-лейтенантом Фрезе взгляд на настоящее дело.

28 июля вечером вагонный цех вновь толпой заявил требование об удалении бригадира Гамкрелидзе, токарный же цех никаких требований не заявил. В течение сего дня работы производились правильно и никаких заявлений рабочие не делали.

На состоявшемся сего числа совещании начальник дороги инженер Веденеев заявил, что, несмотря на то, что положение дела со вчерашнего дня не ухудшилось, он считает, что настроение рабочих крайне нежелательное, что стачка неизбежна и что, к предотвращению ее он бессилен, а потому вполне соглашается с мнением начальника жандармского полицейского управления железных дорог о необходимости принятия энергичных мер.

Ввиду сего совещанием было признано необходимым принять решительные меры по моему усмотрению, с тем чтобы на другой день, по выполнении предстоящих следственных действий, с утра было бы вывешено во всех цехах, за подписью начальника главных мастерских, объявление, при сем представляемое, и усилена полицейская охрана.

Означенные меры решено отложить до отъезда из Тифлиса его императорского высочества великого князя Кирилла Владимировича, предполагающего отбыть из города в понедельник, 31 июля сего года.

За вр. и. д. начальника управления штаб-ротмистр ЛАВРОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Объявление

рабочим тифлисских мастерских

В течение июля месяца рабочие тифлисских главных мастерских неоднократно допускали тяжелые нарушения основных правил порядка работы в мастерских, а именно:

1) собирались толпами в помещении мастерских; 2) заяв-

ляли толпой начальствующим мастерских разные просьбы и желания свои (часто вполне неосновательные и неисполнимые), несмотря на воспрещение закона действовать толпой; 3) некоторые отказывались от исполнения данных им старшими распоряжений; 4) оставляя порученное дело, ходили по мастерским, занимаясь разговорами и отвлекая других от работ и, наконец, 5) пожелали присвоить себе не предоставленное им и не могущее быть предоставлено право требовать увольнения тех или других лиц из числа рабочих мастерских.

Такое нарушение порядка в мастерских не может быть далее терпимо, а потому объявляется, что все рабочие, которые будут замечены в возбуждении других или в выполнении лично такого рода беспорядков, будут подвергнуты строгим взысканиям, а именно: понижению поденной платы, а более виновные — увольнению от службы.

Для пользы самих рабочих мастерских дается им совет прекратить нарушение порядка.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции

от 1 августа 1900 г.

В дополнение к донесению моему от 29 минувшего июля за № 3520 имею честь донести департаменту полиции, что 29, 30 (воскресенье) и 31 минувшего июля никаких видимых проявлений волнения рабочих главных мастерских Закавказской железной дороги не обнаружилось; сборищ в питейных заведениях и на улицах не было, группирований и перешептываний также не замечалось, работы 29-го и 31-го шли правильно. В местах расквартирования рабочих стояли усиленные полицейские посты и патрули.

В ночь с 31 июля на 1 августа чинами вверенного мне управления были обысканы и арестованы предполагаемые главные подстрекатели рабочих к беспорядкам, именно: мастеровые токарного цеха — Федор Николаев Татаринов, Николай Васильев Выгорбин, Лаврентий Захаров Самчкуашвили

Электрическая подстанция № 102 в Биби-Эйбатском районе. Здесь в 1907 г. происходили подпольные заседания самой крупной большевистской ячейки, на которой выступал И. В. Сталин на диспуте с меньшевиками.

Баиловская тюрьма в Баку.

Нефтяные промыслы в Баку. 1903—1905 гг.

и Василий Андреев Бажанов и вагонного цеха — Никифор Беридзе. Из числа названных лиц — Татаринов состоит под особым надзором полиции, как обвиняемый по дознанию при Тульском губернском жандармском управлении о социальной пропаганде среди рабочих, а Выгорбин привлекался в качестве обвиняемого к переписке о стачке бывшей в тех же мастерских Закавказской железной дороги в 1898 году.

С утра сего числа во всех мастерских было вывешено объявление, в копии приложенное к моему донесению за № 3520. Рабочие явились своевременно, и до завтрака работы производились правильно, через несколько же времени по возвращении от завтрака, именно в 9 часов, мастеровые токарного цеха прекратили работы, причем было замечено, что по цеху перед тем пробежало несколько рабочих вагонного цеха. Мастеровые токарного цеха, ничего не заявив мастеру, вышли из помещения, где осталось не более 20 рабочих, причем один из рабочих крикнул: «Нужно освободить арестованных». Вслед за токарным цехом вышел и вагонный; соединившись вместе, они двинулись в другие цехи, начиная со столярного и кончая депо, своим давлением заставили всюду прекратить работы, и рабочие к 10 часам утра разошлись без шума в разные стороны. Одна группа сделала было попытку остановить маневрировавший паровоз, но сейчас же была удержана своими товарищами.

Мастеровой Михаил Тушмалов, заподозренный сего числа в подстрекательстве к забастовке, доставлен во вверенное мне управление и заключен под стражу.

В 12½ часов дня на квартире и. д. губернатора статского советника Стефановича состоялось совещание, определение коего при сем представляется в копии.

Сего числа ночью мною предположено произвести ряд арестов заподозренных подстрекателей в целях скорейшего изъятия того элемента, который препятствует восстановлению работ.

К сему считаю долгом присовокупить, что, по полученным мною агентурным сведениям, большинство рабочих прекратило работы против желания, и многие среди товарищей громко высказывают свое неудовольствие против подстрекателей.

За вр. и. д. начальника управления штаб-ротмистр ЛАВРОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

Определение совещания, созванного на квартире и. д. губернатора Стефановича

от 1 августа 1900 г.

Совещание, ознакомившись с сведениями о происшедшем в 9 часов утра прекращении работ рабочими мастерских и депо Тифлис Закавказской железной дороги и о том, что при забастовке не было заявлено рабочими никаких претензий или требований, обсудив все обстоятельства дела, признало нужным:

1) Не давать свисток вызова рабочих на работы сегодня, 1 августа, после обеда и вывесить немедленно объявление в мастерских Дидубе и Нахаловке, что вследствие самовольного прекращения работ рабочими главные тифлисские мастерские закрываются и работы в них прекращаются до 4 августа.

2) Объявить 2 августа, что рабочие главных мастерских должны начать работы утром 4 августа по свистку, и те из них, которые не явятся на работы, будут считаться заявившими нежелание служить на дороге и немедленно уволены; расчеты же им и паспорта будут выданы 6 августа, в помещении нового лазарета, от 8 до 12 часов утра, расчеты, деньги и паспорта рабочих, не получивших таковых 6 августа, без уважительных причин, известных администрации мастерских, будут переданы полиции для высылки в места родины или присылки для вручения по принадлежности. В конце объявления присовокупить, что всякое нарушение порядка будет тотчас подавлено, а зачинщики и подстрекатели будут подвергнуты аресту и высылке. Благоразумные рабочие, явившиеся на работу, могут быть уверены в полном ограждении их личности и безопасности.

3) Вывесить в депо объявление с требованием немедленно возобновить работы под опасением увольнения лиц, которые не явятся на работы.

4) Принять усиленные меры полицейской охраны работ в депо и рабочих депо, чтобы рабочие мастерских силой не заставляли рабочих депо прекращать работу, и установить наблюдение за зданиями мастерских и водокачки в Муштаиде.

Подписали: К. Стефанович, и. д. прокурора окружного суда Клуген, полковник фон Глен, за вр. и. д. начальника

Тифлисского губернского жандармского управления штаб-ротмистр Лавров, полицмейстер К. Ковалев и начальник Закавказских железных дорог Е. Веденеев.

С подлинным верно: штаб-ротмистр ЛАВРОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ

Письмо мастеровых Закавказской железной дороги

Господин начальник,

Мы, мастеровые, прекратили работы, говоря иначе «забастовали». Нашей стачке вы дали политическую окраску; признали бунт, произвели аресты. Подумали ли вы, что делаете?

Мы на рубеже 20 столетия. Живем в стране, управляемой монархом, великодушию которого нет пределов. Милостью нашего великого повелителя облегчена участь преступников, каторга — на пороге к уничтожению, за границей — конгрессы с идеями гуманности человека. Что же мы видим здесь, у нас, под нашей рукой? Каторгу под маской свободной профессии. Какая ирония! Вы, начальники, живущие за счет казны, забыв все, чем человек отличен от скота, ведя жизнь, полную отвратительных пороков, забыли о «малых сих», эксплоатируемых вами. Казна не может быть эксплоататором. Люди, обремененные семьями, изнывают в тяжелой обстановке мастерских, под бременем адской работы за 60 коп., много 1 руб. в день, нередко вынося побои от мастеров и бригадиров, этих лакейских душ. Да, побои!!!

Помилуйте, вы, начальники, что значит выносить побои! А штрафы за самую малую провинность! И это на святой Руси, под ведомом интеллигенции, вроде вас и прочих! Что сделали вы для нас, мастеровых? Кроме ограничений, ничего. Спросите свою совесть, если она у вас есть, были ли вы тем начальником, на которого можно было бы надеяться, что он вникнет в наше положение и протянет руку помощи! Никогда! Жалкие эксплоататоры стращают увольнением и расчетом. Это нас мало пугает. Вы спросите, что нам нужно? Мы отвечаем:

1) безусловное уничтожение побоев.

2) увеличение платы с 60 коп. на 50%, а свыше 1 р. — на 30%,

3) уничтожение штрафов и «нулей»,

4) улучшение гигиенических условий мастерских,
5) улучшение обращения мастеров с мастеровыми,
6) уничтожение сверхурочных работ,
и 7) освобождение заключенных в тюрьму наших товарищей.

Только выполнение этих требований заставит нас продолжать работы, а без этого ни один человек не переступит порога мастерских, хотя бы пришлось умирать с голоду или в тюрьме.

Это единодушное решение 4000 человек. Мы пострадаем и умрем за идею, добиваясь правды и справедливости.

Только эти два светоча — наша цель, а девиз: в *единении — сила*. Итак, если в вас есть чувство человеколюбия, вникните в положение наше и содействуйте выполнению наших просьб. Поверьте, что в грудях мастеровых тоже бьются человеческие сердца, а заскорузлые руки высоко держат знамя с идеями честного труда и человеколюбия.

Угрожать мы не будем — слишком низко, но и вы будьте человеком, не разрывайте этой слабой нити, связывающей нас с вами.

Помните, что это письмо есть вопль четырех тысяч душ. Обращаем ваше внимание на то, что если просьба наша не будет уважена, то от Батума до Баку все низшие служащие прекратят службу, а затем прекратится и движение.

Мастеровые Закавказской железной дороги.

Письмо это просим сохранить как доказательство того, что мы были далеки от лжи и добивались правды и сочувствия.

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции

от 10 августа 1900 г.

В дополнение к донесению от 7 сего августа за № 3629 имею честь донести департаменту полиции, что 8 августа на работы в железнодорожные мастерские прибыло 392 человека, 9 августа — 490, сего числа — 460. Помощники машинистов, подавшие анонимное заявление, в копии при сем представляемое, также продолжают еще не все являться на службу, что вызвало некоторое сокращение движения поездов, именно: по негласным сведениям, 8 августа было выпущено на два то-

варных поезда меньше, чем обыкновенно, а 9-го на один. Все эти обстоятельства побудили начальника дороги инженера Веденеева обратиться с просьбой о назначении на железнодорожные работы нижних чинов Кавказской саперной бригады. На посланную по сему поводу телеграмму в Петербург начальнику бригады генерал-майору Марьянову, последний ответил, что для такого распоряжения необходимо просить военного министра, почему начальник дороги и послал соответствующую телеграмму министру путей сообщения. По докладе сего числа обстоятельств настоящего дела и. об. главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, его превосходительство разрешил своей властью назначать потребное число нижних чинов саперов в пределах до 500 человек, о чем и доносится военному министру.

8 августа жены арестованных рабочих в числе около 70, прибыв в канцелярию губернатора, требовали освобождения своих мужей. Прибывший полицмейстер разъяснил им, что мужья их освобождены быть не могут, и предложил разойтись, что они и исполнили. Того же числа было наблюдаемо две сходки помощников машинистов: одна в саду «Муштаид», а другая на квартире уволенного от службы помощника машиниста Иванова. В этот же день появились расклеенными и разбросанными по городу в небольшом количестве воззвания, в копии при сем представляемые; воззвания «К помощникам машинистов» были гектографированы, а малые, с обращением «Товарищи» — отпечатаны.

9 и 10 августа никаких внешних проявлений движения железнодорожных рабочих не замечалось.

По возбужденной по сему делу переписке в настоящее время привлечено и заключено под стражу 64 человека. Кроме лиц, упомянутых в предыдущих донесениях, вновь арестованы следующие: 1) Константин АФАНАСЬЕВ, 2) Исидор ОБОЛАДЗЕ, 3) Александр ШЕНГЕЛИЯ, 4) Самуил РАБИНОВИЧ, 5) Герасим КАЧЕХИДЗЕ, 6) Михаил ГОТАЛЬСКИЙ, 7) Прокофий ДЖАПАРИДЗЕ, 8) Павел ПУШКАРЕВ, 9) Михаил ГУРИШИДЗЕ, 10) Захарий ВАШАКИДЗЕ, 11) Парсег ХАЧАТУРОВ, 12) Александр КОПАЛЕЙШВИЛИ и 13) Самсон КЕВЛИШВИЛИ.

Большинство из перечисленных лиц, именно — Афанасьев, Оболадзе, Шенгелия, Качехидзе, Вашакидзе, Копалейшвили и Кевлишвили, арестовано за подстрекательство и угрозы рабочим, продолжающим ходить на работы; первые шесть из

них — бывшие рабочие железнодорожных мастерских; последний, Кевлешвили, прежде служил стрелочником, а ныне содержит харчевню на пути следования рабочих из мастерской домой.

Рабинович подлежал аресту еще со времени возникновения переписки, как лицо, крайне вредно влиявшее на товарищей и принимавшее деятельное участие в подготовлениях к забастовке; арест его был замедлен за нерозыском, ввиду неимения сведений об адресе.

Готальский и Хачатуров уличены в распространении и расклейке воззваний.

Гуришидзе еще во время забастовки наборщиков (в июле сего года) был замечен в весьма частых и подозрительных сношениях с Родзевичем-Белевичем, содержащимся ныне под стражей по подозрению в агитации наборщиков; затем он поступил на механический завод Яралова, где, по негласным сведениям, был одним из главных подстрекателей к забастовке, происшедшей на этом заводе 2 сего августа, ныне же, не имея никаких занятий, он неоднократно замечался в сношениях с подозрительными железнодорожными рабочими и помощниками машинистов, причем присутствовал даже на сходке последних, бывшей 8 сего августа в саду «Муштаид».

Что касается Павла Пушкарева, бывшего студента, состоящего ныне под особым надзором полиции, и бывшего ученика Тифлисского учительского института Прокофия Джапаридзе, то поводом к аресту их послужили следующие обстоятельства: получив агентурное сведение, что рабочим в деле забастовки помогают какие-то студенты, и приняв во внимание, что бывший студент Пушкарев, уже ранее уличенный в участии по фабрикации воззваний, вместе с каким-то грузином, оказавшимся впоследствии Джапаридзе, весьма внимательно следит за движением рабочих, появляясь в стороне во всех случаях скопления забастовавших рабочих, — я 7 сего августа, задержав Джапаридзе, произвел обыск как у него, так и у Пушкарева. У Джапаридзе было найдено: 1) письмо из Владикавказа от 14 минувшего июля, от его товарища Николая Домостроева, весьма загадочное, в коем, между прочим, повидимому, в отношении Тифлиса, говорится: «В воздухе чувствуется духота, не быть ли грозе?! О, если бы!!! Душно без ж... (или «сч»...)», в конце же письма помещена такая приписка: «Будь цель — мудр»; 2) цинковая ванночка для гектографа; 3) банка с остатком гектографических чернил;

4) клочок бумажки с адресом Пушкарева и каким-то другим, весьма загадочным: «Измайлов, левая пустошь, ворота, двор, лесенка, площ. стена, балкон, крыша, труба», Джапаридзе пытался уничтожить эту записку, но ее успели отобрать, и порванные части склеены.

У Пушкарева найдено: 1) рукописный экземпляр «Торжество коммунистической партии» и 2) несколько листов бумаги, употребляемой для печати.

Об обыске упомянутого Домостроева, адрес коего оказался в отобранной переписке, послана телеграмма.

К сему имею честь присовокупить, что волнение рабочих обнаружилось и на частных фабриках и на заводах города Тифлиса, именно: в начале июля забастовали папиросники на табачной фабрике Сафарова, в числе 20 человек; 25 числа того же месяца забастовали также папиросники (200 человек) фабрики Базарджианца; 2 сего августа произошла забастовка на механическом заводе Яралова, где работает до 200 человек; затем забастовали мундштучники табачной фабрики Энфиаджианца, к коим 7 сего августа присоединилось 8 укладчиков, четверо из них, однако, 9 августа возобновили работы; 8 августа 10 человек подмастерьев мастерской обуви Сафарова прекратили работы, требуя увеличения заработной платы, а сего числа обнаружилось волнение и среди рабочих кожевенного завода Адельханова. Подробные сведения по поводу перечисленных забастовок будут представлены дополнительно.

Сего числа мною получены негласные сведения о том, что 7 сего августа в 8 часов утра после завтрака железнодорожные рабочие на станции Елисаветполь прекратили работы и предъявили своему начальству какие-то требования, назначив для выполнения этих требований четыре дня срока и угрожая в случае отказа окончательно забастовать.

Так как по сему поводу из жандармского полицейского управления железных дорог никаких сведений еще не поступало, то я, имея в виду, что поздние сообщения крайне вредно отражаются на дознании, препятствуя развитию наблюдения и тем заставляя в негласном розыске итти ощупью, — просил распоряжения начальника названного управления о немедленном подробном сообщении всех обстоятельств дела помощнику начальника сего управления в Елисаветпольской губернии, командировав одновременно с тем в г. Елисаветполь одного агента.

За вр. и. д. начальника управления штаб-ротмистр ЛАВРОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Господину начальнику главных мастерских Закавказских железных дорог и депо в г. Тифлисе

Мастеровых и чернорабочих оных мастерских и депо

Заявление

Ни для кого, смеем думать, не тайна, что узаконив 10-часовой рабочий день во всех казенных промышленных заведениях, тем самым правительство само признало теоретически всю тяжесть того вреда, какую нам, рабочим, на практике приходится испытывать.

Ясно, как божий день, также и то, что получаемая ныне нами мизерная заработанная плата в связи с неслыханным еще у нас в Тифлисе поднятием цен на предметы первой необходимости, совершенно упраздняет закон о нормировке рабочего дня, ставя нас в необходимость до ненормальности удлинять рабочий день, т. е. сокращать непосильными работами нашу жалкую жизнь, чтобы продлить таковую наших семейств.

Все эти и многие другие, столь же тяжелые обстоятельства принуждают нас заявить вам следующие наши требования:

1) Уничтожение вечерних сверхурочных работ, т. е. практического осуществления закона, теоретически уже признанного.

2) Повышение поденной рабочей платы рабочим; получающим до 1 рубля — на 50%, свыше 1 рубля — на 30%.

3) Повышение тарифа аккордных работ пропорционально увеличения поденной платы и вывешения такого тарифа во всеобщее сведение.

4) Отмены штрафов, налагаемых за пропуск работ без предварительного заявления от одного до трех дней включительно.

5) Выдача рабочей платы в месяц два раза.

6) Безусловного воспрещения мастерам и бригадирам грубого обращения с рабочими.

7) Улучшения в гигиеническом отношении условий работ в мастерских.

8) Вывешение ответа на наши требования в районе рабочего населения.

9) Освобождения из заключения незаслуженно арестованных наших товарищей.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

ЛИСТОВКИ

I

Товарищи!

Нигде труд не поставлен в такие ужасные условия, как у нас. Нигде созидатели всех материальных благ не прозябают в такой нищете, как у нас! Нигде рабочие не приниженны — порабощены, как у нас.

С нас весь сок выжимают, с нас кожу заживо сдирают. Нам больно, мы о наших болях, о наших страданиях друг другу жалуемся, нам говорить воспрещают.

Стонем от побоев, от ран, ежеминутно наносимых, — на нас палачей-жандармов натравляют!

Требуем человеческого обращения, — наших товарищей, за наши интересы крепко стоящих, в острог сажают, а нас по их дудке пляшущими баранами обзывают!

Вперед, друзья-товарищи, сбросим с себя позорную опеку наших кровопийц!

Докажем нашим эксплоататорам, что мы сумеем постоять за себя и за наших арестованных товарищей!

Покажем им наше презрение к острогам, где дышится ничуть не хуже, чем в наших душных мастерских.

Противопоставим силе наших врагов нашу силищу, их бесстыдным приказаниям следующие наши требования:

1. Отмены вечерних сверхурочных работ.
2. Увеличения рабочей платы на 50%, кто меньше 1 руб. получает; на 30%, кто свыше 1 руб. получает.
3. Соответственно этому — увеличения тарифа аккордных работ.
4. Выдачи рабочей платы 2 раза в месяц.
5. Уничтожение «нулей».
6. Человеческого обращения со стороны мастеров и бригадиров.
7. Улучшения гигиенических условий труда в мастерских.
8. Вывешения ответа на наши требования в районе рабочего населения.
9. Освобождения наших арестованных товарищей.

II

Дорогие товарищи!

Сотни тысяч глаз смотрят на вас, с напряженным вниманием следя за вашим освободительным движением!

Чудовищный рост ваших сил внушает врагам страх и невольное к вам уважение.

Мужество и единодушие ваше восхищает друзей, окрыляя их надеждой на лучшее будущее.

Тактика и дисциплина, с какими вы боретесь с бездушными угнетателями, вызывают к вам зависть у слепых защитников произвола мощны, заставляя их в то же время вложить в ножны мечи, против вас обнаженные!

Ваша стойкость, дальнейшая выдержанность в борьбе покажут, насколько основательны этот страх врагов, эта зависть слуг капитала и радость друзей...

Помните, товарищи, что вы не одни! За вашими спинами скрываются миллионы сил, готовых протягивать вам свои железные руки.

Наконец хорошенько вникните в новость, которую спешу вам сообщить: идут поддержать вас заявлением своих требований помощники машинистов, столь же многострадальные, как и вы.

Понимаете ли вы, товарищи, всю важность этого союза?

Понимаете ли, какое чудо можете совершить? Вы, действуя заодно с ними!

Так поддержите и вы их!

Ваши интересы совпадают!

Да здравствует пролетариат!

III

Товарищи!

Нам господа угрожают увольнением, если завтра на зов гудка не поскачем на работы в мастерские.

Решим, друзья, не поддаваться этим пустым угрозам этих пустых паразитов, хотя бы пришлось на целые месяцы питаться одними только жолудями.

Дадим друг другу клятву постоять на своем, пока не будут выполнены до единого все наши требования.

Смотрите, с каким мужеством бьются с врагами наши

товарищи на фабриках: Сафарова, Базарджианца, Энфиаджианца и Бутулова.

Нам ли отстать от них?

Честь верным борцам!

Презрение жалким трусам, отступникам, изменникам!

IV

К помощникам машинистов

Товарищи!

Происходит великое, необычайное дело: пролетарии всех стран пробуждаются от векового сна. Везде они приходят к сознанию своего тяжелого положения. Везде они, объединяясь, дружно вступают в ожесточенную борьбу со своими врагами. Везде в этой борьбе выходят победителями. Хозяева (фабриканты, заводчики, или начальники казенных промышленных заведений), видя объединенную силу рабочих, принуждены удовлетворять их требования: сокращать число рабочих часов, увеличивают заработную плату (жалованье и пр.).

В этой освободительной борьбе пролетариата не отстали и наши тифлисские братья. Почти все тифлисское рабочее население бросило работы, объявляя войну своим притеснителям.

В рядах этих честных борцов не видать вас только, товарищи.

Ну, где же вы, ну, что же стало с вами? Ужели ваши каторжные работы, столь жалко оплачиваемые, не дают вам права возвышать голос в защиту своих интересов?

Долой эту лень, прочь это безучастное отношение к вокруг вас происходящей борьбе.

Бросьте работы, присоединитесь к борющимся!..

Стыд и срам всем изменникам!

Позор всем отступникам — Ельницким!

Да здравствует единство!

Да здравствует солидарность!

V

Товарищи!

Нас арестовывают за то, что мы требуем исполнения закона, — значит, правительство издает законы, чтобы обманывать, морочить нас.

Нас арестовывают за то, что мы требуем повышения нищенской платы, — значит, правительство хочет, чтобы мы вели полуголодную, зверскую жизнь.

Нас арестовывают за то, что мы требуем, чтобы с нами обращались, как с людьми, — значит, правительство смотрит на нас, как на скотов, которые и лягаться не имеют права.

Запомним это, братья. Когда придет день расчета с правительством — а день этот близок, — мы потребуем за это отчет.

— Теперь, братцы, дружно будем стоять за свои требования и покажем нашим кровопийцам и их прихвостням с правительством, что они имеют дело не с жалкими рабами и бессловесными скотами, а с людьми, которые умеют требовать, умеют бороться, и, если нужно, и страдать за святое дело.

Дружно к победе, друзья-товарищи!..

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Из постановления № 199, подписанного жандармским ротмистром Цысс

1901 года октября 16 дня, в г. Тифлисе, я, отдельного корпуса жандармов ротмистр Цысс, рассмотрев настоящую переписку, а также имеющиеся в делах Тифлисского губернского жандармского управления копии официальных донесений департаменту полиции и главноначальствующему гражданскою частью на Кавказе, сообщения чинов жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог и агентурные сведения по делу о забастовке рабочих главных мастерских и депо «Тифлис» названных дорог, происходившей в июле и августе прошлого 1900 года, установил, что обстоятельства сего дела выяснились в следующем виде.

Достаточно беглого взгляда на... события, чтобы убедиться, что в движении рабочих ничего самобытного, возникшего в их же среде, не было. Рабочие мастерских и депо волновались потому, что рабочие других заводов также волновались, и забастовка для многих представлялась какой-то необходимой повинностью, не столько для улучшения своего положения, которое до 1897 года ничем лучше не было и все-таки не вызывало стачек, сколько для того, чтобы не отстать

от товарищей. Если бы основной причиной стачки было неудовольствие рабочих на незначительную прибавку, то стачка возникла бы ко времени назначения прибавки, т. е. 1 июля, тем паче, что брожение рабочих по этому поводу в то время было уже значительно, и не в одном каком-либо цехе, а во всех мастерских. Между тем стачка возникла лишь через месяц, и при первом проявлении стачки рабочие даже не возбуждали вопроса о прибавках, а требовали то отмены вечерних работ, то вновь установки вечерних работ, то остановки машин в нерабочее время и, наконец, удаления Пфунта и Гамкрелидзе, и лишь только вечером 2 августа неизвестным лицом, наружным видом не похожим на рабочего, было подано начальнику дороги заявление о требованиях рабочих. Письмо это определенностью своих требований не походило на произведение рабочих, которые в то время еще сами не знали, чего они хотят, и, разбившись на кружки, требовали иногда диаметрально противоположного. Что же касается второго, полученного г. Веденеевым [1], письма, то оно, как было указано выше, своим тоном и характером выражений вполне подходило к произведениям агитировавшей в г. Тифлисе социал-демократической партии. Основываясь на этом, можно было бы безошибочно допустить, что стачка в депо и главных мастерских Закавказских железных дорог была всецело произведением социал-демократической партии, доказательством чему, помимо изложенного выше, можно привести следующее:

1) Дознаниями, производимыми о разных кружках социал-демократической партии, неоднократно устанавливалось, что после Эрфуртского съезда деятельность этой партии, согласно выработанной съездом программы, преимущественно направлена на сближение социал-демократов с рабочим классом, пропаганду среди него своих идей и организацию стачек, по возможности одновременно во всех промышленных заведениях данного района. До проявления социал-демократической деятельности в Тифлисе стачки если и бывали, то лишь как самостоятельное единичное явление на том или другом заводе, в данном же случае: в конце июня произошли стачки наборщиков тифлисских типографий, в первых числах июля — стачки на табачной фабрике Сафарова, 26 июля — на фабрике Базарджианца, 2 августа — на чугунолитейном и машино-

[1] Начальник Закавказской железной дороги. — *Ред.*

делательном заводе Яралова и на табачной фабрике Энфиаджианца, 6 августа — вновь на фабрике Сафарова, 10 августа на заводе войлочно-бурочного производства и обуви Идельханова и т. п.

2) Начавшие появляться во время стачки прокламации носили первоначально чисто рабочий характер. По окончании стачки прокламации продолжали время от времени появляться, и по мере того как производимыми при управлении дознаниями и агентурой были задерживаемы причастные к распространению их лица, принадлежащие сплошь к социал-демократической партии, и дальнейшее укрывательство действий этой партии под маской чисто рабочего движения стало бесцельно, тон прокламаций сразу изменился, приняв чисто революционный характер, и под прокламациями время от времени стали появляться подписи разных союзов и типографий социал-демократической партии.

И, наконец 3) Произведенная рабочими большинства тифлисских заводов демонстрация 22 апреля 1901 года, рассмотрение которой составляет отдельную переписку... своим характером, совершенно чуждым частных интересов какого бы то ни было промышленного учреждения, вооруженным сопротивлением полиции и выброшенным демонстрантами красным флагом с призывными словами коммунистического манифеста и портретами Маркса, Лассаля и Энгельса вполне точно определила источник брожения рабочих.

Ввиду совершенно особых условий, при которых происходили стачки, выяснить своевременно деятельность и личный состав революционных кружков, влиявших на рабочих, было совершенно невозможно. С одной стороны, недостаточность наблюдательного состава, занятого, как было уже выше указано, одновременно пятью стачками и совершенно переутомленного работой; с другой — неожиданное исчезновение из канцелярии мастерск. рабочей адресной книги, принудившее устанавливать адрес каждого подлежащего обыску лишь путем расспросов, привело к совершенной безрезультатности обысков. Заключение под стражу также не дало должных результатов, так как ввиду переполнения тюрьмы, наполовину уже занятой лицами, привлеченными к другим дознаниям, одиночное заключение не могло быть осуществимо.

Вполне допуская, что всем движением рабочих в Тифлисе руководил один революционный центр, перепиской этой и вытекавшим из нее дознанием не установленный, на основании

данных переписки и дознания можно указать на пять отдельных источников совращения рабочих, а именно: 1) библиотека депо Тифлис Закавказских железных дорог; 2) тесно сплоченная группа рабочих, составившаяся из административно высланных из других рабочих районов; 3) злонамеренные лица, постоянно меняющие места жительства, специально занимающиеся пропагандой... 4) интеллигенты, видимо, руководящие перечисленными ниже группами и стремящиеся по возможности стоять совершенно в стороне движения... и 5) возникшие в Тифлисе уже во время движения рабочих кружки молодежи, преимущественно из учеников Александровского учительского института, высланных за беспорядки студентов, лиц вообще без определенных занятий и т. п., представителями каковых являются Николай Домостроев, Павел Пушкарев, Прокофий Джапаридзе и другие.

Деятельность первой из этих категорий выяснилась в следующем виде: при производстве обысков, как по этой переписке, так и по другим стачкам в г. Тифлисе, было замечено, что у большинства подвергнутых обыску лиц были обнаружены книги, совершенно не соответствующие по своему содержанию степени образования лиц, их читающих, получивших преимущественно лишь начальное образование и зачастую полуграмотных. Обстоятельство это обрисовывалось еще резче при просмотре тетрадей и записных книжек, не заключающих обыкновенно в себе ничего нелегального, но переполненных всевозможными выписками из разных изданий по политической экономии и социологии в отдельности совершенно невинных, но в массе и при желании скомбинировать их в известном порядке могущих дать стройное целое крайне вредного направления. Заметки эти рабочими не только выписывались, но заучивались и зачастую цитировались. Разговоры некоторых из так называемых «развитых» рабочих постоянно пестрят словами «авторитет», «принцип», «тенденция», «инквизиция», «идея», «абсолютизм» и т. п., употребляемыми зачастую совершенно некстати. Далее, у рабочих, под впечатлением подобных книг и в обольщении собственной своей «развитостью» является потребность создать что-либо собственное и, конечно, на почве социальной или, что в данном случае нераздельно, — революционной.

Так как главная масса обнаруженных у рабочих книг была из библиотеки депо Тифлиса Закавказских железных дорог, то был произведен осмотр этой библиотеки и ее делопроизводства,

причем выяснилось, что библиотека составлена по подписке служащих в депо с субсидией от дороги, из числа ее членов составляют: машинисты 20,2%, помощники машинистов 22,1%, рабочие главных мастерских и депо 47%, служащие на станции Тифлис 10,5%, служащие по пути — 1,6% и высшие служащие — 0,4% или $^1/_{236}$ числа всех членов. Принимая во внимание, что общее образование машинистов и их помощников ограничивается городским училищем или 4 классами гимназии, рабочие же мастерских в большинстве случаев малограмотны, а практиканты из студентов на Закавказской железной дороге бывают в самом ничтожном числе, оказывается, что лишь $^2/_{236}$ часть читателей библиотеки принадлежит к категории людей, получивших высшее или среднее образование, прочим же доступно лишь самое легкое чтение, и само собой разумеется, что библиотека для таких читателей должна бы ближе всего подходить к народным читальням.

2. Деятельность рабочих, административно высланных в Тифлис преимущественно из С.-Петербурга и Тулы, первоначально проявлялась очень не ясно. Время от времени поступали в управление агентурные указания на вредное направление Мирона Савченко, Александра Салищева, Федора Татаринова, но все эти данные определенного характера не носили и не были достаточными для возбуждения дознания. Административно высланные рабочие хотя и были между собой в постоянных сношениях, но преимущественно держались отдельными кружками, живущими на общих началах. Из числа этих кружков наибольшее внимание на себя обращали: один, состоящий из Назарова, Татаринова, Романова, Салищева и Валикова и также, хотя живущего в отдельной квартире, но тесно связанного с ними, — Кириллова; и другой, состоящий из Савченки и Калинина. Все пребывающие в Тифлисе поднадзорные, административно высланные и просто сомнительные в политическом отношении лица, как, например, Лев Волков, Звулон Литвин, Николай Зеленцов и другие, — всегда находили приют в одном из этих кружков и были с членами его в постоянных сношениях. Обыском квартиры Назарова 1 августа обнаружены в нескольких экземплярах рукописные стихи «На смерть шефа жандармов Мезенцева», обыском 2 августа квартиры Савченки найдены письменные указания на сношения его с крайне скомпрометированным в политическом отношении Владимиром Родзевичем-Белевичем и на сборы последним денег в пользу политических заключенных, все эти лица, как привлекавшиеся

уже иные даже по нескольку раз к дознаниям держали себя крайне осторожно: ни в какие видимые отношения с интеллигентами не входили, за несколько дней до забастовки под разными предлогами оставили работы, держались в стороне от наиболее выдававшихся забастовщиков, сходок не посещали и не имели у себя прокламаций. Деятельность их была крайне осторожна, и, надо полагать, они служили соединительным звеном между агитаторами-интеллигентами и рабочей массой, указания на что и получились по дознанию о Льве Волкове.

Осенью 1900 года из департамента полиции были получены сведения о том, что некое лицо за подписью «Чацкий», проживающее в Тифлисе, через посредство тифлисского жителя Дариспана Осипова Хелая сообщает проживающей в Казани «Софии» сведения о местном рабочем движении, — повидимому, для помещения таковых в заграничной нелегальной прессе, причем лицо это имеет отношение к дому № 131 на Авчальской улице. Установленным по сему делу наблюдением было выяснено, что в доме № 131 проживают административно высланные Михаил Калинин и Мирон Савченко и что они имеют постоянные сношения с поднадзорными — Назаровым, Салищевым, Валиковым, Романовым, Литвиным, а также с привлеченными к этой переписке обвиняемым Сергеем Аллилуевым, Михаилом Гурешидзе и Николаем Зеленцовым... В ночь с 22 на 23 декабря все эти лица были арестованы, причем в квартире Адама Лыщинского была найдена нелегальная брошюра «Свободная мысль» с неизвестным письмом графа Л. Н. Толстого к фельдфебелю и несколько польско-патриотических сочинений; в квартирах же прочих лиц ничего предосудительного не обнаружено, за исключением довольно большой библиотеки разрешенных цензурою книг по вопросам социологии, рабочему и политической экономии, принадлежащей частью Татаринову и Салищеву и бывшей уже на просмотре в Московском губернском жандармском управлении, частью же Звулону Литвину. По окончании обыска в квартире Назарова, где на чисто коммунистических началах проживали Назаров с женой... Татаринов, Салищев и Валиков, а также прибывший из С.-Петербурга под надзор полиции в г. Тифлис Литвин, был произведен осмотр двора, чердаков и нежилых комнат, во время которого Литвин, обратясь к толпе, сказал: «Гоните полицию в шею», ввиду чего был также подвергнут аресту, хотя и не подлежал ему первоначально. После неко-

торого времени пребывания под стражей Дариспан Хелая показал, что он действительно служил посредником в переписке какой-то особы из Казани с Михаилом Калининым, что Калинин подтвердил, пояснив, что он, за псевдонимом «Александр Чацкий» переписывался с некой «Софией», в действительности Юлией Поповой, фельдшерицей, привлекавшейся с ним по одному и тому же делу при С.-Петербургском губернском жандармском управлении.

3. Третий источник подстрекательства рабочих — неоднократно опороченные и принадлежащие к разряду неисправимых интеллигенты Владимир Карлов Родзевич-Белевич и Лев Гаврилов-Волков.

Находясь в заключении в Метехском замке одновременно с арестованными впоследствии участниками забастовки в мастерских, Родзевич-Белевич в короткое время внес полнейшую деморализацию в среду заключенных, организовал сообщение заключенных между собой, вошел в сношения с незаключенными помощью сигналов, поддерживал рабочих в упорстве, пользовался ссудами из рабочей тайной кассы и вызывал настолько крупные недоразумения арестованных в одной с ними камере Аллилуева, Киясова, Беридзе и Пушкарева с администрацией тюремного замка, что последняя дважды вызывала в замок жандармского офицера и, наконец, принуждена была наложить на всю камеру дисциплинарное взыскание.

4. Влияние на волнение рабочих кружка местных интеллигентов, как обнаруженное впоследствии и составляющее предмет особого дознания о социал-демократическом кружке, полностью рассмотрено здесь быть не может, первые же проявления агитации интеллигентов были замечены в конечный период стачки и разбирались первоначально в порядке охраны настоящей перепиской... Во время самой стачки поступали глухие указания на подстрекательство рабочих со стороны студентов-практикантов, прибывших на каникулярное время в город Тифлис.

5. Последним из установленных этой перепиской источников подстрекательства железнодорожных рабочих являются возникшие в Тифлисе же кружки молодежи, не имеющей никаких определенных политических воззрений и стремящихся к конспиративной деятельности, какого бы рода она ни была, представителями таковых являются ученики Александровского учительского института — Прокофий Джапаридзе, Николай

Домостроев, Сергеев, Мещерин, Гогия и другие и бывший студент Харьковского технологического института Павел Пушкарев.

Джапаридзе и Пушкарев в безусловном подстрекательстве рабочих уличены не были. Во время демонстрации и перед X полицейским участком было замечено, что они между собой переговариваются и шныряют среди рабочих. Ввиду этого они были арестованы и обысканы. Обыском у Пушкарева была найдена тетрадь с выписками разными почерками из нелегальных изданий, безусловно принадлежащих к категории отобранных у него в 1899 году, и не отобранная в числе прочих на обыске, так как она хранилась в вещах Пушкарева, оставленных в Тифлисе, обыскан же он был в Кутаисе; обыском у Джапаридзе... письмо учеников патриотов-грузин к марксистам, письмо Домостроева, изобличающее его в неблагонадежности, гектограф и химические чернила, кроме того, рукописный адрес квартиры Пушкарева, который Джапаридзе пытался уничтожить. Допрошенный по поводу найденного, Джапаридзе показал, что гектограф ему служит как сковорода для жарения мяса, химические же чернила он приобрел случайно. В гектографировании прокламаций Джапаридзе виновным себя не признал, но после месячного пребывания под стражей заявил, что гектограф у него был для издания ученического журнала. Несмотря на обнаруженные у Джапаридзе адреса Пушкарева, как тот, так и другой упорно отрицали всякое существование между ними знакомства и тем самым только оттенили, что знакомство их зиждилось на нелегальной почве.

Все перечисленные выше группы, вошедшие в дознание совершенно самостоятельно, имели между собой тесную связь и, весьма возможно, были в зависимости от одного общего центра, имеющего, в свою очередь, связь с революционными центрами Риги, Екатеринослава, Тулы, С.-Петербурга и других городов.

Указанная в этом постановлении в общих чертах связь между железнодорожными рабочими и функционирующими в Тифлисе социал-демократическими кружками настоящей переписки не рассмотрена, так как вошла в предмет расследования производимых при Тифлисском губернском жандармском управлении дознаний о социал-демократическом и демократическом кружках, каковыми уже ко времени окончания переписки обнаружен ряд железнодорожных служащих, причастных

к этим кружкам, и, между прочим, один из руководителей забастовки помощников машинистов, привлеченный обвиняемым по настоящей переписке, Калистрат Гогуа.

Главные руководители забастовки:

Аллилуев, Сергей Яковлев, заподозрен в расклейке прокламаций в стачку 1898 года, видимо, руководил толпой рабочих токарного цеха, вмешивался всюду, чем обратил на себя внимание железнодорожной полиции, заявлял неудовольствие мастеру Блюмбергу, при всех требованиях рабочих был впереди толпы, предъявил требование об удалении бригадира Пфунда, на сходке говорил речь, получал субсидии из рабочего фонда, не признавая себя виновным в агитации, признал виновным в соучастии в стачке.

Киясов, Иван Давидов, был на сходках у Давида [1] и на Вере, держал себя как руководитель сходки, раздавал гектографированные воззвания, был во главе забастовавших помощников машинистов, увел их в Задозинский монастырь, читал им там прокламации. Признавая себя виновным в активной деятельности, заявил, что читанные им прокламации он нашел.

Стуруа, Иван Федоров, был одним из главных организаторов стачки, был в сношениях с социал-демократической партией и служил посредником между нею и рабочими, созывал на сходку, говорил рабочим речь, распространял прокламации... Ввиду получения достаточных данных, уличающих его в совершении преступления, предусмотренного 252 ст. Улож. о наказ., помимо настоящей переписки, привлечен также обвиняемым в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд.

Татаринов, Федор Николаев, отказавшись от работ, дал повод к забастовке других рабочих, обратил на себя внимание железнодорожной полиции своей крикливостью. Ранее сего привлекался к дознаниям по политическим преступлениям, при обыске у него обнаружены рукописные стихи.

Чадров [2], Захар Иосифов, до стачки был замечен чинами железнодорожной полиции с хождением по цехам, во время забастовки выделялся и грозил побоями не желавшим примкнуть к стачке, признал себя виновным только в агитации против бригадира Гамкрелидзе.

---

[1] Монастырь. *Ред.*

[2] Чодришвили. *Ред.*

Джапаридзе, Прокофий Афанасьев, во время демонстрации рабочих перед X полицейским участком был замечен чинами управления. Обыском у него обнаружен гектограф, химические чернила, письмо, послужившее основанием к привлечению Домостроева, а также переписка, изобличающая его в сношениях на нелегальной почве с Домостроевым и Сергеевым и указывающая на существование конспиративной деятельности среди учеников учительского института. Во все время пребывания под стражей держал себя крайне вызывающе и ни в чем виновным себя не признал, что же касается гектографа и химических чернил, то заявил, что держал их с целью издавать ученический журнал.

Пушкарев, Павел Трофимов, замечен с Джапаридзе около X полицейского участка во время происходивших там беспорядков; личность безусловно политически ненадежная, но к сему делу существенного отношения не имеет. Во время производства настоящего дознания привлечен к другому, вследствие данных, установленных агентурным путем.

Михаил Иванов Калинин [1].

Помимо перечисленных выше, привлеченных обвиняемыми, при производстве переписки и дознания, а равно негласным путем получился целый ряд указаний на сомнительную политическую благонадежность разных лиц, частью выбывших своевременно из Тифлиса и неразысканных, частью привлеченных уже к другим дознаниям и частью не имевших прямого отношения к делу или недостаточно уличенных для привлечения их обвиняемыми, о которых вместе с настоящей перепиской сделано особое представление начальнику Тифлисского губернского жандармского управления на случай могущих понадобиться справок на будущее время.

Кроме всего изложенного, ввиду возрастающего развития промышленной фабричной жизни Тифлиса и увеличения числа проживающих в нем рабочих, просить представления начальника управления об ограничении высылки в г. Тифлис административно-ссыльных и недопуске их в более крупные заводы и фабрики.

Подлинное подписал: отдельного корпуса жандармов ротмистр Цысс.

---

[1] Всего в Постановлении перечислено 112 лиц, обвиняемых в организации забастовки. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Постановление

1905 г. января 13 дня я, и. д. московского градоначальника генерал-майор Руднев, принимая во внимание имеющиеся в отделении по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве сведения о жене крестьянина Воронежской губ., Новохоперского уезда, Ярковской вол., Ольге Евгеньевне Аллилуевой и руководствуясь ст. 21 Положения о государственной охране, высочайше утвержденного в 14-й день августа 1881 года, постановил: означенную Аллилуеву, впредь до разъяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Московской губернской тюрьме с содержанием, согласно ст. 1043 Уст. угол. судопр., в отдельном помещении. Настоящее постановление, на основании 431 ст. того же устава, объявить арестованной, а копию с постановления препроводить прокурору Московской судебной палаты и в место заключения задержанной.

Постановление арестованной Аллилуевой предъявлено, но расписаться в объявлении такового она отказалась.

Генерал-майор РУДНЕВ
Тов. пом. нач. тюрьмы (подпись)

Настоящее постановление мне объявлено.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Постановление

1905 г. февраля 14 дня в гор. Москве, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Бабчинский, рассмотрев сообщение начальника Моск(овского) охр(анного) отд(еления) от 11 сего февраля за № 1351, нашел: что, согласно означенному сообщению, в январе с. г., вследствие произведенных в Петербурге фабричными рабочими беспорядков, в Москве революционные группы усилили свою агитационную деятельность для устройства вооруженной демонстрации на улицах Москвы, в числе этих лиц наблюдаема была группа лиц, принадлежащих к социал-демократической организации, у коих 12 января с. г. произведены были обыски, а именно: 1) у крестьянина Новохоперского уезда, Воронежской губ., Сергея Яковлева Аллилуева, 2) у студента Московского университета Александра Семенова Орлова и 3) у крестьянина Медынского у.,

Калужской губ., Василия Ефимова Соловьева, причем при обыске обнаружено: у Орлова — мимиограф со всеми принадлежностями и разные воззвания, каждое в несколько (экземпляров), к рабочим типографии о забастовке, воззвания и выписки, касающиеся беспорядков в Москве 9 января с. г.; у Соловьева — гектограф, вырезки из революционной газеты «Искра», заметки по вопросам революционного характера и у Аллилуева — две прокламации революционного характера. Полицией, оставленной в квартире Аллилуева, задержан явившийся туда Сергей Александров Чукаев, по личному обыску у коего отобрано более 1 000 экземпляров прокламаций.

Наконец, по тому же сообщению охр(анного) отд(еления) Василий Ефимов Соловьев взял на себя обязанность устраивать сборища рабочих на улицах и руководить ими. Означенные сведения подтверждаются тем обстоятельством, что при задержании Соловьева у него был обнаружен заряженный револьвер и железная перчатка.

Таким образом, сведения начальника Москов(ского) охр(анного) отд(еления) подтверждаются результатом обысков, а потому, по соглашению с товарищем прокурора Московского окружного суда Виссарионовым, постановил: к выше упомянутым Аллилуеву, Орлову, Соловьеву и Чукаеву предъявить обвинение в участии в сообществе, заведомо поставившем себе целью своей деятельности ниспровержение в России существующего общественного строя, каковое преступление предусмотрено 126 ст. Уг. ул., и допросить их в качестве обвиняемых по сему делу.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Начальник
Моск. Губ. Жанд. Упр.
3 марта 1905 г.
№ 2698

Господину начальнику моск. охранного отделения

Секретно

Привлеченный при вверенном мне управлении к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 126 ст. Уг. улож. крест. Воронежской губ., Новохоперск. у., с. Раменья, Сергей Яковлев Аллилуев, согласно состоявшегося в дознании

постановления на основании 2-й ч., 416 ст. Уст. уг. суд., отдан под особый надзор полиции.

Вследствие изложенного, препровождая при сем помянутого Аллилуева, прошу распоряжения вашего высокоблагородия об учреждении за ним особого надзора полиции и о последующем меня уведомить.

Приложение: метрическ. свидетельство о рождении и крещении Сергея Аллилуева от Воронежск. дух. консистории, 1866 г. за № 10952, и выписка из метрической книги о рождении Ольги Аллилуевой от Тифлисской больнич. церкви от 9 января 1878 года.

Полковн. СОБОЛЕВ

Полковн. БАЧИНСКИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Начальник
Донск. Областн. Жанд. Управл.
20 мая 1905 г.
№ 2363
на № 3039
(Запросить на родине 24 мая)

Начальнику Московского губернского жандармского управления

Секретно

Сообщаю, что привлеченный при вверенном вам управлении и состоящий под особым надзором полиции крестьянин Сергей Яковлев Аллилуев по прибытии в г. Ростов-на-Дону скрылся и, по произведенному розыску, в гг. Ростове и Нахичевани-на-Дону на жительстве не оказался, почему названный надзор полиции за Аллилуевым не мог быть учрежден.

Ротмистр (подпись)

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

От автора 7

Пройденный путь

Глава первая 11
Глава вторая 17
Глава третья 20
Глава четвертая 27
Глава пятая 34
Глава шестая 38
Глава седьмая 42
Глава восьмая 46
Глава девятая 51
Глава десятая 59
Глава одиннадцатая 63
Глава двенадцатая 69
Глава тринадцатая 74
Глава четырнадцатая 80
Глава пятнадцатая 83
Глава шестнадцатая 88
Глава семнадцатая 93
Глава восемнадцатая 97
Глава девятнадцатая 101
Глава двадцатая 106
Глава двадцать первая 110
Глава двадцать вторая 120
Глава двадцать третья 126
Глава двадцать четвертая 132
Глава двадцать пятая 138
Глава двадцать шестая 144
Глава двадцать седьмая 150
Глава двадцать восьмая 154
Глава двадцать девятая 159

Стр.

Глава тридцатая 166
Глава тридцать первая 169
Глава тридцать вторая 174
Глава тридцать третья 178

Приложения

Секретное донесение временно исполняющего должность начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции от 20 июля 1900 г. 185
Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции от 29 июля 1900 г. 185
Объявление рабочим тифлисских мастерских 191
Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции от 1 августа 1900 г. 192
Определение совещания, созванного на квартире и. д. губернатора Стефановича от 1 августа 1900 г. . . . 194
Письмо мастеровых Закавказской железной дороги . . . 195
Секретное донесение штаб-ротмистра Лаврова в департамент полиции от 10 августа 1900 г. 196
Заявление мастеровых и чернорабочих мастерских и депо Закавказских железных дорог 200
Листовки 201
Из постановления № 199, подписанного жандармским ротмистром Цысс 204
Постановление и. д. московского градоначальника Руднева 214
Постановление жандармского подполковника Бабчинского 214
Донесение начальника Московского губернского жандармского управления 215
Донесение начальника Донского областного жандармского управления 216

Редактор О. Румянцева

Технический редактор О. Чеботарева

*

Переплет худ. Н. В. Ильина

*

Сдано в набор 8/XII 1945 г. Подписано к печати 2/IV 1946 г. А-1533. Тираж 25 000 экз. 13¾ печ. л.

Зак. № 6498.

*

1-я Обр. тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров РСФСР.

Москва, Валовая, 28.

16376

P..4

46 IV

8r

163776

22